

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ

СЕНТЯБРЬ 9
1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ № 9*Стр.*

А. Вышинский — Трехлетие закона 7 августа 1932 г. „Об охране общественной (социалистической) собственности“	1
А. Турин — О методике следствия и учете следственной работы	13
И. Лаговнер — Практика борьбы органов юстиции с обвешиванием и обмериванием	17
Е. Львов — О судебной работе прокурора	21
М. Чельцов-Бобутов — Прокуратура и органы связи	24
И. Гураль — Борьба с преступностью на местном транспорте в Москве	26
Б. Ошеревич — Опыт работы Московского и Ленинградского институтов права и вопросы правового образования	29
Е. Домбровский — Еще раз о волоните	35
С. Эпштейн — О надрах коллегии защитников	37
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	38
По союзным республикам	50
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	53
Официальный отдел	63
Сводка важнейших постановлений	71
Приветствия, поступившие на имя т. Вышинского	72
От Издательства	72

ЗА социалистическую ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

СЕНТЯБРЬ 9
1935 г.

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

А. Я. Вышинский

Трехлетие закона 7/VIII 1932 г. „Об охране общественной (социалистической) собственности“¹

Сегодня мы подводим итоги деятельности наших органов в связи с декретом 7 августа 1932 г. об охране общественной социалистической собственности.

Три года—это очень небольшой срок в жизни закона, и едва ли можно было бы уже говорить об итогах действия этого закона, если бы это не касалось именно такого декрета, такого закона, каким является постановление правительства об охране общественной социалистической собственности.

Я подчеркиваю это ввиду того, что в жизни нашего государства срок три года для действия закона, не потерявшего ни в какой мере своей силы, а наоборот, после 3-летнего своего действия являющегося не менее, а еще более активным, еще более реальным фактором нашего государственного строительства,—это сам по себе факт достаточно знаменательный.

1932 год представлял собою год окончательно определившейся победы принципа социализма во всех сферах нашего государственного и народнохозяйственного строительства. 1932 год уже означал окончательную победу принципа социализма. В это время соотношение классовых сил в СССР безусловно и безоговорочно позволяло уже утверждать,

что дело социализма окончательно в нашей стране победило. 1932 год в то же время показал, как остро история ставит вопрос о сопротивлении делу социализма последних остатков старых эксплуататорских классов.

Декрет 7 августа 1932 г. означал победу общественной социалистической собственности, которая именно в силу того, что она стала господствующим началом во всей нашей общественной жизни, потребовала более решительной защиты, большего внимания и более серьезных мер охраны, чем это было ранее того, как она стала господствующей силой, единственной командующей и руководящей силой во всей нашей общественной и хозяйственной жизни. Нет никакого сомнения, что издание декрета 7 августа 1932 г. было вызвано главным образом именно этим обстоятельством, именно этим превращением нашей общественной социалистической собственности в командующую, господствующую силу, в основу всего нашего советского строя.

Об этом с исчерпывающей полнотой говорил на январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. т. Сталин, характеризуя общественную собственность, как основу советского строя, и характеризуя задачи органов революционной законности и самой революционной законности таким образом, что основное в этих задачах заключается в охране и защите именно этой общественной собственности, провозглашенной декретом 7 августа, свя-

¹ Доклад т. Вышинского А. Я. на ту же тему на собрании, созванном президиумом Комкадемии, Институтом сов. строительства и права при Комкадемии и Институтом уголовной политики при Прокуратуре и Верховном Суде СССР и НКЮ РСФСР от 13 августа 1935 г.

ценной и неприкосновенной. То обстоятельство, что принцип социализма победил во всех сферах нашего народного хозяйства и что СССР твердо и непоколебимо опирается на общественную собственность — основу фундамента нашего социалистического общества, социалистической экономики, — и обусловило жесточайшее нападение наших врагов на общественную социалистическую собственность, являющуюся основой всего советского строя.

В том же своем историческом выступлении в 1933 г., посвященном итогам первой пятилетки, т. Сталин обращал внимание на то, что главное в «деятельности» наших врагов состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Тов. Сталин указывал, что воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение ж.-д. грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях, особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах, — вот что является основной формой деятельности разного рода бывших людей, пытающихся оказать сопротивление победоносному движению вперед нового общественного строя. Эти враги чувствуют, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить советской власти, и они путем организации массового воровства и хищений действительно стараются расшатать общественную собственность.

Этим с исчерпывающей полнотой объясняется, чем вызван к жизни декрет 7 августа 1932 г. С одной стороны, общественная социалистическая собственность уже к 1932 г. приобрела такой удельный вес во всей экономике, во всей нашей государственной жизни, что именно на защиту и охрану ее надо было направить основное наше внимание, главное наше внимание.

В то же время удар классовых врагов против советской власти, против диктатуры пролетариата, против социализма уже тогда направлялся по преимуществу именно в сторону подтачивания общественной социалистической собственности, являвшейся основой всего советского строя. Это было вторым обстоятельством, потребовавшим, чтобы

на защиту общественной собственности встал закон во всей своей полноте, во всей своей остроте.

Вот эта живая потребность того времени, когда люди, посягающие на общественную собственность, были объявлены врагами народа, когда по отношению к этим врагам народа закон приказал применять беспощадные меры расправы — расстрел или 10 лет, отказывая преступникам, виновным в покушении на общественную социалистическую собственность, даже в таком праве, как право просить о помиловании, — это все говорит о том, что декрету 7 августа было придано значение закона, выходящего из ряда обычных законов, поставленных на защиту интересов пролетарского государства.

Неправильно было бы думать, что декрет 7 августа является исключительным законом. Он — исключительный только в смысле исключительности своего всемирно-исторического значения. Но он вовсе не является исключительным в юридическом смысле этого понятия, потому что он представляет собою синтез всей системы советской уголовной политики, всего советского уголовного законодательства в целом.

Этот закон не может быть назван исключительным законом несмотря на то, что меры наказания, установленные декретом 7 августа, и были исключительными, ибо по смыслу закона 7 августа основной мерой наказания является либо 10 лет, либо расстрел, а и та, и другая мера наказания является, конечно, суровой, является такой мерой, которую нужно признать исключительной самой по себе.

Закон 7 августа вовсе не являлся и не является исключительным, так как в нем синтезируются все основные принципы нашего советского уголовного законодательства, так как в нем концентрируются все основные принципы и свойства всей нашей уголовно-судебной политики.

Закон 7 августа является логическим завершением нашей уголовной политики, представляет собою синтез нашей уголовной политики, итог наших мероприятий, при помощи которых на протяжении всего предшествовавшего изданию декрета 7 августа периода времени рабочий класс СССР, под руководством нашей великой коммунистической партии, во главе с великим и мудрейшим

нашим вождем т. Сталиным, осуществляя в нашей стране свою победоносную диктатуру, мужественно борясь против врагов социализма, против врагов строящегося социалистического общества.

В декрете 7 августа (это в высокой степени важно отметить) мы имеем две стороны. Одна сторона ставит задачу беспощадного разгрома наших врагов, врагов народа; другая сторона декрета говорит об обязанности, далеко выходящей за пределы непосредственного применения уголовной репрессии. В декрете 7 августа красной нитью проходит необходимость мобилизации общественных сил на борьбу за охрану общественной собственности. В декрете 7 августа подчеркивается неоднократно и в первом, и во втором разделах необходимость охраны общественной собственности путем ряда органических мероприятий, подчеркивается одновременно и ответственность всех тех, кто, непосредственно не участвуя в расхищении общественной собственности, в расхищении нашего достояния, однако в силу своей небрежности, бездеятельности, халатности, притупления бдительности и т. п. проявляет попустительство или такое отношение к работе, которое облегчает расхищение государственного и кооперативного имущества и достояния.

К сожалению, надо прямо сказать, особенно в первый период действия декрета 7 августа 1932 г. у наших работников на местах и даже иногда в центре с декретом 7 августа ассоциировалось представление только об одной стороне этого декрета—о разгрома врага, о беспощадном его подавлении, о репрессии, которая должна быть — и это совершенно правильно вытекает из всего содержания декрета 7 августа — беспощадно обрушена на головы врагов народа, преступников, покушающихся на общественную социалистическую собственность.

Но вторая сторона этого декрета — это его профилактическое, воспитательное воздействие, как результат правильной организации судебного процесса, это — мобилизация к вопросам охраны общественной социалистической собственности всеобщего внимания, — эта вторая сторона декрета 7 августа нередко упускалась и упускается и в настоящее время из виду. Между тем, не менее важное значение декрета 7 августа заключается именно в том, чтобы при

помощи этой мобилизации советской общественности заострить внимание всех трудящихся на опасности, которую представляют собою эти хищения, показать и научить, что успех борьбы с этой опасностью лежит гораздо глубже, чем в результате простого применения одних уголовных наказаний. Декрет 7 августа показывает, что здесь речь идет не только о механическом подавлении врага, но о такой органической работе, которая помогает разгромить старую психологию, старые буржуазные, мелкособственнические предрассудки, о которых неоднократно говорил и Ленин и вождь нашей партии т. Сталин, указывающий на то, как живучи остатки и пережитки старой психологии. Ведь именно в живучести этой мелкобуржуазной психологии находит свое объяснение факт в высокой степени безразличного, пренебрежительного отношения к интересам общественной собственности людей, строящих свою работу на принципе — «мне бы урвать кусок и удрать, а там хоть трава не расти»; «моя хата с краю»; «пусть каждый делает как считает нужным, а я буду делать, как мне кажется выгодным», и т. д. Декрет 7 августа со всей решительностью бьет именно по этим пережиткам, и в этом состоит одна из наиболее важных особенностей этого исторического законодательного акта.

Две стороны вопроса решаются декретом 7 августа — это беспощадный разгром нашего классового врага и его агентуры, с одной стороны, с другой стороны — это мобилизация общественного мнения, это мобилизация нашей пролетарской общественности против этих, как говорил т. Сталин в своем докладе в Ленинграде 13 апреля, «веселых и невеселых воров», — поход против таких настроений, которые не считают необходимым противопоставить всякому жульничеству, мошенническим махинациям, направленным против интересов общественной собственности, самый решительный отпор общества даже тогда, когда, может быть, каждого члена общества непосредственно не затрагивает данное преступление.

Это прямой результат выражения единства задач, составляющих содержание всей советской уголовной политики: с одной стороны — разгромить врага и его агентуру, с другой — исправлять трудящихся, которые случайно вступили

на путь преступления, исправить и вернуть их на добрый путь, на путь честного труда и активного участия в социалистическом строительстве, и не только трудящихся, но и тех из богачей и тунеядцев, которых можно исправить и о которых говорил В. И. Ленин в «Основных задачах советской власти», упоминая об «исправлении исправимых»...

Декрет об охране общественной социалистической собственности 7 августа 1932 г. представляет собой интерес еще с одной стороны. Едва ли будет ошибочным утверждение, которое я позволю себе сделать, что декрет 7 августа об охране общественной социалистической собственности в известном смысле на данном этапе исторического развития служит исходным пунктом дальнейшего развития нашего советского права.

Советское право, опирающееся на принципы коллективизма, на принципы общественной собственности, в декрете 7 августа 1932 г. впервые в такой исчерпывающей и такой решительной форме и силе находит свое выражение, как право социалистического государства. В этом декрете мы находим в особо резко выраженном виде все особенности советского права, которыми советское право так принципиально отличается от права буржуазных государств.

До декрета 7 августа 1932 г. не было ни одного законодательного акта, с такой полной и последовательностью провозглашавшего новый принцип советской революционной законности, советского права. До декрета 7 августа советское право, сохранявшее в себе отдельные черты или отдельные элементы буржуазного права, не имело акта, выражавшего в качестве основного принципа советской юстиции принцип охраны священной и неприкосновенной общественной социалистической собственности, противопоставившего этот принцип принципу частной собственности, являющейся основой капиталистического строя, основой эксплуататорских обществ.

Декрет 7 августа явился в этом отношении поворотным моментом в развитии нашего советского права, как права, формулирующего и опосредствующего новые общественные отношения, опирающиеся на нашу коллективную собственность.

Позорное, так сказать, значение декрета 7 августа заключается в том обстоятельстве, что после декрета 7 августа все направление нашего уголовного законодательства, нашей уголовной политики, всей практики работы органов советской юстиции должно было пойти — и не могло не пойти — по линии, обеспечивающей раньше всего непоколебимость общественной собственности, являющейся основой всего советского строя.

На основе мощно окрепшей общественной социалистической собственности иначе, по-новому ставятся и такие проблемы, как проблема защиты трудящегося человека, гражданина Союза советских социалистических республик.

Преступления против личности, против личных интересов, достоинства и всякого рода благ трудящегося человека в практике работы органов юстиции должны привлекать к себе иное внимание, должны трактоваться в ином аспекте, в условиях торжества общественной собственности, чем это было ранее.

Проблема превращения наших колхозов в подлинно большевистские, а колхозников — в зажиточных по-новому ставит вопрос об охране так называемых «частных» интересов колхозника.

Это сейчас частные интересы активных строителей социализма, отдающих свои силы и самую свою жизнь борьбе за интересы нового социалистического общества. Между этими интересами коллектива и интересами отдельных членов этого коллектива нельзя уже проводить такой грани, как это было в эпоху, предшествующую победам первой пятилетки.

Больше того. Именно на основе победы первой пятилетки, на основе победы общественной социалистической собственности и выросла задача наиболее последовательной защиты интересов личности советского гражданина. На этой основе такая защита явилась и единственно реально возможной.

Победа социализма разрешает неразрешимую в капиталистическом обществе проблему личности и общества, устраняя это историческое противоречие.

Конечно, мы еще только в начале этой работы, в начале этого пути. Но путь этот нами начат. Он ускорен декретом 7 августа, поставившим новую веху в деле развития советского права, в деле

дальнейшего развития в нем принципов социализма, принципов коммунизма.

Декрет 7 августа, который говорит о торжестве нашей общественной социалистической собственности, который одновременно призывает все силы нашего общества на охрану и защиту этой общественной собственности, имеет исключительное значение таким образом еще и потому, что только в условиях торжества общественной собственности, только в условиях окончательной победы общественной социалистической собственности как основы всего советского строя возможно правильное и исчерпывающее разрешение проблемы общества и личности, проблемы общества и индивида, иначе говоря — решение проблемы о живом человеке.

Именно тогда, когда в нашем обществе господствует общественная собственность, тогда и возможно говорить о всестороннем развитии всех духовных и творческих сил человека, только тогда можно говорить о новом человеке, о человеке в самом чистом и самом лучшем смысле слова.

В «Немецкой идеологии»¹ мы находим интереснейшее указание Маркса и Энгельса на то, что «только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе — возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, принадлежащих к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собою не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. При действительной коллективности индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью этой ассоциации также и своей свободы».

Мы видим как основоположники марксизма утверждали, что развитие индивида, связанное с получением настоящей и полной свободы, возможно только

ко тогда, когда победит принцип коллективизма, когда будет создан новый общественный строй, опирающийся на общественную собственность.

Наконец, третий вопрос, на котором необходимо остановиться, это вопрос, который, хотя я затрагиваю последним, по своему значению и важности является столь же значительным, как и те вопросы, о которых я говорил раньше, — это вопрос о том, что в законе 7 августа в наиболее острой форме выражена идея защиты интересов нового класса, пришедшего к власти, класса трудящихся.

Этот декрет, разоблачающий попытки классового врага противостоять новой экономике, усилиям класса трудящихся создать новое социалистическое общество, указывает на те крайности, к которым прибегает классовый враг, он сигнализирует, он мобилизует наше внимание на необходимость бдительности против тех махинаций, которые развертываются последними остатками эксплуататорских классов, гибнущих, но сопротивляющихся нашим усилиям еще более ожесточенно, чем раньше, ибо в силу закона, который в свое время был сформулирован Лениным и т. Сталиным, умирающие классы сопротивляются тем ожесточеннее, чем они становятся слабее.

Торжество нашей общественной собственности обуславливает и те изменения, которые происходят во всех сферах нашей жизни: в хозяйственном строительстве, в формах быта трудящихся, в области политики вообще и в области нашей судебной политики в частности.

Эти изменения в области нашей судебной политики выражаются в последнее время в большей гибкости советского уголовного закона, в большей эластичности и дифференцированности его применения.

Не нужно забывать, что самая практика борьбы за декрет 7 августа учит нас, хотя не без значительных трудностей, связанных с ошибками его применения в первый период его действия, более гибкому и дифференцированному его применению, чем это вытекало из механически текстуального понимания этого декрета. Мы знаем, что не всякое хищение общественной собственности и не при всяких условиях совершенное должно влечь за собой применение декрета 7 августа, направленного своим острием против врагов народа.

¹ М. и Э. Собрание сочинений, т. IV.

Эта практика показала, как важно уметь дифференцированно и гибко применять этот закон, как вредно и неправильно огульное применение таких законов, как закон об охране общественной социалистической собственности.

Характеризуя условия применения закона 7 августа, нельзя не подчеркнуть, что общественно-политическая обстановка, обусловившая издание этого декрета, обусловила вместе с тем и появление ряда таких государственных актов, которые раскрыли и другую сторону роста и торжества общественной собственности. Я имею в виду такие законодательные акты, как акт о снятии судимости с колхозников, как постановление правительства 11 августа 1935 г. об освобождении от наказания осужденных должностных лиц, в связи с хлебозаготовками, выпуском бон и т. п.

Не может быть никакого сомнения, что именно прочность наших социалистических побед продиктовала издание этих актов, свидетельствующих о великодушии и гуманности советской власти.

Декрет 7 августа 1932 г. впервые в нашей истории в законченной классической форме с точки зрения своего внешнего выражения и с точки зрения своего внутреннего содержания сказал о господстве общественной социалистической собственности в нашей стране и поставил на защиту этой собственности наш советский закон. Этим самым декрет 7 августа 1932 г. явился новой точкой дальнейшего развития и расцвета всего нашего советского права, ибо в декрете 7 августа, как я сказал раньше, выражены были те принципы, которые и до этого были известны советскому праву, государству пролетарской диктатуры.

Вот почему, говоря о трехлетии действия закона 7 августа 1932 г., мы не можем отделить все три года действия этого закона от трехлетия развития и деятельности всего нашего советского права, развития и деятельности всех органов нашей революционной законности и самой революционной законности. Именно в этом смысле я понимаю и указания т. Сталина о том, что революционная законность нынешнего времени отличается от прежней революционной законности тем, что ее основная забота состоит в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Декрет 7 августа говорит, что советское право и советский закон призваны в условиях победоносного движения социализма быть одним из мощных факторов, одним из могущественнейших средств и орудий развития нашего движения вперед. Развить и укрепить наше социалистическое государство, развить и укрепить наш советский строй, являющийся основой переделки всего нашего ныне еще классового общества в общество социалистическое, в общество бесклассовое — в этом колоссальное значение декрета 7 августа, вооружившего органы юстиции новым могучим орудием борьбы с остатками враждебных социализму капиталистических классов за торжество нового строя, строящегося в нашей стране под руководством нашей партии и ее вождя т. Сталина.

Мы живем сейчас в такое время, когда под нашими ногами создана крепкая основа, создан крепкий фундамент растущего на наших глазах общественного социалистического строя. Общественная социалистическая собственность является священной и неприкосновенной не только в юридическом смысле, она является священной и неприкосновенной, незыблемой, прочной как гранит, как утес, непоколебимой и вечной по самому своему существу, по самой своей природе, потому что она создана руками рабочего класса, творящего новую жизнь, и она — эта новая жизнь — творится на наших глазах, при нашем непосредственном участии.

На наших глазах совершается то, о чем в течение многих и многих десятилетий и столетий мечтали лучшие представители человечества, направлявшие всю силу своего гнева, своей ненависти против частной собственности, против капиталистического и эксплуататорского общества, и имевшие только самую отдаленную возможность мечтать о таком строе, в основе которого лежит и будет лежать общественная социалистическая собственность, о таком строе, который нами теперь строится, растет и крепнет.

Совершенно понятно, что строй капиталистического общества, опирающийся на частную собственность, всегда представлял собой, как это видно из приведенных мною выше слов «Немецкой идеологии», оковы для развития человека. В наше время, когда вопрос о всестороннем развитии человека, о всесто-

роннем развитии и удовлетворении всех, духовных и материальных потребностей людей, являющихся самым (как известно после замечательных слов т. Сталина) ценным капиталом в мире,—нелишне напомнить, как ставился вопрос о частной собственности, человеке и человеческой личности на всем протяжении истории борьбы за социализм, начиная с таких далеких времен, которые связаны с именами социалистов-утопистов, этих замечательных предшественников научного социализма, учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Еще Томас Мор в XVI веке в своей замечательной книжке «Утопия» говорил о том непримиримом противоречии, которое существует между обществом, опирающимся на частную собственность, и развитием физических и духовных свойств человеческой личности.

«Не надейтесь,—говорил Томас Мор устами своего героя Рафаила,—вернуть ему (т. е. обществу) силы и здоровье, пока каждый будет только и исключительно владеть своим достоянием. Вы удалите одну язву, а все другие разом начнут болеть еще сильнее, вы излечите больного и умертвите здорового, ибо то, что будете отнимать у одного,—вы станете отдавать другому».

Вот как он ставил вопрос о значении человека и всего общества в целом, приходя к заключению, что «единственное средство... положить начало всеобщему благополучию заключается в том, чтобы уничтожить право собственности (т. е. частной собственности.—А. В.). Пока она будет служить фундаментом общественной постройки, самым многочисленным и производительным классам остается на долю только бедность, горе и отчаяние...»

Дальше Мор говорил: «...все изменяется на деньги, о справедливости и общественном благополучии не может быть и речи в таком государстве, где принцип «мое и твое» поддерживается организацией, механизм которой настолько же сложен, как и ошибочен».

Отсюда Мор приходил к заключению, что в обществе, опирающемся на частную собственность, не может быть и речи о развитии человеческой личности и об удовлетворении его духовных, моральных и материальных потребностей.

Аналогичные страницы, посвященные жестокой критике частной собствен-

сти с точки зрения именно этой проблемы, о которой я говорю, проблемы человека, проблемы личности, мы находим и у ряда других, последовавших за Томасом Мором писателей утопического направления...

Знаменитый Мабли писал: «Собственность — вот что создает столько пороков мира и заставляет законодателя быть варваром».

«Собственность — открытая дверь для ста пороков и ста злоупотреблений».

В своем «Кодексе природы» Морелли говорит о законодателях как о «неумелы: машинистах», пишущих объемистые трактаты о морали и политике. Эти объемистые трактаты носят названия лекций, но содержат в себе яд, на них можно было бы наклеить ярлык: «Средства цивилизовать людей путем уставов и законов, наиболее способных сделать их свирепыми варварами».

Я не буду перечислять здесь высказывания по этому вопросу — чрезвычайно интересные — различных утопистов, вплоть до Роберта Оуэна, Сен-Симона и Фурье. Моя задача сейчас напомнить лишь, что лучшие представители человечества, покидая позиции господствовавшего эксплуататорского класса и пытаясь стать на сторону эксплуатируемых и угнетенных, со всей отчетливостью представляли себе непроходимую пропасть, отделяющую интересы общества, в котором господствует общественная собственность, от интересов того общества, которое опирается на частную собственность. Они указывали на то, что только общество, построенное на социалистических началах, сможет обеспечить необходимое развитие человеческой личности, сможет обеспечить необходимое удовлетворение всех потребностей человека, сможет создать подлинно свободного человека. В нашей стране сбываются чудесные мечты великих пророков грядущего человеческого счастья.

В СССР созданы уже все предпосылки окончательного разрешения проблемы личности. Здесь торжествует уже общественная собственность, на основе которой единственно возможно разностороннее удовлетворение потребностей человека, высокое культурное его развитие, превращение его в полноценного, высокоразвитого и глубоко одаренного нового человека — достойного предста-

вителя нового социалистического общества.

Проблема человека, проблема личности представляет собой одну из важнейших проблем социалистического строительства.

Я напомню вам, как на XVII съезде партии т. Сталин ставил вопрос о роли личности, ее значении и месте в коммунистическом обществе. Выступая против уравниловки как против реакционной, мелкобуржуазной нелепости, достойной какой-нибудь секты аскетов, но не социалистического общества, т. Сталин показал, как в нашем обществе, в наших условиях может решаться проблема человека в соответствии с проблемой нашего общественного развития.

Тов. Сталин говорил: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (**социалистическое общество**), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (**коммунистическое общество**). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

Вот вам марксистское понимание равенства.

Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает.

Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по марксизму все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда в одном и том же количестве,—значит говорить пошлости и клеветать на марксизм»¹.

И дальше:

«Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться беднотой и прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а карриатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей»².

Таким образом не ограничение потребностей трудящегося человека, а максимальное их расширение и удовлетворение — вот что составляет особенность социалистического строя, опирающегося на общественную собственность. Органическое сочетание интересов общества и интересов каждого отдельного трудящегося человека — вот что составляет одну из важнейших задач нашего общественного развития.

Уже в настоящее время мы достигли такого положения, при котором труд является всеобщей обязанностью. Уже в настоящее время обязанность трудиться на благо всех, на благо всего общества является делом славы, делом чести, делом доблести и героизма миллионов и миллионов трудящихся. Наша задача — обеспечить этим миллионам активных строителей социализма, обеспечить всем членам нашего социалистического общества такое удовлетворение их материальных и духовных потребностей, которое облегчало бы их дальнейший культурный и духовный рост, их дальнейшее культурное развитие, являющееся в свою очередь одной из важнейших предпосылок успехов нашего социалистического строительства.

Декрет 7 августа, поставивший всю мощь советского права, советской юсти-

¹ Доклад на XVII съезде, стр. 51.

² Там же, стр. 54.

ции на стражу общественной социалистической собственности, играет громадную роль и в области обеспечения интересов трудящегося человека. Только в условиях торжества общественной собственности как базы всего советского строя возможно всестороннее развитие человека, его совершенствование, расцвет всех его духовных и умственных творческих сил.

Вот почему так велико значение декрета 7 августа. Вот почему это его значение далеко выходит за пределы непосредственно экономических интересов советского государства.

Декрет 7 августа — это целая программа самых разнообразных мероприятий, направленных на укрепление всего советского строя, всего пролетарского государства, мероприятий, охватывающих не только вопросы экономического, хозяйственного строительства нашей великой родины, но, как это мы показали выше, в известной мере и вопросы культурно-политического строительства.

Этим можно ограничиться, характеризуя историческое значение декрета 7 августа. В свете этой характеристики становятся особенно знаменательными слова т. Кагановича, сказанные им в самом начале действия закона 7 августа, о том, что этот закон будет жить века.

Несмотря на громаднейшие изменения, которые наша страна претерпела уже за эти три года, изменения, которые заключаются в том, что все лицо нашей земли стало сейчас иным, чем было раньше, что сама проблема новой культуры сейчас стоит совершенно иначе, чем стояла три года назад, что и само содержание и направление нашей уголовной политики сейчас идет таким образом, что мы больше стараемся действовать методами культурного воздействия и воспитания, чем методами уголовной репрессии, закон 7 августа ни в какой мере не потерял ни одного атома своей силы и своей мощи.

Наоборот, закон 7 августа в нынешних условиях приобретает еще большее значение. Несмотря на то, что по закону 7 августа мы сейчас меньше людей приговариваем к высшей мере, чем 3 и 2 года назад, несмотря на то, что меньше людей приговариваем к лишению свободы на 10 лет, закон 7 августа не потерял своей актуальности потому, что в нем отражается дух нашей

эпохи, заключающейся в торжестве общественной социалистической собственности.

Три года нашей судебной практики на основе декрета 7 августа позволяют нам говорить о значительных успехах в этой области. Если взять первый квартал 1933 г. в отношении осужденных по закону 7 августа за сто, то мы увидим, что после того, как во втором квартале 1933 г. получился некоторый, даже значительный рост — 171%, что объясняется отчасти той полосой увлечения в применении закона 7 августа по мелочам, от которых хотя и не без труда наши органы впоследствии освободились, — мы имеем в III квартале 1933 г. — 77% осужденных по закону 7 августа. В IV квартале 1933 г. — 27%. В I квартале 1934 г. — 22% и, наконец во II квартале 1934 г. — 16% осужденных по закону 7 августа.

Конечно, вы знаете хорошо, что количество осужденных еще не определяет количества преступлений.

Наша статистика осуждений еще не дает нам полного основания делать те или другие выводы в отношении самих преступлений, ибо статистика осуждений не есть статистика преступлений, но все же эти цифры в высшей степени характерны.

При всех условиях эти цифры говорят о громадных успехах борьбы за охрану общественной социалистической собственности на основе декрета 7 августа. Они говорят о том, что этот закон полностью оправдал себя, что он действительно поднял на борьбу с врагами народа, расхищающими общественное достояние, гнев народа, энергию масс, мобилизовав их бдительность и внимание.

Громадное снижение числа осужденных по декрету 7 августа явилось результатом не только и не столько более тщательного расследования дел, более осторожного и осмотрительного привлечения к уголовной ответственности виновных, сколько действительного снижения самого числа преступлений. Это снижение явилось несомненно прямым следствием тех мероприятий по более тщательной охране общественного имущества, которые были приняты в связи и на основе декрета 7 августа.

Сотни тысяч и миллионы трудящихся на декрет 7 августа ответили удесяте-

рением своих усилий по охране колхозного, кооперативного и советского имущества. Под влиянием этих усилий — проверки людей, контроля их работы, лучшего учета имущества, более последовательной борьбы с различного рода злоупотреблениями и т. д. — хищения стали падать и сокращаться в количественном и в качественном своем выражении.

Ряд судебных процессов, удачно проведенных при громадной мобилизации советской общественности, помог в свое время вскрыть различные рычаги и пружины, которыми пользовались и пользуются хищники в своих «воровских машинах», направленных против общественной собственности.

Беспощадные удары, нанесенные подлинным врагам народа, расхищавшим советское или колхозное добро, организовавшим свои хищнические вылазки против советского или колхозного хозяйства, у многих и многих отбили всякую охоту заниматься темными, хищническими делами.

По отношению к расхитителям народного достояния, безруким попустителям из числа советских бюрократов, к разгильдяям и болтунам, не умеющим беречь и охранять порученное им общественное добро, декрет 7 августа помог провести ряд мер, начиная от прямых уголовных наказаний и кончая мерами общественно-воспитательного и организационного характера, значительно улучшивших дело, покончивших с бюрократической беспечностью и безответственностью этих чиновников.

И результаты всей суммы этих мероприятий налицо.

Хищения общественной социалистической собственности значительно сократились, а по отдельным секторам нашего народного хозяйства сократились в очень большой степени.

Если, например, обратиться к колхозному сектору, то здесь мы будем иметь такую картину.

В первом квартале 1933 г. на долю колхозного сектора приходилось 58.7% всех осужденных по декрету 7 августа. В первом же полугодии 1934 г. на долю этого сектора приходилось уже только 37% всех осужденных.

Эти цифры не случайны, они говорят с том, что при значительном улучшении постановки охраны колхозной собст-

венности, при очистке колхозов от тех враждебных элементов, которые в них пробрались, при правильном решении задачи, о которой говорил т. Сталин, направленной к тому, чтобы окончательно вышибить кулаков из колхозов, которые проводятся работниками органов юстиции по выявлению и преданию суду преступников, при всей сумме всех этих мероприятий мы дошли до такого положения, когда на долю колхозного сектора приходится сейчас не более трети всех хищений, тогда как раньше на колхозы падало более половины хищений.

Это несомненно значительное достижение. Но на этом мы останавливаться не можем. Мы должны добиться такого положения, когда хищения общественной собственности будут сведены к нулю. Конечно, это нелегкая задача, особенно, если иметь в виду неизбежность обострения на отдельных участках нашего социалистического строительства классового сопротивления остатков кулачества и вообще капиталистических элементов, классового сопротивления, одной из наиболее характерных форм которого и является расхищение, воровство общественной собственности. И тем не менее мы должны добиться окончательной ликвидации воровства колхозного имущества, окончательного искоренения воровских нападений наших врагов на колхозную собственность.

Значительное улучшение в борьбе с расхищением государственного имущества мы имеем и на железнодорожном транспорте. На этом участке мы можем констатировать падение числа хищений как в количественном выражении, так и в суммовом. Аналогичное положение мы имеем и в органах связи, где, как известно, особенно опасны эти преступления, где, как и на ж.-д. транспорте, особенно трудна и борьба с этими преступлениями.

Правильное и последовательное применение декрета 7 августа на ж.-д. транспорте и в органах связи также дало свои результаты.

Благодаря большой работе, которая была проведена и по мобилизации общественной, и по выработке и проведению в жизнь ряда профилактических мероприятий, благодаря умелой борьбе органов прокуратуры и суда, мы имеем значительное улучшение дела с точки

рения уменьшения хищений посылок почтовых отправок, переводов и т. д.

Это пока нас еще мало утешает, потому что надо прямо сказать, что именно органы связи, кооперация и госторговля до последнего времени представляют собою почву, где хищения общественной собственности все еще продолжают в больших размерах, где это зло далеко еще не сломлено.

Тем не менее мы имеем уже в этой области значительные успехи.

Одновременно необходимо подчеркнуть и наши, все еще, к сожалению, значительные недостатки в области борьбы с хищениями общественной социалистической собственности. Об этих недостатках мы уже не раз говорили. Нельзя, однако, о них не сказать и теперь, когда подводятся итоги всей нашей борьбы за это трехлетие.

Эти недостатки в основном сводятся к следующему: во-первых, все еще в высокой степени неудовлетворительно поставлено наше предварительное расследование, к которому в делах, квалифицируемых по закону 7 августа, предъявляются особенно высокие требования. Ведь в самом деле, что стоит один тот факт, что число осужденных по оперативной отчетности дает цифру в два раза высшую, чем по приговорам, вступившим в законную силу? Это значит, что мы привлекаем в 2 раза больше, чем суд признает виновными. Этот разрыв свидетельствует о том, что у нас привлечение к суду все еще недостаточно обосновано.

Второй недостаток нашей работы заключается в том, что в большом количестве случаев наши первые инстанции действуют по такому принципу, что раз человека предадут суду, то он должен быть осужден. Именно отсюда громадный процент отменяемых приговоров по делам, квалифицируемым по декрету 7 августа. В некоторых краях и областях мы имеем до 60% отмененных в кассационном порядке приговоров. Это относится не только к первому периоду действия декрета 7 августа. До последнего времени мы имеем целый ряд случаев, которые говорят о неправильном применении декрета 7 августа.

Вот, например, дело некоей Долговой Анны, Перминова Ивана и Курочкина Михаила, осужденных по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы.

Каждый из них был признан виновным в хищении по одной буханке хлеба. Интересно то, что ни кассационная коллегия, ни президиум областного суда, рассматривавшие это дело, не исправили до конца грубейшего искажения революционной законности, которое было допущено этим приговором. И только по протесту Прокуратуры Союза 10 июля 1935 г. в этот приговор были внесены соответствующие исправления.

Если обратиться к самому делу, то окажется, что эта Долгова Анна — 18-летняя уборщица хлебопекарни № 1, была признана виновной в том, что «на работе ела хлеб без нормы» (!?). И вот за то, что она ела хлеб без нормы, ее присудили по закону 7 августа к десяти годам лишения свободы, осудили с превышением всех норм, и не только ее, но и еще четырех человек, и всех за то, что «ели хлеб без нормы». Да еще осудили заочно по закону 7 августа!

Одного этого примера достаточно, чтобы судить о крупных недостатках в работе кое-каких органов юстиции. В стремлении внести коррективы в подобного рода практику суды, как известно, в первый период действия декрета 7 августа чрезвычайно широко применяли ст. 51 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. В свое время мы осудили практику широкого применения ст. 51 УК, потому что здесь сказывалось стремление действовать по линии наименьшего сопротивления. Не решаясь вовсе оправдать неправильно привлеченных к уголовной ответственности по декрету 7 августа, наши суды прибегали к ст. 51, чтобы и «капитал приобрести, и невинность соблюсти».

С другой стороны, ст. 51 в некоторых случаях служила отдельным работникам юстиции средством прикрыть свое малодушие и нерешительность в применении суровых санкций этого закона.

Эти недостатки обусловили ряд серьезных извращений в применении декрета 7 августа в период 1932—1933 гг. Вполне поэтому уместно поставить сейчас вопрос об исправлении этих ошибок. Это важно как в интересах осужденных, так и в интересах нашего государства.

Мне представляется необходимым и целесообразным провести проверку некоторых категорий дел с применением декрета 7 августа во втором полугодии 1932 г. и в первом полугодии 1933 г.

по двум основаниям: 1) исправить вольные и невольные ошибки некоторых наших органов, недостаточно осторожно и осмотрительно применявших в свое время этот декрет, и 2) отсеять случайных «преступников» от подлинных врагов народа, возвратив первых в ряды трудящихся и дав им возможность последующей своей работой искупить свою случайную вину перед пролетарским государством.

Этой проверкой и связанной с ней работой по исправлению допущенных в прошлом ошибок в деле применения декрета 7 августа мы достигнем еще одного существенного результата: мы облегчим себе лучшее применение этого декрета в будущем, поднимем собственную работу на большую высоту.

Мы до сих пор очень плохо собирали и изучали опыт применения этого исторического декрета. До сих пор научного изучения этого опыта мы не поставили, ограничиваясь большей частью собиранием отдельных фактов, обращающих на себя внимание своей необычностью, уродливостью, анекдотичностью...

Нам нужно, изучая этот опыт, исходить из того, что самая задача охраны общественной социалистической собственности должна решаться по-разному в различных условиях. На ж.-д. транспорте эта задача решается иначе, чем в области госторговли и кооперации, в оresaх иначе, чем в колхозах, и т. д. В каждом из этих секторов имеются свои особенности, своя специфика, накладывающая определенную печать и на самый характер этих преступлений, требующая иных и различных методов обнаружения этих преступлений, иных приемов борьбы с ними.

Декрет 7 августа требует не только беспощадной репрессии по отношению к врагам народа, но и умелого, искусственного разоблачения и обнаружения этих врагов.

Искусству обнаруживать и разоблачать преступников в высшей степени помогает систематическое, опирающееся на научные основы изучение опыта и практики борьбы с преступлениями. Здесь открывается широкое поле деятельности для нашего Института уголовной политики, обязанного притти на помощь нашим практикам во всеоружии своих научно-исследовательских сил и возможностей.

Мы не должны забывать при этом, что методика расследования преступлений, связанных с хищением общественной собственности, все еще разработана крайне недостаточно, если не сказать вовсе не разработана. Нам нужны методические пособия, ориентирующие следователя в его работе по преследованию расхитителей общественной собственности. Нам нужны пособия, относящиеся к области экспертизы, относящиеся к вопросам организации учета, к вопросам товарооборота и пр. Нам нужна теоретическая разработка ряда вопросов, относящихся к области материального уголовного права, весьма тесно связанных с проблемой охраны общественной собственности. При разработке нового Уголовного кодекса мы неизбежно столкнемся и уже столкнулись с рядом проблем, являющихся результатом развития самого декрета 7 августа.

Вот какой громадный круг вопросов требует нашего внимания в области теоретической и практической разработки проблем, связанных с декретом 7 августа.

Основная и ведущая задача по применению декрета 7 августа заключается в такой организации нашей следственной, прокурорской и судебной работы, которая могла бы показать себя не количеством приговоров, а их качеством.

Чем строже и суровее советский закон, тем более умело и искусно его надо применять. Ни на иоту не ослабляя суровости и строгости великого декрета 7 августа, в плакомерном, последовательном, строго взвешенном и точно обоснованном его применении мы должны стремиться лучше выполнять наши обязанности, самоотверженно служа делу укрепления этого закона, делу укрепления общественной социалистической собственности.

Положенный в основу этого декрета великий принцип, одухотворяющая этот декрет великая идея коммунизма будут вечно жить, побеждая все трудности и все препятствия.

Составляя основную заботу органов юстиции, охрана общественной социалистической собственности и впредь будет центральной задачей этих органов, поставленных пролетарской революцией на страже пролетарского государства и растущего нового социалистического общества...

О методике следствия и учете следственной работы

(Опыт Одесской областной прокуратуры)

На I всесоюзном совещании работников юстиции в апреле 1934 г. тт. Акулов и Вышинский поставили в упор вопрос о нашей следственной работе и о роли следователей в нашей системе.

Следственный аппарат не только в Одесской области, а во всем Союзе к этому времени находился в безотрадном состоянии. Вряд ли надо доказывать, что мы в течение нескольких лет не только серьезно не занимались следователями и следственной работой, но очень многое сделали такого, что ухудшало нашу следственную работу. Весьма отрицательную роль сыграли и «леваки» загибы о том, что нам не нужны правовые институты, правовое образование, что право отмирает и т. д.

Лучших следователей часто забирали на прокурорскую и на судебную работу, считая, что следственная работа второстепенная, следователей выпускали без особых препятствий из органов юстиции.

Люди фразы — «леваки» становились на путь самого безбашенного упрощенчества, игнорируя процессуальные нормы и элементарные требования нашего процесса. В погоне за упрощенчеством, за мнимыми темпами они доходили в отдельных местах до того, что следственные дела заканчивали в один день и т. д.

Но хуже всего было то, что следственный аппарат, по сути, оставался совершенно безнадзорным, никакого надзора со стороны прокурора не было.

Все это вместе взятое привело к тому, что как сами следователи, так и прокуроры отказывались от элементарнейших требований дел производства и учета. Вести наблюдательное производство многие прокуроры считали грехоподанием.

В результате следователи работали совершенно бесконтрольно, не было никакого учета, и неудивительно, что были такие следователи, которые кончали одно дело в месяц и иногда сдавали в архив незаконченные еще дела, по которым следовало бы людей предавать суду. Говорить при этих условиях о каком-либо серьезном руководстве областных и краевых прокуратур совершенно не приходится.

Ведь факт, что в камерах следователей не только не было входящих и исходящих журналов, фиксирующих движение дел и документов, но и настольный реестр нельзя было найти. Кстати, мы, прокуроры, привыкли давать следователю установки по вопросам выской политики, а вот спуститься в камеру следователя и посмотреть, что делается у него в канцелярии, это, к сожалению, мы и сейчас практикуем очень редко.

Не только прокурор, которому надлежало наблюдать за следствием, но и сам следователь не знал, какие у него следственные дела и сколько их в его камере. В одну кучу сваливались: всякая переписка, направляемая прокурорами следователю «для проверки», дела, пролежавшие месяцы и даже годы без движения, и дела, вновь возникшие, имеющие серьезное значение по своей актуальности. С содер-

жением дел своей камеры нередко сам следователь был слабо знаком.

Этот беспорядок в свою очередь предопределял в определенной мере и качество следственной работы, ибо отсутствие контроля за работой следователя естественно порождало в нем безответственность. Актуальные дела находились в следственных камерах в течение многих месяцев и теряли всякое значение. Нередко бывали случаи когда толчком в деле окончания следствия являлся не прокурор, кому, казалось, надлежало первым быть заинтересованным в решительной и быстрой борьбе с преступным элементом, а сам обвиняемый, который, чувствуя, что время в достаточной мере умертвило его дело, что доказательства, уличающих его, следователю уже не собрать, добивался скорейшего окончания дела для получения реабилитирующей его справки.

Что касается дел, какие следователи и направляли в суд, то прокуроры, не следя за их судьбой в суде, не могли реагировать на случаи их провала. Ошибки следователей не выявлялись, и перед следователями не ставились. Качество следствия конечно оставалось низким.

Всесоюзное совещание работников юстиции весной 1934 г. дало должную оценку работе следственного аппарата, предъявив всем нам решительное требование: вернуть следователю его место центральной фигуры, какое, по важности возложенных на него сейчас задач, он должен занимать.

Одесская областная прокуратура серьезно взялась за проведение в жизнь решений всесоюзного совещания.

Для Одесской областной прокуратуры было ясно, что поднять работу следственного аппарата можно только идя одновременно двумя путями: во-первых, необходимо было быстро наладить строжайший учет и контроль как количественной, так и качественной работы каждого следователя в отдельности, при непосредственном методическом руководстве, направленном на изучение ошибок следователей и извлечение из этих ошибок соответствующих уроков для дальнейшей работы; во-вторых, необходимо было резко поднять качество руководства следователями со стороны прокурорского надзора, сделав его действительно оперативным и конкретным.

Учитывая исключительное неблагополучие в этой области в районных прокуратурах, мы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайному мероприятию, а именно: независимо от наблюдения со стороны райпрокуроров установить конкретное наблюдение за всеми без исключения следственными делами области секторов облпрокуратуры.

Выполнение поставленных выше задач, разумеется, требовало организационного своего оформления, и Одесской облпрокуратурой был организован осенью 1934 г. специальный сектор учета и методики следствия (СУМС).

Какова структура СУМС, каковы его функции и чего мы добились благодаря ему на сегодняшний день?

В этом секторе работает методист — специалист по следствию (б. старший следователь) и три технических работника — статистик, секретарь и деловод.

Нами введен порядок, согласно которому следователи всей области посылают в СУМС, независимо от посылки в свою районную прокуратуру, копии своих постановлений и меморандумы по следственным делам.

В СУМС оборудованы специальные шкафы с отделениями на каждого следователя, где находится его наблюдательные производства — отдельно для незаконченных и отдельно для законченных дел. СУМС, получив копии постановлений, немедленно передает их соответствующему сектору для ознакомления и оперативного реагирования, после чего наблюдательное производство с выполненной в канцелярии сектора резолюцией прокурора возвращается в СУМС. Это, с одной стороны, обеспечивает действительное оперативное руководство и контроль исполнения со стороны облпрокуратуры за всеми следователями области, а, с другой стороны, это дает каждому руководителю сектора ясные перспективы в его работе. При том положении, когда через руки руководителей секторов облпрокуратуры проходят все без исключения следственные дела области, мы добились того, что ни одно серьезное дело не может пройти мимо секторного прокурора, не может, как говорится, застичнуть его врасплох.

Следует сказать, что в области налаживания правильной работы и контакта между СУМС и секторами была серьезная опасность в начале организации этой учетной методической ячейки. Вначале некоторые прокуроры в аппарате считали, что СУМС должен все делать за них. С другой стороны, были такие, которые сопротивлялись организации СУМС, считая, что эта ячейка отстраняет их от непосредственного оперативного руководства. Правильная постановка работы СУМС совершенно изжила эти крайности.

Нам пришлось выдержать большую борьбу в самом аппарате, пока каждый секторный прокурор понял, что эта ячейка — именно его ячейка, что она создана, чтобы облегчить работу его сектора, и что он должен следить за этой ячейкой, вникать в ее работу точно так же, как он интересуется работой своего сектора.

Мы добились такого положения сейчас, когда каждый руководитель сектора считает своей обязанностью каждый день зайти в эту ячейку, подойти к шкафу, где лежат дела и проверить, нет ли чего-нибудь новенького, не поступило ли чего-нибудь от райпрокуратур. Точно так же работники СУМС каждый день все вновь полученные постановления о привлечении к ответственности, о возбуждении дел, меморандумы, приговоры немедленно передают руководителям секторов; они же следят за обратным получением этих документов с резолюциями секторных прокуроров и их указаниями, следят за исполнением этих указаний.

Нам пришлось преодолеть косность райпрокуроров и райследователей, которым казалось, что это бюрократизм, что незачем посылать в область постановления, меморандумы и прочие документы.

Сейчас следователи уже сами заинтересо-

ваны в том, чтобы их документы во-время попадали в СУМС, и когда следователь приезжает в область, он в первую очередь заходит в СУМС проверить, имеются ли там все его дела и документы. Он это делает потому, что он заинтересован, чтобы его работа была точно отражена, чтобы не было ошибочно уменьшено количество законченных им дел, чтобы в областном аппарате было известно, сколько дел у него осталось в производстве и т. д.

Положительная сторона СУМС заключается в том, что облпрокурор и его заместители имеют возможность проверить состояние любого дела, темпы его прохождения, проверить любого следователя, а главное проверить, как тот или иной прокурор сектора облпрокуратуры осуществляет надзор за периферией.

Надо сказать прямо, что отсутствие учета и контроля не только лишало возможность облпрокурора наблюдать за периферией, но и в самом областном аппарате не было никакой возможности проверить, дал ли тот или иной прокурор своевременно указания и следит ли он за выполнением своих указаний. А у нас ведь не мало фактов, когда прокурор пишет неплохие резолюции, дает указания, а через день забывает о них.

СУМС заставил работников облпрокуратуры крепко подтянуться, ибо каждый из них знает, что в любой день, в любой час облпрокурор может взять наблюдательный наряд, и тут же сразу может обнаружиться бездеятельность того или иного прокурора, его неаккуратность, недисциплинированность и безответственность.

С районными прокурорами у нас твердая договоренность, что СУМС ни в какой мере не освобождает их от наблюдения за своими следователями; наоборот, СУМС, освещая качество этого наблюдения, по необходимости мобилизует их на усиление своего надзора.

СУМС по наблюдательному производству и по ведомостям, которые он получает от прокурорских и следственных камер, изучает и ведет точный учет работы каждого следователя как количественно, так и качественно. С момента организации СУМС каждый следователь знает, что в облпрокуратуре имеется его личный счет, что каждый месяц подводятся итоги того, что он проделал за прошлый месяц, над какими делами он работал в первую голову, как он их заканчивал, какие сроки следствия и т. д.

Ежемесячно СУМС отчитывается на прокурорском следственном совещании, на котором присутствуют все следователи г. Одессы и следователи, специально вызываемые из районов. На этом совещании рассматривается и обсуждается количественно и качественно работа каждого присутствующего следователя, дается анализ дел, закончившихся в суде провалом (оправданием, либо направлением на доведение) из-за небрежности следователя, проводившего следствие.

Надо сказать, что совещания эти проходят в атмосфере жесткой критики, хлестко бичующей конкретных лиц за те или иные безобразия, ими допущенные. Не обходятся иной раз эти совещания и без организационных выводов. Такая критика, сопровождаемая соответствующей положительной оценкой того или иного товарища, отличившегося за отчетный месяц, воспитывает и резко подтягивает следователей.

Итоги ежемесячных своих анализов СУМС освещает в ежемесячном бюллетене, рассылаемом всей области, выставляя напоказ бездеятельность отдельных лиц, и популяризуя тех следователей, которые за отчетный месяц дали лучшие показатели.

В бюллетенях, помимо информации, помещаются также методические письма, составляемые на основе изучения конкретных следственных дел и имеющие целью обобщение и освещение перед следственным аппаратом области ошибок следователей, характерных для многих из них.

Большое внимание мы уделяем вопросу повышения следователей через конкурсы и премирование. Так, по конкурсу, проведенному в первой половине 1935 г. (январь—май), облпрокуратурой ряд товарищей был премирован велосипедами (5), фотоаппаратами (3) и грамотами (3).

Второй конкурс на лучшего следователя объявлен в мае и закончится в октябре—ноябре. Конкурс, условия коего вполне выполнимы, должен решительно изжить серьезные дефекты в области темпов и качества расследования дел:

1. Лучший следователь обязан закончить ежемесячно не менее 10 актуальных дел, что, особенно в условиях села, должно исключить возможность застревания более или менее серьезных дел в органах дознания.

2. Число дел, прекращаемых в ходе следствия, не должно превышать 10—12% общего числа направляемых дел.

3. Не должно быть ни одного неправильно прекращенного или неправильно направленного в суд дела.

4. Максимальный срок проведения следствия—один месяц, а по делам о растратах, хищениях, бандитизме и т. д.—не более 20 дней (дела, связанные с хлебоуборкой, расследуются в сроки не более пяти дней) и т. д.

По линии дознания мы поставили перед следователем такие задачи:

1. Изъять из органов дознания и принять к своему производству дела о растратах и хищениях социалистической собственности на сумму свыше 1000 руб.

2. Ежемесячно проверять все без исключения дознания, находящиеся в милиции, с представлением СУМС акта проверки.

3. Созывать ежемесячно производственные совещания с работниками дознания по вопросу о количестве и качестве дознаний. Добиться такого положения, чтобы актуальные дела находились в дознании не более 10 дней.

Отличившиеся по конкурсу товарищи будут премированы.

Какие же результаты мы имеем в целом на сегодня?

Если взять за исходную точку показатели работы следственного аппарата областного центра (14 следователей, не считая четырех старших) на 1/X 1934 г., т. е. на момент организации СУМС, то мы имеем:

Средняя пропускная способность на одного следователя на 1/X 1934 г. составляла 6,5 дел, на 1/VII 1935 г.—9 дел.

Средняя нагрузка на одного следователя на 1/X 1934 г. составляла 17,1 дела, на 1/VII 1935 г.—10,6 дела. На 1/X 1934 г. находилось в следствии более двух месяцев 49% дел, на 1/VII 1935 г.—27% дел.

49% дел, находившихся в следствии свыше двух месяцев, нужно еще к тому же расшифровать в том смысле, что большая часть из них давным давно перешагнула двухмесячный срок. Тут было не мало дел со стажем в год и даже больше. Точных цифр, к сожалению, дать не можем, так как таких данных на 1/X 1934 г. прокуратура не имела.

Следователи области отстают только от районных следователей в количестве выпускаемых в месяц дел, давая в среднем 6 дел на одного следователя.

То, что следователи области кончают в среднем не более 6 дел в месяц, объясняется тем, что мы не добились еще положения, чтобы следователи изымали из органов дознания все наиболее важные, наиболее актуальные дела о растратах, хищениях социалистической собственности. За это мы сейчас ведем борьбу.

Остается высоким процент дел, направляемых следователями на прекращение. В этом вина, скорее, не следователей, удерживаемых сейчас нами в их порыве направлять дела на слушание чем побольше, а прокуроров, не всегда проявляющих критическое отношение к поступающим в прокуратуру материалам и механически направляющих их следователям для проведения следствия.

Тут, к сожалению, сказывается недостаточное понимание всей глубины речи нашего мудрого вождя т. Сталина 4/V 1935 г., какое проявляют еще многие наши прокурорские работники, неумение их решительно и полностью преломлять в своей повседневной практике лозунг т. Сталина о бережном отношении и любовном выращивании кадров для нашего социалистического строительства.

Исчерпывающий анализ этого отрицательного явления в работе органов юстиции дал т. Вышинский в его докладе в ИССП Комкадемии и Института уголовной политики на тему «речь т. Сталина 4/V и задачи органов юстиции» и ничего тут не добавишь.

Мы прекрасно помним слова наркома нашей республики т. Киселева, обращенные к нам, работникам юстиции Одесской области, в его выступлении на областном совещании в мае этого года: «Вы имеете определенные успехи в своей работе, но не зазнавайтесь, ибо это может привести к самому печальному».

Мы отнюдь не увлекаемся, не почиваем на лаврах и ясно видим те огромные недостатки, которые имеются в нашей следственной работе. Совершенно ненормальным мы считаем количество прекращаемых дел, нельзя признать удовлетворительным и количество работы следователей села, кончающих 6 дел в месяц, что говорит о существующей еще практике передачи в органы дознания серьезных дел, далеко еще не изжито неосновательное возбуждение уголовных дел прокурорами. Наконец, совершенно ненормальным мы считаем наличие 27% следственных дел по Одессе и 20% по области, ведущихся свыше двух месяцев.

Но заслуга СУМС именно в том, что благодаря созданию этой ячейки мы увидели наши недостатки, можем их изучать и исправлять.

Я не представляю себе, как может сейчас тот или иной краевой, областной прокурор говорить о количестве и качестве законченных дел, не имея такой ячейки, которая вела бы учет этих дел.

СУМС по своей структуре должен: 1) помочь нам наладить в следствии строгую учетную дисциплину; 2) на основе всех материалов вскрывать и сигнализировать все обнаруживаемые как прокурорами, так и самим СУМС дефекты следствия; 3) обобщать эти дефекты; 4) разрабатывать методические указания по отдельным делам, плохо проведенным следователями; 5) сигнализировать облпрокурору о всех случаях неосновательного возбуждения дел прокурорами.

Говоря о недостатках следствия, мы должны подчеркнуть и то, что большую роль играет состояние кадров следственного аппарата, степень его культурного уровня, юридической грамотности и т. д.

Несмотря на то, что мы систематически занимаемся подбором кадров следователей, поднятием их квалификации, юридической грамотности, все же положение с кадрами следователей до сих пор неутешительное.

Из наличного числа 93 следователей в нашей области с высшим юридическим образованием только 12, юркурсы закончили 26 чел., среднее образование имеют только 28 чел. Что касается юрстажа, то до одного года работают в органах юстиции 23 чел., до двух лет — 12 чел., до пяти лет — 31 чел. и свыше пяти лет — 27 чел.

Из этих цифр видно, что мы имеем большой процент следователей, не имеющих даже среднего образования, не говоря уже о том, что мы имеем 25% людей, которые работают меньше года в органах юстиции.

Большую роль в поднятии квалификации наших следователей и лучшем подборе их играют и материально-бытовые вопросы.

Энтузиазм, охвативший следственный аппарат Одесской области, ударничество и подлинное социалистическое соревнование отдельных следователей друг с другом, безусловно, делают свое дело.

Разумеется, что меры улучшения состояния следствия Одесской прокуратуры не ограничиваются одним лишь учетом и методикой.

Много внимания было уделено вопросу оказания следователям реальной помощи в деле поднятия их роли в глазах нашей общественности и, в первую голову, в глазах районных прокуроров.

Одесская прокуратура знала период, когда следователь был обезличен и прокурор помыкал им, как хотел. Каждый прокурор считал себя вправе нагружать следователя своей — прокурорской работой, поручать ему проверку разных переписок, что фактически обязан был делать сам прокурор. А один из прокуроров дошел до того, что посылал следователям переписки с резолюциями — «бегло ознакомиться и мне доложить». Все это для следователей Одесской прокуратуры является сейчас уже этапом давно пройденным. В Одесской областной прокуратуре не уважают того следователя, который не имеет своего мнения по делу и не умеет с должным достоинством спорить со своим прокурором по принципиальным вопросам следствия.

В области повышения квалификации следователей, в особенности молодых, мы стараемся снабжать их систематически литературой по следствию, хотя нам очень трудно ее доставать.

Изложив наш опыт по этому вопросу, я еще раз повторяю, что отнюдь не хочу сказать, что у нас уже все сделано; мы и сейчас много работаем над тем, чтобы усовершенствовать и еще более улучшить дело учета, контроля и методов следствия.

Нужно признать, что, организовав эту ячейку учета и методики следствия, мы в основном нащупали правильный путь, нашли верный рычаг для поднятия качества следственной работы. И то обстоятельство, что уже сегодня другие областные прокуратуры (Винница, Киев) вводят у себя эту систему и к ней проявляют интерес и ряд других областей, убеждают меня в том, что она возникла своевременно, себя оправдывает и что ее следует ввести всем остальным областным (краевым) прокуратурам.

Политическая значимость и роль расследования особенно возрастают в условиях требования четкой и политически подготовленной репрессии. Качественно полноценное проведение расследования является решающим условием правильности судебной политики и высокого качества работы суда.
(Из „Резолюции I всеобюзнного совещания судебных прокурорских работников“ 23—27 апреля 1934 г.)

Практика борьбы органов юстиции с обвешиванием и обмериванием¹

Постановление ЦК ВКП(б) 26/VII 1934 г., ЦИК и СНК СССР 25/VII об ответственности за обворовывание потребителей и обман государства обязывали все партийные, советские и общественные организации, в том числе и органы юстиции, усилить повседневное действенное внимание борьбе с этими преступлениями, решительно искоренив их из практики советской торговли.

В связи с постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы политическое значение закона 25/VII еще более возросло как одно из условий дальнейшего развертывания советской торговли, являющейся «той актуальной задачей, без разрешения которой невозможно дальше двигаться вперед» (Сталин, XVII партъезд).

Сейчас, после годовщины закона 25/VII, уже можно и должно подвести некоторые итоги практического его применения.

Сравнительно наибольшую трудность представляет анализ динамики этих преступлений до и после издания закона. Трудность обусловлена тем, что, во-первых, до издания закона 15/VII дела осужденных по этим преступлениям не выделялись и не учитывались, а, во-вторых, до издания закона 25/VII эти преступления имели большое распространение, о чем свидетельствуют результаты целого ряда обследований, произведенных комиссией партконтроля. Характерны например следующие данные по Ивановской обл.

В октябре 1933 г. в Ивановской области была произведена массовая проверка цен. Проверка охватила 28 районов. Обнаружено было 980 случаев повышения цен, 108 случаев обмеривания и обвешивания, 118 случаев хищений и самонаблюдений, 27 случаев продажи с принудительным ассортиментом.

В результате проверки 457 чел. были привлечены к ответственности, из них 63 к судебной.

Результаты проверки показывают, с одной стороны, какое большое распространение имели эти преступления, а с другой — как слабо отражала их количество статистика осужденных, так как основная масса этих нарушений преследовалась не в судебном, а в административном порядке, а зачастую и вовсе не преследовалась, и голое сопоставление цифр осужденных до и после издания закона 25/VII не может служить ни в какой мере показателем роста преступлений.

Применением закона 25/VII при всех недостатках судебной, прокурорской и следственной практики нанесен серьезный удар по этим преступлениям.

Отчасти показателем тому служит снижение числа осужденных по месяцам. Если например по РСФСР во второй половине 1934 г. в среднем в месяц осуждались свыше 1300 чел., то уже в первом квартале 1935 г. число это снижается до 906.

¹ Из доклада, прочитанного на судебной секции Института уголовной политики 8 июля 1935 г.

Вместе с тем надо признать, что преступления эти еще имеют значительное распространение.

Из отдельных союзных республик наибольшее число осужденных падает на РСФСР, затем идет УССР, БССР, в остальных республиках имеем незначительные числа осужденных и дел (например на 1/I 1935 г. по неполным данным всего лишь 490 дел). Наибольшее число осужденных падает на кооперацию (45,7% — до января 1935 г. и 35,1% — в I квартале 1935 г.), на втором месте стоит госторговля (соответственно — 30,7% и 25%), а последнее по численности осужденных место занимают орсы (20,25% и 19,6%), что однако весьма условно отражает действительное различие в степени пораженности преступлениями каждой из этих систем, имея в виду различие в количестве торговых точек, в масштабе торгового оборота.

Точных данных о распределении осужденных между городскими и сельскими торговыми организациями не имеется. Но из отдельных сообщений видно, что борьбе с этими преступлениями в сельских торговых организациях уделялось гораздо меньше внимания, чем в городе.

Так например в ДВК из 132 дел, возбужденных по краю, только четыре дела возбуждено против работников сельпо.

При анализе состава осужденных обращают на себя внимание некоторые моменты, которые должны быть учтены в практике дальнейшей борьбы с этими преступлениями.

Сюда в первую очередь относится наличие среди осужденных значительной прослойки лиц, имевших ранее судимость за корыстные преступления.

Так например из числа осужденных по закону 25/VII в торгующей сети АЧК 11,4% уже имели судимость за растраты и хищения.

В Чувашской АССР по 49 делам были осуждены 86 чел., из них 14, т. е. почти 25%, имели ранее судимость за корыстные преступления.

Из 393 привлеченных по Москве за период июль—ноябрь 1934 г. 54 имели судимость, причем 5 человек имели по 5 судимостей, а 2 — по 3 судимости.

В Василеостровском р-не Ленинграда из осужденных по закону 25/VII в I квартале 1935 г. 21,9% имели судимость.

Наличие нескольких судимостей в прошлом у привлекавшихся по закону 25/VII говорит о том, что преступное ротодействие, притупление классовой бдительности в подборе кадров в ряде звеньев торговой и кооперативной сети продолжается.

Это подтверждается и сообщениями нашей печати. Так, 29/V 1935 г. газета «Советская торговля» сообщала, что «большинство работников прилавка магазинов сталинградской конторы Горта было принято на работу без трудовых списков».

А в газете «За индустриализацию» от 26/V 1935 г. приведена характерная записка, остав-

ленная одним аферистом-растратчиком в адрес ротозеев одного орс.

«Я выехал. Меня не ищите. Произведите ревизию, и сколько окажется недостат— все будет считаться за мной. Скажите, чтобы в будущем проверяли документы, а то у меня и паспорта не было» (!!).

Обращает на себя, далее, внимание и **распределение осужденных по должностному положению**: наибольший удельный вес осужденных занимают продавцы 38,45 и завмаги — 30,95, руководители торговых объединений — 18,8% (по данным на 1/1 1935 г.).

Значительный процент осужденных руководящих работников свидетельствует о том, что нэпманско-торгашеские тенденции проявляются не только со стороны рядовых работников, а нередко проводятся непосредственно руководителями отдельных звеньев торговых и кооперативных организаций или с их санкции.

И наконец (и это должно быть учтено при расследовании) цифры и конкретные дела показывают, что такие преступления, как наценки, а отчасти и обвешивание и обмеривание, в особенности когда они носят систематический характер, по самому своему существу в более или менее крупных торговых точках **предполагают наличие организованного участия нескольких служащих.**

По ряду дел такие организованные группы фигурируют. Так например в хлебном магазине № 22 воронежской хлебной конторы была раскрыта группа лиц в пять человек, которая под руководством завмага Коробова систематически обвешивала покупателей. Вырученные деньги делились между участниками.

В магазине имелся подросток специально для подачи сигналов о приближении руководителей конторы. В случае опасности выкрикивали цифру «26» (тогда подкладка в 100 г снималась) и, когда опасность миновала, выкрикивалась цифра «30» (Воронеж, сентябрь 1934 г.).

Статистические материалы дают чрезвычайно суммарное представление о том **разнообразии ухищрений и способов**, к которым прибегают жульнические элементы для обворовывания потребителей и обмана государства. Частично лишь отражают это разнообразие материалы конкретных судебных дел, так как еще далеко не все ухищрения разоблачены и выявлены.

Пользование заводом неправильными гирями и весами и измерительными приборами, пользование всевозможными суррогатными гирями, нарочито облегченными гирями, искусственное увеличение тяжести весовой чашки, продажа тех товаров по количеству, которые должны продаваться по весу, разнообразнейшие мошеннические приемы самого взвешивания, использование специфической обстановки (спешка пассажиров, малограмотность отдельных покупателей) — только часть выявленных способов обвешивания и обмеривания.

Для маскировки незаконного повышения розничных цен применяются также весьма разнообразные жульнические приемы, в частности практикуется подмена и искусственное изменение качества товара на худший сорт, продажа по рыночным ценам плановых товаров, кроме того весьма часто повышение цен переплетается с обвешиванием и обмериванием (умышленное уменьшение количества отпускаемого по определенной цене товара).

В ряде случаев незаконные наценки, обмеривание и обвешивание являются средством для сокрытия следов хищений, растрат, преступной бесхозяйственности, служат для спекулятивных целей. В тех же случаях, когда эти преступления (обмер, обвес и т. д.) не имеют корыстного характера, они отражают нэпманско-торгашеские тенденции.

Можно было бы привести большое число конкретных иллюстраций. Ограничиваюсь немногими.

Завмаг Клеспинского сельпо Тургиновского района Московской обл. Козлов при взвешивании товара пользовался вместо гирь пачками махорки, перца и разменной монетой.

В Феодосии в столовой ТПО вместо гири пользовались для взвешивания камнями.

Продавец большегребского отделения Сибторга (Западная Сибирь) Кузьменко не имел весов в магазине и товары, подлежащие взвешиванию, продавал без веса. Так например колбасу при продаже измерял мерой длины — метром, конфеты продавал поштучно с 100 процентной наценкой (так например одна конфета при взвешивании стоила 25 коп., а Кузьменко продал ее по 50 коп. за штуку).

При продаже вина Кузьменко разливал трехлитровую посуду в литровые и пол-литровые бутылки, причем доливал в вино воду.

Спички продавал с «нагрузкой», причем эта нагрузка носила прямое издевательство над покупателями. Кузьменко по социальному положению — сын кулака, нарушитель был осужден к году исправительно-трудовых работ; вследствие применения мягкой меры соцзащиты прокурором был принесен протест.

Характерны также мошеннические приемы разоблаченные на устьяновском молочном заводе с. Александровки Рубцевского р-на (Западная Сибирь).

Здесь при приеме молока от молокодатчиков ставили весы на неровное место пола с таким расчетом, чтобы лицевая сторона при взвешивании показывала на пол-литра больше действительного веса, при каждом взвешивании происходил обмер молокодатчиков.

В Щебекинском р-не Курской обл. в сталинском отделении Краснянского свеклозавода продавец ларька Никифоров при выдаче работницам сахарного песка в счет пайка подливал в песок воду; песок до того был влажным, что при сжатии в руке из него выжималась вода.

Анализ материалов, характеризующих непосредственную работу органов юстиции по реализации закона 25/VII, показывает, что органы суда и прокуратуры проделали большую оперативную и в основном эффективную работу по реализации закона 25/VI. Вместе с тем в ряду с судьями и прокурорами, которые немедленно же после издания закона 25/VII перестроили свою работу по борьбе с обмериванием, обвешиванием и нарушением цен, одновременно включились в реализацию закона мобилизовали и расширили организацию своего актива в торговых и кооперативных точках, провели ряд хорошо организованных судебных процессов, часть судебно-прокурорских работников этого не сделала, проявив неповоротливость, недооценку политической важности борьбы с данными преступлениями.

Было бы неправильно думать, что эти недочеты уже полностью изжиты и в настоящее время.

Есть суды и прокуратуры, которые умудрились даже до марта 1935 г. не возбудить и не рассмотреть ни одного дела по закону 25/VII (1). Таковы например нарсуды Ятшевского и Рузаевского р-нов Мордовской обл. Такую же «деятельность» до марта 1935 г. проявили нарсуд и прокуратура Гдовского р-на Ленинградской области.

Многочисленные факты безобразной волокиты продолжают иметь место.

В Орле хлебозер магазина горта Некрасов систематически обвешивал потребителей. Когда группа рабочих потребовала книгу жалоб, Некрасов пытался нанести рабочим удары гирей. И вот такое дело, имеющее общественное значение, в расследовании находилось ни более, ни менее, как 33 дня.

Установленный циркуляром Прокуратуры СССР 28/IX 1934 г. 10 дневный срок для предварительного расследования по значительной части дел не соблюдается.

Даже в I квартале 1935 г. в Харьковской обл. 39% дел расследовались свыше двух месяцев.

В Смольнинском р-не Ленинграда в милиции были обнаружены в I квартале 1935 г. дела с давностью в четыре месяца и более.

Существенным недостатком следственно-прокурорской и судебной работы по реализации закона 25/VII является также неуделение достаточного внимания отдельным участкам, имеющим весьма серьезное значение в борьбе с преступными нарушениями правил торговли. В частности к числу таких «обойденных» участков, как уже указывалось выше, относится борьба с преступлениями в сельских местностях, борьба с преступным отношением к обеспечению торговых организаций правильными весами и измерительными приборами и некоторые другие. Мало внимания уделяется борьбе с легкомысленным подбором кадров.

Статистические данные о карательной политике показывают, что по п. «а» ст. 128 УК за время январь—апрель 1935 г. (по данным Верхсуда на 3/V) удельный вес применения лишения свободы поднимается до 56%.

В отношении классово чуждых элементов репрессия правильная, жесткая (96% лишения свободы, причем на срок до 10 лет—34,4%).

Статистические и иные показатели с несомненностью устанавливают, что часть судебных органов не подошла к борьбе с этими преступлениями с той непримиримостью, какой требовали партия и правительство,—проявила явный либерализм, мягкотелость.

Нельзя, конечно, считать, что во всех случаях применение исправтудрабoт по данным преступлениям было неправильным.

Во-первых, статистика осужденных частью отражает преступления, совершенные еще до издания закона 25/VII. Во-вторых, в отдельных случаях снижение наказания вызывалось действительной необходимостью, специфическими особенностями конкретных дел (незначительность проступка, исключительные семейные и материальные условия и т. п.). Нужно учесть и то обстоятельство, что до издания инструкции НКЮ и НКВнуторга 14/II 1935 г. в уголовном порядке преследовались много мелких,

незначительных по своему характеру преступлений.

Однако, учитывая все эти оговорки, все же высокий процент применения исправтудрабoт и притом исправтудрабoт по месту работы если не целиком, то в значительной мере должен быть отнесен именно за счет либерального подхода некоторых судебных органов.

В конце 1934 г. были такие районы, где почти на 100% за эти преступления назначались исправтудрабoты по месту работы (Оловянинский, Сретенский, Каучугский р-ны Восточной Сибири).

Мягкие приговоры выносятся даже при наличии таких способов обмеривания, обвешивания, которые уже сами по себе говорят о злобности.

Не смущало некоторых нарсудей и то обстоятельство, что обмеривание, обвешивание, незаконные наценки служили прикрытием хищений и растрат. И в ряде подобных случаев сердобольные судьи ограничивались исправтудрабoтами и притом исправтудрабoтами по месту службы.

Сюда же должны быть отнесены многочисленные случаи квалификации по ст.ст. 111 и 109 УК преступлений, которые целиком подпадают под ст. 128-в УК, что являлось одной из форм смазывания закона 25/VII.

Характерно, что в конце 1934 г. оказались еще кое-где такие нарсудьи, которые даже не знали о существовании закона 25/VII (1).

По крайней мере так обстоит дело с нарсудьей Сухиничского р-на, который не применял закона 25/VII потому, что не знал его.

Однако не незнание закона, а «вельможное отношение» к нему, недооценка его—вот что лежит в основе этих либеральных извращений.

Наряду с этим в судебной практике допускались и еще полностью не изжиты и сейчас ошибки иного порядка—необоснованное предание суду, осуждение вопреки фактических материалов дела, нарушения процессуальных норм, различного рода упрощенчество, подведение под закон 25/VII таких нарушений, которые должны были преследоваться в порядке административного или общественного воздействия.

Прокурор Хмельницкого р-на Винницкой обл. привлек к уголовной ответственности зав. буфетом за увеличение цен. «Преступление» зав. буфетом заключалось в том, что при поштучной продаже конфет он допустил перебор с потребителя 13 коп. на килограмм. По делу было установлено, что если бы зав. буфетом снизил цену одной конфеты на одну копейку, государство потерпело бы на кг. 40 коп. убытку. Дело по распоряжению облпрокурора было прекращено.

Такая практика борьбы с обмериванием, обвешиванием, и нарушением цен, искажающая судебную политику по этим делам, поддерживалась между прочим и торговой инспекцией при Наркомвнуторге СССР. В циркулярном письме 11/1 1935 г. торгинспекция указала своей системе, что во всех случаях обмеривания, обвешивания и нарушения цен виновные должны привлекаться к судебной ответственности.

Поэтому инструкция Наркомюста и Наркомвнуторга РСФСР, разграничившая судебную и административную ответственность, явилась правильной и полезной мерой.

Прекращение в порядке кассационного рассмотрения дел в отношении 272 (7,5%) осужденных, изменение приговора в отношении 655 (18,2%), отмена в отношении 632 (17,6%), несомненно, характеризуют большую работу по исправлению неправильных приговоров нарсуdiv>

д судов, проделанную главными, краевыми и областными судами в качестве второй инстанции.

Несмотря на большую работу главных, краевых и областных судов и прокуратур по линии руководства народными судами и райпрокурорами в части дачи письменных директив, обследований и проверок на месте, вызова судей и райпрокуроров для докладов и т. д., руководство это все же было недостаточным и не в состоянии было предупредить те грубейшие ошибки, которые имели место в работе нарсуdiv>

д судов.

В качестве судов первой инстанции главные, краевые и областные суды по делам закона 25/VII не выступали за крайне немногими, буквально единичными исключениями (менее 1% всех дел).

Кассколлегии несут значительную долю ответственности за либерализм и перегибы, которые имели место в работах нарсуdiv>

д судов, поскольку кассколлегии нередко утверждали явно либеральные приговоры, а иногда сами являлись инициатором необоснованного снижения репрессии.

Недочеты в вопросе методики расследования по делам по закону 25/VII мною уже освещались на страницах журнала «За социалистическую законность».

Судебно-надзорная работа прокуратуры на местах по делам о преступлениях, предусмотренных законом 25/VII, определенно недостаточна.

Серьезные извращения карательной политики по отдельным делам в значительной своей части или вовсе оставались незамеченными прокурорами, или опротестовывались с большим опозданием, или прямо поощрялись прокурорами.

К числу основных недочетов предварительного расследования относится неполнота, поверхность расследования, оставление подчас абсолютно вне поля зрения и внимания ряда таких моментов, которые имеют существенное значение для правильного и полного раскрытия преступления и для задач их предупреждения. Неиспользование необходимых и возможных в условиях отдельных конкретных дел доказательств, недостаточно объективная оценка имеющихся доказательств (обвинительный уклон), нарушения процессуальных норм, медленность — другой ряд недочетов предварительного расследования по этим делам. В частности в отношении доказательств существенным пробелом является неиспользование таких документов, как жалобная книга, неиспользование в необходимых случаях экспертизы по вопросу правильности весовых и измерительных приборов, неистребование характеристик на обвиняемых.

Изученные материалы показывают далее, что крупнейшие недостатки в работе различных ведомственных организаций, отмеченные в постановлении ЦК ВКП(б) 26/VII 1934 г., местами полностью еще не устранены. В частности и в особенности это относится к состоянию весового хозяйства. Судебно-прокурорские

материалы устанавливают, что к выполнению той части постановления ЦК ВКП(б) 26/VII, которая касается ремонта и проверки весового хозяйства, во многих местах отнеслись и продолжают относиться бюрократически, не принимаются меры к выделению специальных средств и материалов для организации необходимого количества мастерских и т. д.

Как отмечено в постановлении СНК РСФСР 17/IV 1935 г., остается еще большой процент неправильных весов, не хватает мелких гирь, недостаточна сеть государственных измерительных, неудовлетворителен ремонт.

Таким образом в целях предупреждения обвешивания, обмеривания, незаконного повышения цен и устранения благоприятствующей этим преступлениям обстановки, судя по материалам судов, представляется необходимым не только устранить отмеченные недочеты в работе судов и прокуратур, но и провести ряд мероприятий по линии других организаций. В частности:

1) форсировать производство и снабжение торгующих и производственных организаций весами, линейными и кубическими мерами;

2) форсировать производство измерительных приборов, ибо отсутствие их лишает возможности вести правильные наблюдения за состоянием весового хозяйства;

3) в большей мере привлечь местную промышленность, промкооперацию и ведомственные мастерские к изготовлению и ремонту весовых приборов, мобилизовать внутриторговые ресурсы (излишки весов и т. п.);

4) обеспечить неуклонное выполнение требований закона (пост. ЦИК и СНК 9/IX 1934 г. о «мерах и весах») о проверке измерительных приборов в государственных и общественных предприятиях не реже одного раза в два года. В частности выполнить постановление СНК РСФСР 17/IV 1935 г. о сплошной проверке торговой инспекцией клеймения весовых приборов и т. д.;

5) упорядочить дело учета требующих замены или ремонта измерительных приборов;

6) мешает делу борьбы с обвешиванием и обмериванием то, что в торговых предприятиях обычно нет лица, ответственного за состояние хозяйства гирь, весов, мертов и других измерительных приборов. Заявкой заявляет: «Я выдал приборы продавцу — он за них отвечает». Продавец заявляет: «Я их хотя и принял, но не проверял» (дело № 2171 Бауманского р-на в Москве об обвешивании при продаже хлеба из магазина № 149). Необходимо поэтому обезличку в этом деле уничтожить;

7) преysкурант — настольная книга торгового работника. Между тем дело с преysкурантами обстоит совершенно неудовлетворительно. Есть преysкуранты, где цены на ту или иную посуду, лопаты показаны не за штуку, а за тонну (вот и разберись, сколько стоит та или иная вещь!). Наркомвнуторг СССР должен взять на себя инициативу широкого выпуска доброкачественных преysкурантов;

8) по линии Наркомвнуторга должны быть приняты меры к решительному усилению явного надзору за соблюдением правил торговли и к обеспечению своевременной передачи соответствующих материалов в следственные органы;

9) недостаточный контроль, а в ряде случаев полная бездеятельность ревизионных и контро-

20

лирующих органов торговой и кооперативной сети неизменно сопровождают систематическое жульничанье и благоприятствуют ему. Отсюда необходимость решительного усиления работы ревизионных и контролирующих органов;

10) засоренность отдельных звеньев торговли, кооперации, орсов требуют более решительной борьбы с преступным ротодейством, притуплением классовой бдительности при подборе кадров.

Лозунг великого вождя нашей страны г. Сталина «кадры решают все» имеет исключительно большое значение в деле полного искоренения преступлений в торговле и кооперации. Большевицкая реализация этого лозунга — самый действительный путь к победе и на этом участке;

11) активизации требует также участие профсоюзных организаций в борьбе с обмериванием, обвешиванием, нарушениями розничных цен и преступлениями, связанными с проведением отмены карточной системы. Имеющиеся

материалы сигнализируют о недостаточной инициативе и активности в этом деле многих профсоюзных организаций.

Необходимо установить повседневный деловой контакт между органами государственной торговой инспекции, прокуратурой, судом, профсоюзами;

12) в связи с расширением в большинстве районов торговой сети, увеличением количества работников прилавка и состава аппарата торговых организаций представляется целесообразным организовать в районных центрах производственно-товарищеские суды торговой сети, мобилизовав их основное внимание на борьбу с мелкими нарушениями правил торговли;

13) целесообразно разработать специальную инструкцию о методике расследования дел по закону 25/VII и установить, как правило, чтобы эта категория дел направлялась в суд органами расследования не непосредственно, а через прокуратуру.

Е. Львов

О судебной работе прокурора

(Заметки судьи)

Одним из важнейших указаний I всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников следует считать указание о работе прокурора в суде. Особенно сильно это нашло свое выражение в докладе т. Вышинского, в котором он заявил: «Мы считаем обязательным не только провозгласить как принцип, но и добиться того, чтобы основной работой прокурора являлся суд, основным участком работы прокурора являлся суд. Суд есть основной производственный участок прокурорской работы. Этого до сих пор не было, это должно быть»¹.

Прошло около полутора лет с тех пор как была дана эта директива. Известный сдвиг, бесспорно, имеется, но следует все же прямо сказать, что успехи в этой области крайне невелики, и что они могли бы быть более значительными, если бы прокуроры глубже поняли всю необходимость поворота «лицом к суду». Наш судейский опыт дает нам основание утверждать, что очень часто прокуроры смотрят на свою судебную работу как на помеху, как на нерациональную трату времени. Сколько раз приходится слышать: «пять дней пропало в процессе», или: «целый день просидел в президиуме, а вся работа стоит», и т. д. И все это говорится не только серьезно, но и с большим сожалением, с досадой...

В своих заметках мы хотим остановиться, в основном, на трех моментах судебной работы прокурора: а) участие в подготовительном заседании, б) участие в судебном процессе и в) осуществление судебного надзора.

¹ И. А. Акулов и А. Я. Вышинский, За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры, стр. 46.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс не возлагает на прокурора **прямой обязанности** присутствовать на подготовительных заседаниях. В ст. 237 УПК РСФСР указывается лишь на необходимость обязательно извещать прокурора или следователя о подготовительном заседании. Практически это приводит к тому, что суд по телефону сообщает прокуратуре о дне и времени подготовительного заседания, а прокурор решает, присутствовать ему на нем или не присутствовать. Судья же, не связанный явкой или неявкой прокурора, проводит подготовительное заседание. И большей частью подготовительные заседания проходят в нарсудах без прокуроров.

В наши дни основным вопросом, особенно в судебной работе, является вопрос о предании суду. От того, насколько правильно предаются люди суду, зависит отношение суда к трудящимся, к кадрам, от этого зависит в значительной мере качество и количество самой судебной работы. Чтобы успешно, идя в гору, тянуть всю судебную цепь, надо ухватиться за то звено, которое называется подготовительным заседанием. Если это верно, а против этого едва ли можно возражать, то следует прийти к выводу, что участие прокурора в подготовительных заседаниях должно стать **обязательным**. Мы считаем, что без участия прокурора не может быть подготовительного заседания. Там, где решается вопрос о предании суду и все что с этим связано, не может не участвовать **прокурор**. Практика Московского городского суда, например по судебной и специальной коллегиям, не знает подготовительных заседаний без участия прокурора. Необходимо, чтобы в новом УПК этот вопрос был разрешен не так, как он решен сейчас.

Участие прокурора в подготовительном заседании очень часто бывает формальным, а это ни в какой мере не терпимо. До сих пор нет твердого мнения по поводу того, кто должен докладывать дела в подготовительном заседании. Одни утверждают — прокурор, другие — судья, третьи — и прокурор и судья. Одно время в Мосгорсуде (это было после союзного совещания и до указания Верховного Суда РСФСР) дела докладывал прокурор, а член суда являлся как бы содокладчиком. Теперь дела докладывают члены суда, а прокурор дает заключение. И притом и при другом порядке мы наблюдаем сплошь и рядом такое положение, когда прокурор говорит о деле только потому, что держит перед собой резолютивную часть обвинительного заключения. В повестке дня 15—20 дел, и по-настоящему прокурор их не знает. Бывает и так, что по делам заключение дает тот прокурор, который утверждал обвинительное заключение, но и при этом условии имели место случаи, когда по существу прокурор дела не знал. Подготовительное заседание очень хорошо порой отражает плохую работу прокурора у себя в камере, когда он на обвинительном заключении пишет «утверждаю». Поэтому и с точки зрения борьбы за обоснованное предание прокурором суду есть прямой смысл законом обязать его работать в подготовительных заседаниях.

Как организовать само участие прокурора в подготовительном заседании? Нам представляется целесообразным, во-первых, составление согласованного календаря подготовительных заседаний, во-вторых, возложить на прокурора обязанность докладывать дела, причем только на того, кто утвердил обвинительное заключение, в-третьих, по каждому делу содокладчиком должен назначаться член суда, о чем надо делать специальную отметку в протоколе, и, в-четвертых, прокурору должна быть предоставлена судом возможность дополнительного ознакомления с делами перед подготовительным заседанием, если у него возникает в этом необходимость. Подготовительные заседания надо организовать во времени так, чтобы и судья и прокурор могли полностью к ним подготовиться.

Закон дает прокурору право опротестовать определения подготовительных заседаний. К сожалению, случаясь неосновательного предания суду или других неправомерных действий подготовительных заседаний гораздо, неизмеримо больше чем прокурорских протестов. На этом участке прокурор как борец за законность едва заметен. А бывают случаи прямо-таки курьезные. 13/IV подготовительное заседание Мосгорсуда обратило дело по закону 8/XII в отношении дирекции з-да «Станколит» к доследованию. Первый заместитель горпрокурора возражал против этого постановления, но с его заключением не согласился. Казалось бы, надо протестовать и протестовать энергично. Однако проходят дни за днями, а протеста не поступает. Вместо протеста получается... письмо, в котором почему-то искажаются факты и говорится о том, что протест не написан в целях... наиболее быстрого прохождения дела. Прошло месяца четыре с тех пор, а дела все нет и нет. И получилась не только утрата прокурорского «лица», но и настоящий конфуз. Все это объясняется тем, что прокуроры не всегда достаточно глубоко понимают при-

роду подготовительных заседаний и не всегда подлинно воинственны.

Проф. М. Строгович в своей работе «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде», заканчивая главу о задачах обвинения в суде, подводит следующий итог: «Таковы задачи и функции советского обвинения на суде — как видно очень сложные и ответственные, требующие от обвинителя высокой политической и правовой квалификации, большого умения и знания своего дела, большого такта и высокой культурности»¹ (подчеркнуто нами. — Е. Л.).

В № 1 журнала «Советская юстиция» за 1935 г. мы приводили в нашей статье «Московский городской суд как первая судебная инстанция» ряд примеров неудовлетворительного состояния государственного обвинения в нарсудах и горсуде Москвы. С тех пор прошло не мало времени, но, к сожалению, примеры плохой постановки обвинения могут быть лишь приумножены. Мы все еще чересчур часто наблюдаем у обвинителей отсутствие всех тех показателей, которые справедливо выдвигает проф. Строгович.

Когда перед судьей по ряду дел проходит целая плеяда обвинителей, у него невольно возникает вопрос: неужели думают, что каждый прокурор может быть обвинителем? У судьи создается такое впечатление, что обвинителей, как правило, назначают случайно, без всякого подбора, без учета конкретно каждого процесса. Ведь нередко бывает так, что рассматривается сложное дело, где обвиняемые достаточно подготовлены к своей защите, скамья защиты занята выдающимися московскими адвокатами, а обвинение представлено слабым прокурором, который следствию вести не умеет, который не обладает необходимой политической, правовой и общей культурой, сметкой, находчивостью и прокурорской хваткой. И часто из обвинителя делают тот самый «кренделечек», о котором в том же докладе говорил т. Вышинский.

Когда Мосгорсуд обращается с требованием выделить защиту, наша Московская коллегия делает это не механически. Прежде чем назначается защита, руководство коллегии в основном знакомится с делом, узнает состав суда, устанавливает общественное значение дела, выясняет, кто обвиняет, и только после этого сообщает суду фамилии выделенных товарищей. Со стороны прокуратуры мы такого подхода не замечаем. Мы не знаем почти случаев, чтобы при назначении обвинителя выясняли состав защиты. А это делать не худо бы... Иной раз ведь поражаться приходится тому правовому и культурному разрыву, какой обнаруживается на процессе между сторонами, причем не в пользу обвинения.

В известном фельетоне И. Ильфа и Е. Петрова «В защиту прокурора» говорится о том, что «хорошая речь прокурора или защитника имеет не меньшее воспитательное значение, чем роман или пьеса, которым отдается столько внимания». И они высказывают пожелание, чтобы наши лучшие судебные ораторы — тт. Вышинский и Крыленко — выступали бы и по бытовым делам. Мы охотно присоединяем к ним свой голос, но, к сожалению, всем нам придется мириться с тем, что большая работа,

¹ Стр. 42.

которую ведут тт. Вышинский и Крыленко, не позволит им даже относительно часто уделять время этим процессам. Все бремя выступлений останется, разумеется, на прокурорах периферийных. Это надо иметь в виду, и из этого пора сделать соответствующие выводы.

Огромный и быстрый рост нашей культуры с каждым днем будет предвлекать все больше и больше требования к обвинению. Прокуроров, которые например «острят» с трибуны государственного обвинения, игриво заявляя, что подсудимый, вероятно, больше интересовался цыганками чем лошадьми, или которые, вместо того чтобы анализировать дело и доказывать виновность подсудимого, несвязно говорят только о строительстве социализма, — едва ли уже теперь можно выпускать в процессы.

Пора руководителям прокуратур разбить своих работников на категории обвинителей, специализируя их по отдельным областям, пора начать учить людей методу и стилю советского обвинения, пора руководителям приступить к изучению обвинителей в судебном зале и к организации обмена опытом и анализом отдельных процессов, пора приступить к проведению предварительного инструктажа отдельных обвинителей, знакомясь с тезисами их речи и т. п., и наконец пора организовать работу прокурора таким образом, чтобы он имел возможность знакомиться с литературой, искусством, не говоря уже о знании из науки права. Нынешний средний уровень обвинения долгие нетерпим.

И еще одно замечание по вопросу о работе обвинения. К целому ряду недостатков слабых обвинителей мы должны отнести еще один — нежелание и неумение думать... На союзном совещании т. Вышинский говорил о том, что судебно-прокурорским работникам прежде всего следует научиться думать. Многие наши обвинители этого не понимают, и их работа в процессе отличается отсутствием глубины и настоящего критического отношения к материалам дела. Обвинитель сплошь и рядом поверхностен в своих рассуждениях и выводах, а иногда, не давая себе труда по-новому рассмотреть материал, как школьник повторяет обвинительное заключение. Прокурор, занявший место обвинителя в процессе, должен быть занят делом пока не закончился процесс, все время думая над его материалами, чтобы в речи своей показать ярко и убедительно точку зрения государственного обвинения.

Историческая майская речь т. Сталина заставляет нас по-новому ставить вопросы судебной надзора. Обычно в судебно-прокурорской практике протесты вносятся тогда, когда надзорный орган усматривает принципиальные моменты. Некоторые наши работники до сих пор считают дурным тоном протестовать и «ломать» приговор по «пустякам», без принципиальных оснований. Эта точка зрения, такой подход должны быть решительно отвергнуты. Всякое право трудящегося, каждый его интерес, если он незаконно поправ, должен быть восстановлен, и обязанность прокурора — всегда бороться за это.

Первые дни после речи т. Сталина сразу дали большой приток жалоб и еще раз показали как плохо все же работают суд и прокуратура и как гигантски растет политическое сознание трудящихся. После речи т. Сталина судеб-

ные работники остро почувствовали требование масс быть чуткими, внимательными, бережливыми в отношении людей. И сейчас самое ничтожное беззаконие не может быть оставлено без внимания. Прокурор и судья обязаны каждую ошибку исправлять.

Мы стоим перед ростом надзорной работы, ибо укрепление социалистического правосознания трудящихся масс будет происходить быстрее повышения качества судебно-прокурорской работы. Это ставит задачу перестройки надзорной работы прокуратуры, задачу более четкой организации ее.

В кассационной инстанции, как известно, происходит подавляющее большинство дел, а между тем участие прокуратуры в ней до самого последнего времени ничтожно. Особенно далеки от кассационной инстанции районные прокуроры, которые, как правило, после нарсуда на долгое время теряют дело из виду. Надзорная работа не может правильно развиваться без активного и достаточно широкого участия прокуратуры в кассационной работе. Поэтому нам представляется необходимым отметить недостаточность мероприятий в этой области.

Что мы имеем в Москве? Кассационная инстанция Мосгорсуда насчитывает человек 30 членов коллегии. Кассколлегия пропускает десятки тысяч дел в год. И вот Мосгорпрокуратура на этот участок работы выделяет... трех работников. По существу это сводится к формальному исполнению обязанности. Нам это дело рисуется иначе. На надзорно-кассационную работу должен быть выделен заместитель край(обл)- и горпрокурора, в его распоряжении должен быть старший помощник и несколько помощников прокурора, обслуживать эту группу аппарата должны специальные технические работники. Кроме того систематически к участию в работе кассационной и надзорной инстанций должны по определенному плану привлекаться районные прокуроры. Эта группа ведет учет итогам кассационной и надзорной практики, изучает ее, проводит специальные производственные совещания, добивается реализации своих заключений, протестов по делам в Верховном суде. Эта же группа может концентрировать у себя богатейший материал о следственной работе.

Одновременно с такой организацией работы должен быть установлен порядок, при котором в порядке надзора исключается возможность истребования дела прокуратурой, если кассколлегия вынесла определение в соответствии с заключением прокурора. Это приведет к огромной экономии энергии остальной части аппарата прокуратуры и к сокращению числа случаев «развязывания и завязывания узелков».

Закон дает право истребования в порядке надзора дела и председателю край(обл)- и горсуда и край(обл)- горпрокурору, а в определенных пределах и райпрокурору. Что мы наблюдаем сейчас? Прокуроры сплошь и рядом, без всяких оснований направляют жалобщиков в суд, вместо того чтобы самим истребовать дело. Это — неверно, и следует установить порядок, при котором, как правило, надзорная работа была бы сосредоточена в прокуратуре и, как исключение, в суде.

В этой связи надо остановиться еще на одном моменте. Истребуя дела в порядке надзора, прокуроры почти всегда не приостанав-

вливают исполнения решений или приговоров, а иногда приостанавливают только до момента отправки дела в суд с протестом. Это приводит к безобразным, ненужным мытарствам трудящихся—люди вновь ходят на прием с просьбой о приостановлении исполнения приговора, решения, об отсрочке и т. д. Мы считаем, что надо поставить вопрос о несколько большей решительности, ибо в огромном количестве случаев при истребовании дела можно приостановить исполнение приговора или решения. Почти совсем прокуратура не пользуется ст. 440 УПК, чтобы прервать исполнение пригово-

ра. Правда, это очень ответственный шаг и острый прием, но в случаях явно неверного или нелепого лишения свободы приговор можно прервать, не ожидая пока будет принято и составлено постановление президиумом суда.

Работа прокуратуры и суда находится в органической связи. Работа одного может серьезно влиять на состояние работы другого. Поэтому деловой контакт между прокуратурой и судом в плане обмена опытом и учета практических соображений всегда жизненно необходим.

М. Чельцов-Бебутов

Прокуратура и органы связи

После реорганизации Прокуратуры Союза в апреле 1934 г. и сосредоточения надзора за каждым ведомством в целом в определенном секторе, из всех ведомств, прикрепленных к административно-судебному сектору, Наркомат связи оказался одним из наиболее связанных с Прокуратурой Союза.

По договоренности наркома связи с прокурором Союза, сведения даже о самых обычных, не выдающихся нарушениях ревзаконности, как в самих органах связи, так и со стороны местных органов власти в отношении связи обязательно поступали в Прокуратуру Союза. Независимо от этого, как только низовые органы связи узнали о существовании «прокурора по связи»,—целый поток их заявлений, характеризующих неудовлетворительную постановку работы в отдельных звеньях наркомата, хлынул в прокуратуру. Наконец дополнительным и очень ценным источником оповещения прокуратуры о ненормальностях в работе наркомата явились жалобы трудящихся. Часть из них направлялась в Центральное бюро жалоб наркомата, с которым административно-судебный сектор Прокуратуры с первых же дней установил тесный деловой контакт. Другая часть посылалась для принятия соответствующих мер местным прокурорам, которые до этих пор совершенно не занимались делами связи, отмахиваясь от всех этих «мелочей», как неполучение ценных писем, выдача переводов не адресатам, задерживание и позаимствование переводных сумм.

Неменьшим злом на местах были невероятно длительные сроки расследования по тем делам, которые органами прокуратуры и милиции принимались к своему производству, и крайний формализм, с которым эти дела проводились.

Один, но очень характерный пример с весьма простым делом о пропаже из ценного пакета 10 долларов: деньги эти могли быть либо присвоены работником почтового отделения, запечатавшим и сдавшим пакет, либо похищены бригадой почтового вагона, обнаружившей отсутствие этого пакета в опечатанном мешке.

Так вот это простое дело, возникшее 15/VI 1932 г., мытарилось в Кривоозерской (Одесская обл.) райпрокуратуре и раймилиции до 8/VIII 1934 г., причем в ряде постановлений и заключений милиции и следователя все факты этого дела были перепутаны. За это время

работник, отправлявший пакет и против которого есть сильные улики, давно переменил место работы, суду были преданы двое из бригады почтового вагона, тогда как все три члена бригады подписали акт об отсутствии ценного пакета; и нарсуд, имея перед собой старый и путаный материал, вынес явно неправильный приговор, обвинив одного из подписавших акт и оправдав другого (дело Олейника). Характерно, что органы прокуратуры, просматривая это дело в порядке надзора по жалобе Олейника, не нашли оснований для опротестования приговора.

Еще летом 1934 г. в порядке борьбы с затягиванием расследования преступлений в органах связи Прокуратура Союза издала циркуляр о внеочередном в декадный срок окончании этих дел и о сосредоточении их в руках одного следователя и прокурора в областных и республиканских прокуратурах.

В декабре 1934 г. Прокуратура СССР и Наркомат связи созвали первое всесоюзное совещание руководителей работников для установления лучших методов борьбы с преступностью в системе связи.

После этого совещания на январской радиоперекличке тт. Вышинский и Рыков заострили внимание всех работников связи и прокуратуры на основных моментах этой борьбы за социалистическую связь.

Тогда же был поднят вопрос перед СНК СССР об отпуске средств для создания в ряде краев и областей специальных должностей прокуроров по делам связи. В феврале—марте с. г. Наркомат связи, Прокуратуры СССР и РСФСР и ЦК Союза почтовых работников разослали несколько бригад в ряд республик, краев и областей для проверки и налаживания борьбы с преступностью в системе связи.

15 июня с. г. Наркомат связи и Прокуратура СССР устроили вторую перекличку, в которой активно участвовали 10 краев и областей, а слушателями были 35 областей. Перекличка эта как бы подводила итог проделанной работе и намечала пути дальнейшей борьбы.

Здесь мы остановимся на тех недочетах, которые выяснены в результате работы бригад и обобщения имеющихся в Прокуратуре СССР сообщений Наркомсвязи, надзорных дел и жалоб трудящихся.

Одним из основных моментов является слабое знакомство с техническими особенностями

работы связи на разных участках — обработки и прохождения телеграмм, переводов и писем, обмена почты, движения и учета денежных сумм, контроля, взаимоотношений отдельных частей аппарата связи и пр.

К сожалению, разработка общей программы техниминимума по работе связи для прокурорских работников задержалась в Наркомсвязи. Однако отдельные краевые прокуратуры провели соответствующие семинары по ознакомлению своих работников с работой связи.

Там, где прокуроры знают работу связи, они успешно ведут борьбу с преступностью на этом участке. Так, в Ленинграде прокуратура вскрыла ряд безобразий с массовым хищением письменными открытыми писем; так, в Киеве прокуратура добилась четкой работы бюро жалоб облуправления связи. В Саратовском крае прокуратура добилась решительного снижения дебиторской задолженности в связи.

Однако в отдельных краях и областях некоторые прокурорские работники не только не знают особенностей работы связи, но и не хотят их знать. Они не только не помогают органам связи в борьбе за законность, но и сами подчас нарушают ее. Так, в некоторых районах прокуроры, вместо помощи в ликвидации дебиторской задолженности за услуги связи, сами являются ее дебиторами (Западно-казакстанская обл., Чечено-Ингушская обл.).

В других случаях прокуроры позволяли себе вмешиваться в оперативную работу органов связи или с полным хладнокровием смотрели, как допускают такое вмешательство органы милиции, директора МТС и др. (Чечено-Ингушская обл.).

Даже в Москве наблюдаются случаи неправильных действий прокуроров в отношении органов связи, происходящие на почве незнания правовых и технических условий работы этих органов. Так, прокуратура Московско-Казанской ж. д. считала себя вправе вмешиваться в трудовые конфликты сотрудников ж.-д. почтового отделения и даже предлагать начальнику восстанавливать уволенных ввиду нарушения статей... дисциплинарного устава железных дорог.

Прокурор Бауманского р-на г. Москвы по жалобе одного из работников связи, на которого было наложено взыскание в порядке закона о материальной ответственности работников связи, предложил начальнику, наложившему взыскание, приостановить его и обратиться с иском к служащему в суд. А по закону-то о материальной ответственности дело должно проходить наоборот, т. е. администрация налагает взыскание, а служащий, считающий его неправильным, может обращаться в суд.

В ближайшее время в Москве будет проведено городское совещание прокурорских работников и связистов для укрепления общей работы по борьбе с преступностью.

На какие места, как на наиболее слабые в работе связи, следует обратить усиленное внимание прокуратуры?

Это прежде всего — безобразно-халатное, граничащее с вредительством, отношение к подбору кадров, имеющих дело с ценностями.

На переключке отмечались имевшие место в Азово-Черноморском крае случаи приема на работу людей, только что совершивших растраты в органах той же связи; в Москве на

процессе работников Горночтамта мы столкнулись с приемом на работу кассирами мальчишек, у которых вместо всяких рекомендаций были только... приводы в милицию по подозрению в краже. Посаженные у касс, они немедленно стали учинять подлоги и разворовали несколько тысяч рублей.

За аналогичную легкость приема и допущения к ценностям на днях Прокуратура Союза предложила привлечь к ответственности работников Киевского областного управления связи.

Второй момент, отмеченный в выступлении на переключке т. Рыковым, — чрезвычайно распространенные у нас многократные выдачи денег по переводам, совершенно неизвестные в практике телеграфа Западной Европы и Америки. Ежеквартально связь переплачивает сотни тысяч и миллионы рублей, и цифры не проявляют тенденции к снижению. Тут необходимо наряду с усилением техконтроля со стороны администрации связи усилить и судебно-прокурорский нажим по этого рода делам.

Третье большое место связи — запутанность бухгалтерии. Выразительной иллюстрацией является дело Беньковского (Винницкая обл.). Он осужден по закону 7/III 1932 г. за недостачу 20 тыс. руб., объясненную растратой. Из лагеря он пишет заявление о том, что в сберкассе того же райцентра, где он работал в отделе связи, обнаружено 20 тыс. руб., числящихся на счету райотдела связи, о которых последнему неизвестно. На наш запрос прокурор подтверждает, что такой «сюрприз» действительно обнаружен, только в сумме 10 тыс. руб., и что сейчас нужна длительная бухгалтерская проверка, чтобы установить, какие это деньги и имеет ли к ним отношение недостача у осужденного Беньковского. Комментарий, как говорится, излишни.

Четвертый момент — крайне низкий уровень работы телеграфа: расхлябанность (а иногда, может быть, и нечто другое) работников, ежедневно приводящая к запаздыванию, затериванию и безобразным искажениям телеграмм, требует постоянного внимания прокуратуры к этому участку связи. Недавно в Москве мы имели случай передачи 100 телеграмм (среди них ряда молний, срочных служебных и переводных) с Центрального телеграфа «в воздух». Неполучение их городским отделением, куда они должны были передаваться, было обнаружено только на шестой день. Это характеризует уже не ошибку отдельного работника, а всю постановку работы. О случаях искажений телеграмм чуть не ежедневно пишут газеты.

Здесь в целях воздействия на всю массу работников телеграфа не раз и не два придется прибегать к судебному принуждению, как «мере воспитания к дисциплине».

Таковы участки связи, требующие особого внимания прокуратуры.

К сожалению (здесь придется вернуться к тому, с чего мы начали), в ряде краев и областей не изжита до сих пор недопустимая задержка в расследовании дел по связи, часто лишняя судебный процесс его значения.

Прокуратура АзССР, Челябинской, Западно-Казакстанской, Западной областей, Мичуринского р-на Воронежской области, а также Воронежская областная прокуратура по ряду дел контрольных или отмеченных в газетах пока-

зали безобразно медленные темпы, а в отдельных случаях допустили и явную волокиту.

Высшие органы Союза в недавнем постановлении отметили неудовлетворительное положение в связи. Работы здесь непочатый угол, и не только для связистов, но и для прокуратуры. Справиться с нею прокуратура может лишь в том случае, если она будет опираться на крепкий актив самих работников связи.

Здесь, пожалуй, как ни в одном из советских учреждений, настоятельно необходимо

организовать группы содействия прокуратуре и повседневно руководить их работой.

Тогда прокуратура будет своевременно получать сигналы о всех недочетах и искривлениях в работе связи и сможет быстро и энергично реагировать на них.

По опыту работы ряда прокуратур, сколовших себе актив из связистов, мы можем сказать, что эта форма вовлечения трудящихся в дело охраны и укрепления ревзаконности дает весьма ценные результаты.

И. Гураль

Борьба с преступностью на местном транспорте в Москве

Борьба с преступностью на местном транспорте в условиях большой насыщенности нашей страны механическим транспортом приобретает серьезное значение.

Недаром Прокуратура Союза на оперативном совещании 9/III с. г. уделила этому вопросу особое внимание и постановила выделить специальных прокуроров для борьбы с преступлениями на местном транспорте.

Совершенно очевидно, что наша пролетарская столица в этом отношении занимает особое положение.

Расположенная «на семи холмах», с преобладающим большинством узких, извилистых улиц, Москва в царское время «планировалась» «мудрыми архитекторами» без всякого плана, в угоду нравам купечества и духовенства.

Несмотря на огромное перепланирование и благоустройство столицы, произведенное за последнее время, «памятники» прежней «большой деревни» дают своей нелепостью. Дома, церкви, выпяченные на середину проездов, «кривоколенные переулки» препятствуют интенсивному движению экипажей, создавая очаги аварий и травматизма.

Нынешняя распланировка Москвы, при большой насыщенности механическим и гужевым транспортом, с огромным километражем рельсовых путей и хорошо развитым трамвайным движением, при чрезвычайно сильной уличной жизни столицы, выдвигает борьбу с авариями, травматизмом и другими видами преступлений на особое место по своей важности.

Большое транспортное хозяйство Москвы требует от руководителей транспорта особой бдительности в подборе кадров и к техническому состоянию экипажей.

Последние судебные процессы выявили совершенно нетерпимое отношение администрации трамвайных, автобусных парков и других крупных транспортных точек к своим обязанностям.

И как следствие этого, материальный ущерб от аварий и столкновений за январь, февраль и март 1935 г. достиг 264 377 р. 17 к.

Средняя месячная цифра пострадавших от травматических случаев за то же время составляет 850 чел.

Руководители транспортных точек недопустимо халатно относятся к подбору водительских кадров, не знают их и допускают к ра-

боте, не проверяя их квалификацию и состояние, без серьезного учета могущих быть последствий.

При расследовании трамвайных аварий обнаруживались водители, страдающие длительным психическим заболеванием, которые вследствие своей невменяемости не могли нести ответственности за совершенные ими аварии с крайне серьезными последствиями и даже человеческими жертвами.

Врачебный осмотр водителей транспорта поставлен так несерьезно, что были случаи допуска к работе сумасшедших, с явно выраженными признаками длительного заболевания.

Виновница большой трамвайной катастрофы на Народной улице с человеческими жертвами работала вагоновожатым, имея стаж водителя всего один месяц, и была допущена к управлению вагона на одной из самых серьезных линий. Незнание элементарных правил управления было основной причиной катастрофы. Вагоновожатый другого трамвая, чувствуя сход с рельс управляемого им вагона из-за чрезвычайно развитой скорости, выпрыгнул с площадки вагона, оставив в самую критическую минуту трамвай без управления и бросив на произвол судьбы находящихся в нем пассажиров.

Совсем недавно вагоновожатый, принимая на ст. Угрешская к управлению трамвай, тут же на станции, в уборной, выпил с приятелем пол-литра водки. Начальник станции, занятый «руководством» движения по «большой книге», не заметил пьяного водителя, и тот повел вагон. Несмотря на замечания пассажиров о лихости вагоновожатого, контролеры на это не обратили внимания. На повороте под уклон, на Богородском шоссе, лихо мчавшийся вагон от резкого толчка выкинул с площадки едва державшегося на ногах «водителя» и продолжал свой стремительный путь без управления. Промелькнула остановка... Стоящие на ней в ожидании пассажиры едва успели отскочить от «бешеного» трамвая, удивленно смотря на поступающую переднюю площадку вагона.

На пути следования приближается второй поворот с неминуемой аварией... К счастью, среди пассажиров находился комсомолец, рабочий одного из трамвайных парков, немного смысливший в управлении, который, с большим трудом пробравшись среди мечущихся в

вагоне пассажиров, остановил его за несколько секунд до катастрофы.

Если посмотреть личные карточки вагоновожатых трамвая, самого распространенного способа передвижения массы трудящихся, бросается в глаза огромное количество административных взысканий. «К ним водители привыкли и считают их неизбежными, как и сами аварии» (из приказа по НКПС т. Кагановича). Административные взыскания на них уже не влияют, — а этим водителям вверяется жизнь тысяч пассажиров.

Обратимся к кадрам шоферов. Эта профессия водителей всегда была предметом «особого» внимания как руководителей автотранспорта, так и ОРУД, особенно последнего. Какие только «копья» не ломали в борьбе с лихачеством, хулиганством и пьянством шоферов! Были даже специальные кампании по освежению этой профессии. Словом, сделано было как будто все, что делается в данных случаях, и как всегда «иглолку в сене находили, а словнов пропускали».

Приведу несколько фактов.

17 марта с. г. близ ст. Кубинки грузовая машина 2-й базы Союзтранса вследствие лихости своего водителя сломала перила моста и с грузом и людьми свалилась с высоты пяти метров на лед реки. При падении разбился на смерть ехавший в машине рабочий. Расследование установило, что шофер машины — бывший белогвардеец, участник Кронштадтского восстания, бежавший после разгрома в Финляндию. Возвратившись в СССР, он скрыл свои похождения и даже пролез в члены ВКП(б). За время работы шофером имел несколько аварий.

Второй такой субъект из автобазы жилстроя НКТП на работе напился пьяным и, ведя машину по шоссе Энтузиастов, сшиб переходящего рабочего, нанеся ему тяжелые телесные повреждения. Желая скрыть следы преступления, он развил предельную скорость и через 200 метров налетел на стоящую грузовую машину, в результате чего пострадали три грузчика. Шофер оказался бывшим белогвардейцем колчаковской армии.

Шофер ф-ки ЛАМО, освидетельствованный в связи с совершенной им аварией, оказался душевно-больным и как невменяемый был освобожден от ответственности.

В связи с этими примерами невольно напрашиваются ряд вопросов. Кто же следит за кадрами водителей? Какая культурно-воспитательная работа проводится среди них? Где их начальники? Профсоюз? Бездушно-формальное отношение, недопонимание всей серьезности обстановки работы, слабая техническая квалификация и общее благодушие — вот основные признаки работы руководства местного транспорта. Чтобы не быть голословным, приведу следующие факты.

Начальнику Апаковского парка Титову бригада вагона № 2314 в течение полутора месяцев ежедневно заявляла о неисправности воздушного тормоза. Титов сам «проверил» вагон, убедился в неисправности тормоза, но с линии его не снял, а ограничился «отметкой» в книге. Через несколько минут после такой проверки вагоновожатый этого вагона не сумел остановить вагона и врезался в другой трамвай. О неисправности этого вагона знал и другой «начальник» — мастер депо Козел П. М.,

который также «опробовал» вагон, но без нагрузки, при которой тормоз показал допускаемые четыре атмосферы давления. Ограничившись таким «испытанием», Козел успокоился.

Более энергичный начальник — директор Апаковского парка Дубровский сам прибыл на место аварии двух трамваев на мосту через Окружную ж. д. около Калужской заставы. В составленном акте он указал на халатность вагоновожатых, не заметивших в сильной тумане предупредительных знаков световой сигнализации, которая им была «опробована» и работала якобы «безупречно». В действительности оказалось, что эта сигнализация задолго до аварии «не сигнализировала», что и явилось основной причиной аварии. Начальники, подписавшие акт под давлением улик, были вынуждены признать его... фиктивным.

Менее энергичный начальник службы пути Уткин вовсе не оказался на месте схода с рельс трамвая на его участке и после долгих розысков был наконец найден пьяным.

Не так давно при технической проверке автобусов 2-го автобусного парка из выпущенных в эксплуатацию 69 машин 39 оказались с неисправными тормозами и возвращены были обратно в парк. Какую угрозу представляли они при интенсивном уличном движении — очевидно.

Как же организована борьба с авариями и другими преступлениями на местном транспорте?

Основная масса расследований сосредоточена у аварийных инспекторов при отделениях милиции. В преобладающем большинстве это малокультурные, технически мало подготовленные работники. Производимые ими следственные действия грешат большими упущениями. Их «производства», как правило, не выявляют всех обстоятельств происшествия, создавая огромные затруднения в работе суда. Находясь в непосредственном подчинении зам. начальников по оперативной части, они нагружаются другой работой и к аварийным делам, как и сами их начальники, относятся, как говорят, постольку — поскольку. Нарушение ст. 105 УПК — обычное явление, а случаи залеживания дел по несколько месяцев довольно часты. Что же говорить об эффективности борьбы?

Хуже всего, что аварийные дела вследствие каких-то особых обстоятельств выпали из сферы внимания районных прокуроров, которые не только не руководят аварийной инспектурой в части расследования, но даже не просматривают прекращенные ими дела, среди которых имели место аварии с смертельными случаями. Несколько таких архивных дел были изъяты из состояния «покоя» и с выявленными и уличенными обвиняемыми.

На крупных транспортных точках (трампарках, автобазах) имеются специальные аварийные инспектора ОРУД, почти все технически подкованные.

Как это ни странно, но все расследования по авариям ведут аварийные инспектора отделений милиции по месту их происшествий. Роль же базовых инспекторов сводилась к регистрации аварии и к наложению административных взысканий. Последние приобрели характер некоторой «коммерческой» деятельности, и один из инспекторов трампарка за успешную дея-

тельность на этом поприще был даже премирован велосипедом.

Результаты расследования аварий инспекторам баз в большинстве случаев неизвестны, так как отделения милиции очень часто не посылали базам копий обвинительных заключений.

Совершенно непонятно, почему инспектора баз — технически сведущие люди, хорошо знающие свои кадры, могущие на месте определить технические повреждения экипажей и произвести наиболее всестороннее и эффективное расследование, — не занимаются этим, сводя почти всю свою работу к регистрации происшествий?

В самом ОРУД, где сосредоточены наиболее серьезные дела по местному транспорту, также не все обстоит благополучно. Несмотря на то, что расследования производятся инспекторами-следователями и их дела по сравнению с другими видами преступлений несложны, качество расследования желает много лучшего, а сроки расследования совершенно недопустимы. О планах расследования они не имеют понятия, поэтому сам процесс следствия проходит бессистемно, отражаясь на качестве. Указания прокуратуры о составлении планов расследования не выполняются. Хуже всего, что само командование ОРУД, подчас чрезмерно требовательное к своим работникам, недостаточно внимательно относится к культурному производству расследования.

Деятельность нарсуда по делам местного транспорта в результате ряда указаний прокуратуры и президиума Мосгорсуда за последнее время значительно повысилась. Но огромное количество приносимых городской прокуратурой протестов по приговорам еще свидетельствует о продолжающихся ненормальностях в работе камеры. Для иллюстрации приведу несколько примеров из всей массы протестов как наиболее характерные.

1. Обвиняемый Кабальцев был приговорен к году исправтруда. Приговор был утвержден кассколлегией. Прокуратурой приговор был опротестован по следующим мотивам: дело слушалось в отсутствие обвиняемого, которому повестка не была вручена. Судебное заседание было 14/1 1935 г., а приговор вынесен 21/1, в протоколе судебного заседания были перечеркнуты фамилии нарзаседателей Орлова и Кремкова и вписаны другие — Мавшин и Кузнецов.

2. Дело Белякова, обвиняемого по ст. 111 УК. Обвиняемый, шофер автобуса, несмотря на скользкий путь, из-за морозной погоды, ехал по Арбату с большой скоростью, превысив нормально установленную для данного участка. Не снизив скорости даже на перекрестке, Беляков, не обращая внимание на предупредительные сигналы постового регулятора, резко затормозил автобус, отчего тот повернулся в обратную сторону движения и сбил при этом

постового регулятора Стрельникова, получившего серьезные ранения. Несмотря на то, что сам обвиняемый, как отмечает суд в своем приговоре, «частично признал себя виновным в том, что сбил постового регулятора», суд признал почему-то обвинение не доказанным и вынес ему оправдательный приговор. Более того, суд отметил «жалатность», проявленную регулятором Стрельниковым, который не освободил путь автобусу, пользующемуся большим преимуществом. Неправильность такого приговора очевидна и в комментариях не нуждается.

3. Дело Иванова, обвиняемого по ст. 111 УК. Нурсуд приговорил его к 10 мес. исправтруда. Дело было заслушано в отсутствие обвиняемого, которому не была вручена повестка. Несмотря на это, суд в приговоре указал, что «дело обследовано достаточно ясно, обвиняемый Иванов сам признал свою вину, и поэтому особых доказательств не требуется присутствие его не обязательно».

4. Дело Комарова, обвиняемого по ст. 111 УК, судом не было совершенно обследовано. Из трех свидетелей по делу ни один не был допрошен. Суд ограничился допросом одного обвиняемого. В резолютивной части приговора суд отметил: «Обвиняемый Комаров, будучи в нетрезвом виде, потерял ориентировку в управлении машиной, сбил гражданина, не остановил машины и скрылся, не оказав помощи потерпевшему». Суд пришел к неправильному выводу о нецелесообразности лишения Комарова свободы на том основании, что со стороны потерпевшего был проявлен грубый проступок — переход улицы в нетрезвом виде.

Приводимые примеры не исчерпывают всех моментов неудовлетворительной работы нарсуда.

Штампование приговоров, небрежное составление протоколов судебного заседания, заочное осуждение еще довольно часты в практике нарсуда по делам местного транспорта.

Из краткого описания достаточно убедительно видна картина состояния борьбы с преступностью на местном транспорте. В этой области работы, к сожалению, еще много ненормальностей и организационных неполадок. Городская прокуратура до сего времени не организовала транспортную группу, взвалив всю тяжесть работы на одного человека. Районные прокуроры не могут считаться серьезными помощниками в этом деле, так как перегружены другой работой.

Директивы об укреплении борьбы с преступностью на местном транспорте фактически не выполняются.

Регулярное бесперебойное движение транспорта, предотвращение аварий, причиняющих огромные ущербы государству, наконец самое важное — борьба со случаями травматизма — должны быть поставлены образцово и должны стать предметом внимания всего Союза

Опыт работы Московского и Ленинградского институтов права и вопросы правового образования¹

Проблема кадров всегда занимала одно из важнейших мест в работе нашей партии. На различных этапах нашей революции проблема кадров ставилась по-разному, и всегда она ставилась как важнейшая проблема нашей революции.

Лозунг, выдвинутый т. Сталиным в его речи 4/IV 1935 г. в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии, — «кадры решают все» — является величайшим историческим событием, открывающим собой новый этап в построении бесклассового социалистического общества. Речь т. Сталина открывает новую страницу в истории нашей революции, поднимающая на новую, высшую ступень вопрос о заботливом выращивании и воспитании большевистских кадров.

Проблема кадров для органов юстиции есть не только заботливое и внимательное отношение к своим собственным кадрам, но является и проблемой бережливого и заботливого отношения и к кадрам социалистического строительства вообще. Нет, пожалуй, ни одной другой отрасли деятельности нашего государственного аппарата, как судебной, от которой бы так много зависело судеб многих и многих людей. Неправильное привлечение к судебной ответственности, неправильный приговор — и человек выбивается из нормальной жизненной колеи, и не только он сам, но и вся его семья.

Между тем, судебная практика показывает, что на отдельных участках судебно-прокурорской работы имеется немало изъянов в проведении карательной политики нашей партии: извращения революционной законности, несоблюдение майской директивы о недопустимости массового привлечения к судебной ответственности и т. д. Все эти извращения объясняются отчасти тем, что на отдельных участках судебно-прокурорской работы сидят люди, которые по своей теоретической подготовке и культурному уровню на этой работе не могут быть. Исполнять судебно-прокурорскую работу могут только люди, которые стоят на высоком политическом, теоретическом и культурном уровне.

Судья, прокурор и следователь должны знать основные принципы политики партии и советского государства, они обязаны знать основные принципы нашей уголовно-правовой политики, они обязаны знать наше уголовно-правовое законодательство не только в объеме уголовного кодекса, а его теорию, историю и практику, и не только нашей страны, но и иностранных государств. Все эти требования могут быть предъявлены только к людям, имеющим высшее юридическое образование.

Лозунг т. Сталина «кадры решают все» для органов юстиции означает, что мы должны

окружить судебно-прокурорских работников исключительным вниманием и заботой и стремиться к тому, чтобы все они в самый кратчайший срок получили высшее юридическое образование. По этому пути уже пошло наше правительство. Решение ЦИК и СНК СССР 5/III 1935 г. о правовом образовании, решение правительства об организации Союзной правовой академии в Москве, организация в союзных и национальных республиках новых правовых институтов, создание целой сети юридических курсов и переводение правовых институтов с трехгодичного срока обучения на четырехгодичный говорят о том, что в области подготовки и переподготовки судебно-прокурорских работников наступил резкий перелом. Но для того, чтобы получить политически выдержанных, методологически и теоретически подготовленных судебно-прокурорских работников, необходимо уделять большое внимание отбору студентов для правовых вузов, подбору политически выдержанного и теоретически подготовленного педагогического состава и надлежащим образом организовать учебно-производственный процесс в наших правовых институтах.

Под этим углом зрения была обследована комиссияй НКЮ РСФСР под председательством пишущего эти строки работа Московского и Ленинградского институтов права.

Вопрос об организации и постановке правового образования немало зависит от руководства институтов; поэтому мы считаем необходимым дать общую характеристику руководства как Ленинградского, так и Московского институтов права.

Ленинградский институт в лице своего руководства имеет политически и идеологически выдержанных товарищей.

После убийства контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими подонками т. Кирова руководство Института, совместно с партийной и профессиональной организацией, серьезно занялось изучением преподавательского и студенческого состава. В результате проверки преподавательского состава были сняты с работы бывшие оппозиционеры и люди, не могущие бороться на два фронта и обеспечить высокий теоретический уровень в преподаваемых ими предметах. Такая же проверка была произведена и среди студенческого состава, результатом чего явилось отчисление, как антисоветских элементов — 6 человек.

Московский институт права в политическом и идеологическом отношении вполне выдержан. В своей теоретической и практической работе работники Московского института проводят генеральную линию партии, борются за нее и воспитывают студенческий актив в духе марксистско-ленинской теории.

¹ В порядке обсуждения.

Характеристика студенческого состава Московского и Ленинградского институтов права:

Общее колич. студентов	Рабочих	Колхозников	Крестьян единоличников	Служащих	Детей специалистов	ВКП(б)	ВЛКСМ	б. парт.
Ленинградский институт								
371	241	35	4	90	1	199	145	27
100%	65%	9,4%	1,1%	24,3%	0,2%	54,6%	39,1%	7,3%
Московский институт								
515	304	—	80	131	—	261	194	60
100%	59,1%	—	15,5%	25,4%	—	50,7%	37,7%	11,6%

В социальном и политическом отношении студенческий состав как в Ленинградском, так и в Московском институтах вполне удовлетворителен.

В Ленинградском институте рабочая прослойка достигает 65%, а партийная и комсомольская — 93,7%.

В Московском институте процент рабочей прослойки несколько ниже, достигая 59,1%, партийная и комсомольская также несколько ниже, чем в Ленинградском институте — 88,4%.

Характеристика профессорско-преподавательского состава по правовым кафедрам:

Общее количество преподавателей правовых кафедр Ленинградского института — 33 человек, из них:

профессоров	16 чел., или	48,5%
доцентов	11 " "	33,3%
преподавателей	6 " "	18,2%
членов ВКП(б)	16 " "	48,5%
б. парт.	17 " "	51,5%
Стаж научной работы от 2—3 лет 3 чел., или	9,1%	
" 3—5 " 6 " "	18,2%	
" 5—10 " 12 " "	36,4%	
" 10—15 " 4 " "	12,1%	
" 15—20 " 3 " "	9,1%	
" 20—выше 5 " "	15,1%	

Общее количество преподавателей правовых кафедр Московского института — 35 человек, из них:

профессоров	18 чел., или	51,4%
доцентов	17 " "	48,6%
членов ВКП(б)	15 " "	42,9%
ВЛКСМ	1 " "	2,8%
б. парт.	19 " "	54,3%
Имеют научные труды	26 " "	74,3%
не имеют	9 " "	25,7%

Политический и теоретический показатель педагогического состава обоих институтов вполне удовлетворителен. В Ленинградском институте члены ВКП(б) составляют 48,5%, в Московском институте членов ВКП(б) и комсомольцев 45,7%. В Московском институте 74,3% преподавателей имеют свои научные труды, в Ленинградском институте 72,7% преподавателей имеют стаж научной работы больш

ше 5 лет. Формально норма квалификации в Московском институте выше, чем в Ленинградском институте. В Московском институте профессора среди преподавательского состава составляют 51,4%, а в Ленинградском — 48,5%, доценты в Московском институте составляют 48,6%, а в Ленинградском — 33,3%.

Высокий процент профессорского и доцентского состава в Московском институте объясняется тем, что здесь исходят из двухступенчатой квалификации преподавательского состава (профессора и доценты). Ленинградский институт исходит из трехступенчатой квалификации научных работников (профессора, доценты и преподаватели).

Принцип научной квалификации в Ленинградском институте более правильный, чем в Московском. Нельзя обесценивать научную квалификацию, как это делают в Московском институте. Среди преподавателей Московского института имеются аспиранты и практикующие работники, привлеченные к преподавательской деятельности, которые числятся доцентами кафедр.

Такое щедрое награждение учеными званиями людей, у которых нет для этого научного основания, — нецелесообразно. Это приводит отчасти к тому, что, с одной стороны, снижают теоретическую подготовку студентов, а с другой — определенным образом возвращают вновь испеченных «доцентов», которые вместо того, чтобы самим заниматься и учиться начинают учить других. Необходимо, чтобы аспиранты или практические работники, вне зависимости от занимаемых ими должностей привлекались к педагогической деятельности как правило, определенное время являлись бы ассистентами у опытных руководителей, а только по прохождении этой необходимой подготовки получали семинары для самостоятельного руководства.

Переходя к характеристике кафедр, необходимо сказать, что в Московском институте по своему персональному составу кафедры достаточно сильные. Между тем, они работают не так, как они могли бы работать. Иллюстрацией тому может служить работа кафедр международного права, трудового права и уголовного права.

Кафедра международного права в течение целого года обсуждала только два вопроса — о прохождении курса и о соцсоревновании. Программы, организация методической работы, вопросы, непосредственно вытекающие из учебной жизни института, не ставились кафедрой и не обсуждались.

Кафедра трудового права собиралась очень часто. В течение года было 16 заседаний; между тем круг вопросов также был ограничен: занимались главным образом вопросами дипломных работ, производственной практики, диссертаций для аспирантов, и только один раз на заседании кафедры обсуждалась программа занятий.

Кафедра уголовного права, хотя и собиралась часто, главным образом занималась вопросами распределения семинаров между преподавателями, соотношением часов между лекциями и семинарами и т. п.

Только кафедра судебного права, кафедра хозяйственного права и кафедра политэкономии занимались вопросами методики, программ, научной работой и т. д.

Три кафедры работали совсем без программ: кафедра введения в советское право, истории государственных форм и отчасти кафедра аграрного права.

Особенно нужно остановиться на работе кафедры истории государственных форм: предмет новый, опыта в этой работе нет, преподавателей нет. В марксистской литературе этот вопрос почти не освещался. Те курсы, которые мы имеем по этому вопросу (курс профессора Рейснера, курс Лурье), ни в какой мере не являются марксистскими и не могут служить руководством при прохождении курса истории государственных форм. Несмотря на это, такой серьезный курс проходил без программы. В первое время лекции стенографировались, а потом и от этого отказались.

По своему персональному составу кафедры в Ленинградском институте слабее. Однако кафедры в Ленинградском институте работали лучше, глубже и содержательнее, что объясняется отчасти тем, что довольно большой процент преподавательского состава в Ленинградском институте — основные работники института.

Кафедры в Ленинградском институте очень серьезно занимаются вопросами программ, методической, научной работой. Большое внимание уделяли вопросу организации студенческих кружков и т. д.

Однако имеется ряд недостатков в работе отдельных кафедр; например кафедра уголовного права недостаточно обеспечена соответствующим педагогическим персоналом. Все члены кафедры — молодые работники, только недавно сами закончившие аспирантскую подготовку или Ленинградское отделение ИКП.

Работа кафедры по диамату также стоит не на должной высоте, в силу недостатка квалифицированных работников кафедры. Заведующий кафедрой и другие работники этой кафедры не получили соответствующего философского образования, не имеют научных трудов. Необходимо и эту кафедру дополнить соответствующими, теоретически подготовленными работниками.

Не совсем благополучно обстояло дело с кафедрой истории государственных форм, ибо программы, присланные Наркомюстом, оказа-

лись непригодными, соответствующих преподавателей не было, между тем, были организованы три параллельных потока лекций и семинаров; притом очень неуклюже были распределены отдельные части курса между отдельными преподавателями: один читал историю государства, другой историю права, третий историю идеологии, и понятно, что такой разрыв единого предмета на три части не мог не привести к повторению и искажению самого предмета.

Работа деканатов в Ленинградском и Московском институтах существенно различна. В Ленинградском институте деканаты существуют в виде коллегий из трех лиц: заведующий деканатом, секретарь партийной и председатель профкома. Периодически они собираются и разрешают вопросы учебного характера.

В целях руководства учебной жизнью факультетов к каждому деканату прикреплены отдельные кафедры; например к деканату хозяйственного права прикреплены кафедры: хозяйственного права, политической экономии, земельного права и другие. К деканату судебного-прокурорского факультета прикреплены кафедры: уголовного права, процессуального права, исправительно-трудоустройственной политики и т. п.

Все эти нововведения вызывают ряд сомнений в их целесообразности и в частности вопрос о прикреплении отдельных кафедр к факультетам и вопрос о конструкции деканатов; однако положительным моментом является то, что Ленинградский институт встал на путь искания новых форм руководства деканатом.

В Московском институте руководство факультетами осуществляется в лице одного декана. Работа деканов ограничивается только организацией учебного процесса, например составление учебного плана, контроль за выполнением его, контроль за дисциплиной и т. д. Учебной жизнью, в полном смысле этого слова, деканаты не руководят. В дальнейшем необходимо поставить вопрос о пересмотре роли и задач деканов, необходимо, чтобы они руководили учебной жизнью на факультетах.

Также необходимо поставить вопрос о том, чтобы деканами факультетов были профессора. Если раньше мы были вынуждены назначать деканами если не студентов, то в лучшем случае аспирантов, то в настоящее время мы вступили в такую полосу, когда мы имеем все возможности, чтобы деканами были профессора. Надо, чтобы преподавательский и студенческий коллектив видели в деканах не только организаторов производственного процесса, но и людей теоретически подготовленных, теоретически знающих свое дело, которые могли бы руководить работой кафедр по существу.

Методическая работа в Ленинградском институте осуществляется специально созданным Методическим бюро из квалифицированных работников. Методическим бюро была проделана большая работа по изучению и реализации учебного процесса. За истекший учебный год Методбюро были разработаны следующие вопросы: методика проведения зачетов; памятка студента по самостоятельной работе; методика работы с аспирантами; методика групповых занятий и оценка успеваемости студентов; положение о конкурсе на лучшую студенческую

запись; положение о конкурсе на лучшие лекции и лучшие семинары; инструкция по составлению частных методик; инструкция для студентов, проходящих производственную практику; методика работы студенческих научных кружков; инструкция о дипломных работах; частная методика по курсу трудового права. Перечень разработанных Методбюро вопросов показывает, что методическая работа охватывала все стороны учебной работы Института, начиная от отдельных методических вопросов и кончая методикой целой дисциплины.

Проделанная Методбюро работа по проведению конкурса на лучшую лекцию и семинар всколыхнула всю учебную жизнь Института и помогла изжить целый ряд существенных недостатков, имеющих место как в преподавании, так и в методике организаций лекций и семинаров.

Московский институт недостаточно занимался методической работой.

Изучением производственных процессов занимается заведующий учебной частью и методист, прикрепленный к учебной части. Изучение и рационализация учебного процесса происходят путем посещений заведующим учебной частью и методистом лекций и семинарских занятий. Путем устных бесед с преподавателями устраняются все замеченные недостатки в преподавании. В Московском институте ставка делается не на методику изучения производственного процесса, а на индивидуальную консультацию: тот или иной студент приходит к методисту, который путем устной беседы дает ему ряд указаний по отдельным интересующим его вопросам, например как читать книгу, как писать дипломную работу, как вести запись лекций и т. д.

Индивидуальная консультация — конечно хорошее дело, но она ни в коем случае не может заменить методическую работу. Нужно, чтобы наряду с консультациями также изучался и производственный процесс путем постоянной, систематической методической работы.

Ленинградскому институту также следует наряду с хорошо поставленной методической работой практиковать индивидуальные консультации, т. е. использовать опыт Московского института.

Большим тормозом в деле повышения теоретического и культурного уровня студентов является существующий способ занятий. Учебный процесс построен так, что занятия происходят ежедневно не менее 6 часов, а иногда доходят до 7 и 8 часов. Метод классных занятий, метод средней школы совершенно неприемлем для высших учебных заведений. Эта учебная опека над студентом, заставляющая его постоянно быть в Институте, не дает ему возможности самостоятельно работать, серьезно и глубоко изучить предмет, осмыслить его и т. д.; он должен постоянно готовиться к ответам на семинарских занятиях, и это приводит к методу вопросов и ответов. С такой системой занятий нужно покончить.

Нужно поставить занятия так, чтобы дать возможность студентам самостоятельно заниматься, осмыслить изучаемые ими предметы.

На уровне повышения теоретической подготовки студентов весьма серьезно отражается то, что за малыми исключениями все преподаватели совмещают свою преподавательскую

работу со служебной и кроме того преподают сразу в нескольких местах. В целях повышения квалификации самого преподавательского состава нужно раз навсегда покончить с практикой совместительства и преподавания в нескольких местах. Институты должны иметь определенное количество постоянных, несомещающих преподавателей. Немалую роль в этом играет существующая система оплаты труда преподавателей. В практике правовых вузов можно наблюдать случаи, когда среднемесячная оплата преподавания равняется 25—30 руб. в месяц. Ясно, что такая оплата не способствует созданию заинтересованного отношения к своей работе. Низкая оплата труда преподавателей приводит в иных случаях к чрезмерной нагрузке преподавательской работой, что не может не отразиться на качестве преподавания. Институты должны ориентироваться главным образом на штатный преподавательский состав, для которого должны быть установлены персональные оклады.

Научная работа в Ленинградском институте поставлена не плохо: каждая кафедра имеет план научной работы, который утверждается Советом кафедр, ставятся публичные научные лекции, читаются доклады на заседаниях кафедр и т. д. Такая систематическая и серьезная научная работа кафедр говорит о том, что Ленинградский институт отдает себе отчет, что без теоретически растущего профессора, доцента, преподавателя Институт не может подготовить теоретически грамотных юристов.

Среди общих докладов, заслушанных в Институте, следует отметить доклад «Ленин и Сталин об уголовном праве», доклад «О системе хозяйственного права», доклад «Организационно-правовые формы местной промышленности», «Учение Гегеля о государстве и праве» и т. д.

В конце мая этого года была созвана научная конференция кафедр, на которой были заслушаны следующие доклады: «Аграрное право фашизма», «Шпан как идеолог фашизма», «Контрреволюционная троцкистско-зиновьевская концепция империализма», «Программа нейтралитета в современной международной политике», «Переделка сознания заключенных», «Роль права в борьбе за трудовую дисциплину», «Фашистское законодательство о монополистических объединениях в Германии», «Система хозяйственной кодификации и защита личных прав трудящихся», «Советская демократия».

Кафедры Московского института, за некоторыми исключениями, научной работой не занимаются. Только кафедра судебного права поставила ряд научных докладов. Отчасти научной работой занимались кафедры уголовного права и политэкономии. Работники Московского института берут под сомнение вообще вопрос о целесообразности того, чтобы кафедры занимались научной работой при наличии в Москве ряда научно-исследовательских институтов, в которых почти все преподаватели кафедр ведут ту или иную научную работу. Нам кажется, что одно другого не исключает; кафедра есть первичная научная ячейка в учебных заведениях, которая должна служить связывающим звеном между студенческой массой и научно-исследовательскими институтами. Опыт работы Института уголовной политики показывает, что все попытки

Института привлечь студентов на научные доклады или к научной работе в Институте оказываются безуспешными, в то время когда поставленные в учебных институтах научные доклады студенты очень охотно приходят. В институтах также имеются аспиранты, которые, за некоторым исключением, в научно-исследовательских институтах не работают, а в Институте они могут быть использованы для научной работы. Наконец, ежегодно Институт получает десятки и сотни дипломных работ, которые ни в какой мере не используются. При надлежащей постановке научной работы в Институтах все эти дипломные работы могли бы в той или иной степени использоваться. Для этой цели необходимо, чтобы институты получили возможность издавать свои «Научные записки».

Не плохо работают научные кружки в Ленинградском институте; между тем имеется ряд неясностей в организации этих кружков. В научных кружках участвуют все желающие в них работать, в том числе студенты первого курса и согласно постановлению кафедр в этих кружках также участвуют аспиранты. Таким образом получается неразбериха, неизвестно кто является главным контингентом этих кружков и какая должна быть степень научной подготовки.

В Московском институте научные кружки хотя и существуют, но фактически не работают. На кружке уголовного права был заслушан один доклад и то не студента, а преподавателя, на кружке трудового права тоже был заслушан только один доклад студента.

Производственная практика в основном не плохо организована и подготовлена как в Московском, так и в Ленинградском институтах.

Ленинградским институтом заранее были подготовлены места, где студенты второго и третьего курсов должны были проходить производственную практику, и с соответствующими учреждениями были заключены соответствующие договоры. Предварительно были составлены планы их работ, и работа на местах была так организована, что студенты третьего курса могли использовать эту практику для дипломной работы.

К недостаткам практики следует отнести то, что студенты второго курса до прохождения практики не прошли уголовного права, процесса, хозяйственного права и др. необходимых предметов.

В Московском институте, перед тем как послать студентов на практику, был созван ряд совещаний, были выделены отдельные люди, которые посещали места производственной практики, которые тут же при обнаружении тех или иных недостатков при прохождении производственной практики исправляли их.

Дипломные работы в этом году существенно отличаются от дипломных работ всех предыдущих лет. Если в прошлые годы хорошие работы были исключением, то в настоящее время плохие работы являются исключением. Между тем, имеется ряд недостатков в организации подготовки и сдачи студентами дипломных работ.

Недостатком в организации просмотра и оценки дипломных работ в Московском институте явилось то, что доценты, просматривающие работы, ограничивались только дачей устной оценки и не давали письменных отзывов,

что не давало возможности студенту учесть отрицательные и положительные стороны своей работы. По уголовному праву за 5—6 дней было заслушано около 30—40 дипломных работ, т. е. ежедневно по 5—6 дипломных работ. Совершенно ясно, что председатели комиссий в лучшем случае могли только ознакомиться с этими работами. Таким образом, получилось, что ни доценты перед защитой дипломных работ, ни председатели основательно не изучали и не знакомились с этими работами.

В Ленинградском институте неправильно была организована работа по прикреплению и консультации дипломников. Имел место случай, когда к одному преподавателю было прикреплено 37 дипломников. Ясно, что при такой нагрузке преподавателя качество даваемой им консультации стояло на очень низком уровне и вообще он не в состоянии был как следует руководить дипломниками.

В Московском институте из 53 защищенных работ на судебно-прокурорском факультете было отличных 17 работ, или 32,1%, хороших 19 работ, или 35,8%, удовлетворительных 17 работ, или 32,1%.

На хозяйственно-правовом факультете из 27 защищенных работ отличных было 15, или 56,6%, хороших 7, или 25,9%, удовлетворительных 5, или 18,5%.

В Ленинградском институте из 91 дипломной работы было отличных 27, или 29,7%, хороших 44, или 48,4%, удовлетворительных 19, или 20,8%, неудовлетворительных 1, или 1,1%.

Таким образом мы видим, что с формальной стороны Ленинградский институт далеко уступает в смысле оценки дипломных работ.

В оценке дипломных работ в Московском институте имеется известный принципиальный недостаток в том отношении, что обесценивается оценка «отлично» и «удовлетворительно». С одной стороны, «отлично» ставится тогда, когда на самом деле работа не является отличной, а с другой стороны, когда работа оценивается как удовлетворительная, студенты считают, что эта работа неудовлетворительная. В основном студент является середняком, который учится на удовлетворительно. Небольшой процент среди общей массы студентов учится на «отлично», несколько больший процент — на «хорошо», но в основном — на «удовлетворительно». Отличники — это те студенты, которые выдвигаются на научную работу.

Вышеприведенные данные Московского института о том, что основная масса студентов учится на «отлично» и «хорошо», а незначительная группа — на «удовлетворительно», очевидно не соответствуют действительности.

Вопрос об оценке успеваемости студентов и дипломных работ нужно самым коренным образом пересмотреть.

Важнейшим принципиальным вопросом является вопрос о сохранении в дальнейшем дипломных работ или о замене их государственными экзаменами. Дипломные работы даже тогда, когда они написаны на «отлично», все же не показывают, насколько студент усвоил все пройденные им предметы; он может за счет других предметов налезть на тот предмет, с которым связана его дипломная работа, и написать ее на «отлично». При государственном же экзамене ему придется 3—4—5 предметов сдать для того, чтобы закончить институт. Это

его обязывает, чтобы он все время изучал в одинаковой степени все важнейшие предметы и перед окончанием института еще и еще раз повторил пройденный им курс. Об этом нужно подумать.

Этот год является переломным годом в области подготовки аспирантов в Московском институте; первый курс занимался в этом году не плохо, аспиранты делали доклады, писали тезисы по своим выступлениям, занимались серьезно языками. Хуже немного обстоит дело со вторым курсом, например уголовники не прошли в этом году Особенной части, что является большим пробелом, ибо в будущем году им придется писать диссертации. Третий курс сидит на диссертационных работах.

Неважно обстоит дело и с подготовкой аспирантов в Ленинградском институте: во-первых, необходимо отметить, что общая подготовка аспирантов очень низкая; во-вторых, плохо организована учеба с ними.

Аспиранты в течение года не пишут письменных работ, не пишут тезисов по своим выступлениям на семинарских занятиях, а сдают в конце учебного года экзамены по всем пройденным ими предметам. Отсутствие письменных работ, отсутствие тезисов не дает возможности сказать, как аспиранты в течение года занимаются. Примером плохой постановки учебной работы с аспирантами может служить тот факт, что из 5 человек, которые должны были сдать экзамены по политэкономии во время нашего пребывания в Ленинграде, 3 человека провалилось.

Отдел кадров НКЮ и институты должны более тщательно отбирать кандидатов в аспирантуру. Нужно повысить требования к теоретической и методологической подготовке поступающих аспирантов. Подбор кандидатов в аспирантуру нужно производить не только среди оканчивающих институт студентов, но и среди практических судебно-прокурорских работников, имеющих соответствующую теоретическую подготовку. Особое внимание необходимо уделить организации учебного процесса аспирантов. Они должны в течение года писать доклады, тезисы, и вся их учебная работа должна находиться под непосредственным контролем учебной части. Совершенно недопустимо положение, когда аспиранты без различия курса занимают административные должности не только внутри самого института, в котором они проходят аспирантскую подготовку, но и в других учреждениях. В Московском институте деканами факультетов являются аспиранты, заведующий подготовительным отделением — аспирант. То же самое и в Ленинградском институте: заведующий учебной частью заочного отделения — аспирант, и т. д. Нужно самым категорическим образом запретить аспирантам во время прохождения аспирантской подготовки занимать административные должности и прекратит снятие аспирантов с учебы до окончания прохождения ими аспирантской подготовки.

В Московском институте организованы научные кабинеты: по уголовному праву, процессу, хозяйственному праву, криминалистике, кабинет по военным дисциплинам. Кабинеты оборудованы хорошо.

В Ленинградском институте организованы: кабинет уголовного права, истории государ-

ственных форм, земельного права, кабинет марксизма-ленинизма. Все эти кабинеты находятся еще в процессе оформления, и придется еще много поработать над тем, чтобы они были настоящими вспомогательными базами для научной работы.

Принципы организации этих кабинетов в Ленинграде существенно отличаются от организации научных кабинетов в Москве.

В Ленинграде научные кабинеты строятся с таким расчетом, чтобы они служили базой для научной работы, а в Москве — чтобы они главным образом помогли студентам при прохождении того или иного курса.

Принципы организации кабинетов в Ленинградском институте более правильны. Кабинеты должны методически помогать преподавателям при прохождении их курса и студентам при освоении того или иного предмета, но в то же время они должны служить базой для научной работы кафедр.

При институтах существуют подготовительные отделения со сроком обучения в 1 год. Бросается в глаза большой отсев слушателей как в Московском, так и в Ленинградском институтах. В Московском институте почти 50% слушателей по тем или другим причинам ушли с подготовительных отделений.

Общеобразовательная подготовка слушателей очень низкая. Совершенно ясно, что нельзя трехгодичный курс пройти в течение года (подготовительное отделение реорганизовано из рабфака), тем более, что не все поступившие на подготовительное отделение имели знания в объеме семилетки. Вообще, большое сомнение вызывает целесообразность существования подготовительного отделения при наличии большого наплыва желающих поступить в институт, закончивших среднюю школу.

Заочное образование в Ленинграде поставлено довольно хорошо. В теоретическом отношении оно дает полноценно подготовленных студентов.

В Москве заочный сектор не входит в систему института, а непосредственно подчиняется Центральному заочному институту. Если в Ленинграде заочное образование является органической частью работы кафедры института в целом, то в Москве заочный сектор должен каждый раз договариваться с тем или иным преподавателем о его преподавании в заочном секторе. Это является недостатком в работе Московского института. Для кафедр Института в целом совершенно не безразлично, как готовятся кадры заочников. Поэтому необходимо, чтобы кафедры не делали различия между стационарным вузом и заочным институтом, а равномерно распределяли работников между ними.

Московский и Ленинградский правовые институты имеют бесспорно ряд достижений в области подготовки кадров. Но наряду с этим, имеется ряд недостатков в работе кафедр, в руководстве учебным процессом, в постановке научной работы, научных кружков, дипломных работ, производственной практики и т. п. Задача руководства правовых институтов — устранить все эти недочеты и тем самым выполнить поставленный т. Сталиным в своей речи 4 мая вопрос о бережном и заботливом отношении к строителям и творцам социалистического общества.

Еще раз о волоките

В своем докладе на Первом всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников «О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы» т. Вышинский показал всю важность повседневной и беспощадной борьбы с волокитой и бюрократизмом в системе органов суда и прокуратуры. Тов. Вышинский далеко не лишней раз напомнил указание В. И. Ленина: «Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности и тащить волокиту на суд гласности; только так мы эту болезнь всерьез вылечим»¹.

Волокита и бюрократизм, эти позорные и весьма опасные язвы нашей действительности, эти «родимые пятна», унаследованные от проклятого прошлого, исключают всякую возможность для зараженных ими людей овладеть тем высоким качеством работы, которому был посвящен весь доклад тов. Вышинского и которое нам так настоятельно необходимо. Без этого высоко о качества работы немислимо выполнение важнейших задач, возложенных партией и правительством на судебно-прокурорские органы. Недостатки в нашей работе, а тем более ошибки и прямые нарушения директив партии и правительства становятся с каждым днем все более нетерпимыми. Недаром работа органов суда и прокуратуры находится в фокусе сосредоточенного внимания нашей общественности, нашей печати. Продиктованная решениями XVII партийной конференции и XVI съезда партии задача неустанной борьбы с пережитками капитализма в экономике и сознании людей является одной из важнейших повседневных задач суда и прокуратуры. А в числе этих пережитков не малое место занимают как раз волокита и бюрократизм.

Волокита и бюрократизм сплошь и рядом процветают еще на почве отсутствия самой элементарной культурности в нашей работе, поразительного подчас невежества, неуважения к закону, недисциплинированности в наших собственных рядах, на почве барского, высокомерного, заносчивого, нечуткого отношения к человеку, к трудящемуся. Очаги волокиты и бюрократизма довольно глубоко еще гнездятся в наших приемных, канцеляриях, камерах суда и прокуратуры.

Особое значение борьба с волокитой и бюрократизмом в органах суда и прокуратуры приобретает в свете исторических указаний великого и мудрого вождя и учителя т. Сталина в его речи 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной армии.

Борьба с волокитой и бюрократизмом стала одним из основных условий решительной перестройки всей нашей работы в направлении выполнения исторических указаний т. Сталина об отношении к человеку.

Что мы имеем на сегодняшний день в области проведения настоящей, упорной, большевистской борьбы с волокитой и бюрократизмом в органах суда и прокуратуры? Выше было уже отмечено, что картина здесь еще довольно неприглядная.

Можно было бы без особого труда продемонстрировать целый ряд случаев возмутительнейшей, дикой и даже преступной волокиты и нетерпимого бюрократизма. В дальнейшем мы постараемся показать широкой общественности наиболее заслуживающие внимания случаи с выявлением конкретных виновников. За примерами не далеко ходить. Чего, например, стоит одно прохождение жалоб по пенсионным делам в периферийных органах прокуратуры? Даже Москва не может добиться ответа на неоднократные запросы и обращения к прокурорам, и пенсионные дела не разрешаются годами. Здесь я хочу на двух конкретных примерах из надзорной практики Прокуратуры Союза ССР показать, как далеко иногда мы еще отстаем от выполнения задачи культурного, чуткого, гуманного, внимательного, гибкого, разумного и быстрого разрешения жалоб и заявлений трудящихся, какой позорный путь волокиты и издевательского бюрократизма приходится подчас проходить еще трудящемуся, пока он добьется, наконец, разрешения своего законнейшего дела, какой непоправимый ущерб мы этим причиняем социалистическому строительству, как мало мы помним еще в целом ряде случаев о выполнении элементарных требований закона в отношении обслуживания трудящихся, обращающихся в органы суда и прокуратуры.

Первый случай имел место на Украине. Нарсуд Золотоношского района Киевской области в ноябре 1933 г. приговорил бывшего бедняка в дальнейшем колхозника Регурецкого к полутора годам лишения свободы за растрату 200 руб., которая опровергалась материалами судебного следствия. Регурецкий никогда ранее не судился. Кассационной инстанцией приговор был оставлен в силе. В течение 8 месяцев незаконно осужденный колхозник Регурецкий тщетно добивался своими жалобами, направленными в органы прокуратуры Украины, пересмотра его дела и исправления приговора. Он прилагал к жалобам доказательства своей невиновности. Жалобы оставались без последствий, а многие из них без всякого ответа. Прокуроры не проявляли элементарного внимания к делу неправильно осужденного колхозника. Жалобы подшивались к делу. Наконец, жалоба подается Прокуратуре СССР. В сентябре 1934 г. Прокуратура СССР предлагает опротестовать незаконный приговор. Целый ряд напоминаний остается без ответа. И только в конце февраля 1935 г. пересматривается дело Регурецкого, отменяется приговор и прекращается дело за отсутствием состава преступления. К этому времени колхозник Регурецкий отбыл уже весь срок лишения свободы по явно незаконному приговору!

Прокуратура СССР поручила прокурору Украины тщательно расследовать это возмутительное дело и привлечь к ответственности виновных в этой преступной волоките, исключительном бюрократизме и небрежности в работе судей и прокуроров, рассматривавших дело Регурецкого. Но как можно возместить вред, причиненный этим вопиющим безобразием кол-

¹ Ленин, т. XXIX, стр. 414.

хознику Регурецкому, его колхозу, государству?

Второй пример недопустимого нарушения директив партии и правительства в работе органов суда и прокуратуры, безобразного бюрократизма и волокиты, пренебрежения к законным правам трудящегося, мы берем из практики Киргизской АССР: рабочий батумской государственной типографии Иванов как лучший ударник производства получает в 1933 г. путевку на летний курорт в Киргизию. С радостной надеждой подлечиться Иванов едет на курорт со своим скромным багажом в двух чемоданах, но по пути случайно отстает от своего поезда. Товарищ Иванова, с которым он ехал на курорт, сдает багаж его в г. Фрунзе агенту-кассиру Киргизского курупра Каримбаеву. Багаж сдается на хранение по акту, с подробным перечнем вещей и их оценкой, за подписью кассира Каримбаева и секретаря Киркурупра. Имущества оказалось по описи на 707 руб. Акт он передает Иванову, приехавшему со следующим поездом. Но багажа от курупра Иванов не получил, так как агент Курупра Каримбаев успел скрыться с вещами Иванова, захватив одновременно и 2466 руб. денег курупра из несгораемого шкафа. Об этом выдается официальная справка Иванову от 17/IV 1933 г. за подписью зам. начальника курупра. Дело происходит, как мы видим, весной 1933 г. Казалось бы, зачем вспоминать эту давнишнюю тяжелую и досадную для ударника Иванова историю, испортившую ему отдых и лечение на курорте? Ведь дело совершенно простое и ясное: курупр обязан возместить убытки рабочему Иванову, причиненные преступным действием его агента-кассира Каримбаева, похитившего вещи, сданные ему как кассиру-агенту курупра на хранение по акту за подписью кассира и секретаря курупра. Так ведь сказано в советском законе (ст. 407-а ГК РСФСР). Очевидно, Иванов здесь же получил возмещение своих убытков, его в курупре успокоили, приласкали, заботливо, чутко отнеслись к больному легкими рабочему, лучшему ударнику, приехавшему по путевке на лечение. Так именно следовало бы ожидать от советского курортного предпринятия, которому партия и правительство доверяют восстановление сил и здоровья трудящихся.

«Здесь только и начинаются мои мытарства», сообщает т. Иванов в своей жалобе от апреля 1935 г., направленной в Прокуратуру СССР. Иванов обратился к представителю курупра Лобанцеву с заявлением о возмещении стоимости сданных на хранение в курупр и похищенных вещей. Лобанцев сухо ответил: «До поимки вора Каримбаева не может быть и речи о возмещении убытков». Иванов обращается к зам. прокурора Киргизии. Тот подтверждает «установку» Лобанцева, советует Иванову ехать в Батум к месту службы и ждать поимки преступника. Из Батума т. Иванов пишет несколько раз в курупр, запрашивает о своем деле. Администрация курупра не находит нужным отвечать на запросы какого-то Иванова. Иванов посылает в курупр телеграммы. Ответа нет. Так прошло семь месяцев.

Наконец, в июне 1934 г. Иванов обратился у себя в Батуме к прокурору Цинцадзе. Тов. Цинцадзе выслушал Иванова и послал прокурору Кирреспублики запрос с исковым заявлением Иванова к Киркурупру о 707 руб. Прокурор Киргизии не увидел за бумагой живого человека, он механически переслал заявление Иванова в нарсуд 1 участка г. Фрунзе. Прокурор не заинтересовался этим делом, хотя т. Иванов подробно излагает в заявлении историю своих мытарств и возмутительно-бюрократическое отношение к нему со стороны администрации курупра.

Но может быть, наконец, нарсудья 1 участка г. Фрунзе внимательно, по-советски отнесется к делу Иванова?

Послушаем т. Иванова: «Нарсудья 1 участка г. Фрунзе, не вникнув в существо вопроса, на моем искомом заявлении, полученном от прокурора Кирреспублики, кладет резолюцию: «Заслано не по назначению» — и отправляет мне обратно всю переписку». Тов. Иванов опять обращается к прокурору Аджаристана в Батуме с просьбой выяснить, в чем же дело.

Прокурор вторично направляет все бумаги Иванова при своем отношении в нарсуд 1 уч. г. Фрунзе.

Тогда нарсудья пишет Иванову отношение от 12 декабря 1934 г.: «уплатите сначала пошлину в 50 руб., тогда ваше дело будет разобрано». Формально правильно. Послушаем дальше... Иванов спешит с уплатой пошлины. Наконец-то его судебное дело будет разобрано. 26 декабря получен перевод на 50 руб. из Батума, 27 декабря перевод сдан нарсуду, а 28 января 1935 г. перевод возвращен Иванову за истечением срока хранения.

«Круг хлопот замкнулся, и я опять остался у своего начального положения», — восклицает с горечью т. Иванов в своей жалобе. От момента подачи заявления Иванова в курупр прошло полтора года...

Прокуратура Союза ССР по жалобе т. Иванова поручила прокурору Киргизии т. Смирнову лично взять под свое наблюдение это дело, поручить прокурору вступить в процесс в защиту интересов Иванова, в порядке ст. 2 ПЛК, добиться отсрочки уплаты судебной пошлины и возложения ее на ответчика при вынесении решения, обеспечить срочное разрешение дела о взыскании в пользу Иванова с Киркурупра 707 руб., в соответствии со ст. 407-а ГК, проверить законность судебного решения и своевременность его исполнения, проследить за реальным удовлетворением иска Иванова. Всех лиц, виновных в волоките и преступном бюрократизме по этому делу, привлечь к суровой ответственности, в том числе и бюрократов из Киркурупра, не считавших даже нужным отвечать на многократные обращения Иванова по почте и телеграфу в связи с его делом. О принятых мерах по жалобе Прокуратура Союза ССР сообщила т. Иванову.

Будем надеяться, что т. Иванов добьется, наконец, правильного решения по своему делу и что конкретные виновники получат должное наказание за допущенные в этом деле бюрократизм и волокиту.

О кадрах коллегии защитников

В статье «Роль коллегии защитников в борьбе за революционную законность» (журнал «Советское строительство» № 5—6 1933 г.), давая оценку условиям работы советского защитника, т. Вышинский говорит следующее: «Нельзя преуменьшать трудностей и сложности этой работы, требующей максимальной политической выдержанности и политического такта, максимальной политической и, так сказать, профессиональной чуткости и добросовестности, большого искусства, больших знаний и большой любви к своему делу и самоотверженности».

Приведенная цитата показывает, как высоко расценивает Прокуратура Союза ССР работу советского защитника и какие требования должны быть предъявлены к последнему для того, чтобы он отвечал своему назначению. Из этих же требований исходят очевидно и авторы проекта «Положения о судостроительстве Союза», когда непременным условием зачисления в коллегию защитников они ставят наличие определенного образовательного и практического юридического стажа у вступающих в коллегию (см. статью Винокурова в журн. «За соц. законность» № 1 1935 г.).

В связи с этим особое значение приобретает вопрос о кадрах советской защиты. Между тем положение в области подготовки и переподготовки кадров советской защиты следует признать катастрофическим.

В течение ряда последних лет в коллегиях защитников совершенно не наблюдается притока молодых советских специалистов-правовиков, которые могли бы обновить и освежить наличный состав коллегий защитников. Коллегии нередко пополнялись неграмотными политически и юридически и недостаточно доброкачественными в социальном отношении элементами.

В течение последнего времени происходил отсев из коллегий защитников старых юристов, работников дореволюционной адвокатуры и суда, — явление, безусловно, положительное, но на смену этой категории защитников почти никто не пришел, а те, кто и пришел, не обеспечивали выполнения задач, стоящих перед советской защитой, и во всяком случае не отвечали тем высоким требованиям, какие предъявляются сейчас к советскому защитнику.

В лучшем случае это бывшие технические работники суда и прокуратуры или же судьи и следователи, по тем или иным причинам, часто против своей воли, ушедшие со своей прежней работы, в худшем же случае это случайные люди, воспользовавшиеся широко открытыми дверями коллегии, для того чтобы хоть где-нибудь пристроиться.

В результате качество юридической помощи, оказываемой коллегиями защитников населению, находится на низком уровне, а участие защитника в судебном процессе недостаточно эффективно.

Особенно плохо обстоит дело с обеспечением квалифицированными защитниками районных центров. Руководящие органы коллегии, чтобы не иметь оголенных районов, направляют

туда любого желающего. Для этого президиумы коллегий не останавливаются даже перед прямым нарушением действующих законов. Для примера можно привести объявление, помещенное в газете «Социалистична Харківщина» в марте текущего года, в котором президиум харьковской областной коллегии защитников объявляет прием защитников на периферию, игнорируя при этом ст. 25 Украинского положения о судостроительстве, по которому членами коллегии могут быть лица, отвечающие следующим условиям:

1. Окончившие советский правовой вуз и отбывшие после этого определенный практический стаж.

2. Имеющие дореволюционное высшее юридическое образование и кроме того минимум трехлетний стаж практической юридической работы в соцсекторе.

3. Не имеющие юридического образования, но обладающие трехлетним стажем юридической работы, после сдачи соответствующих испытаний, и, наконец, выдвиженцы профессиональных или других общественных организаций.

В объявлении же президиума харьковской коллегии указано, что в коллегию принимаются без испытания лица, имеющие юридическое образование или же двухлетний стаж работы, к испытаниям же допускаются все желающие.

Дело здесь, разумеется, не только в формальном нарушении закона.

Метод вербовки новых защитников, усвоенный Харьковом, является ярким свидетельством недооценки правовой и политической квалификации, требуемой на данном этапе от работников юстиции вообще и от защитников в частности.

Партия и советская власть поставили вопрос о решительном улучшении качества работы органов юстиции. Отсюда исключительное значение приобретает вопрос о кадрах. Острее чем где-либо на другом участке судебной работы этот вопрос стоит перед советской защитой.

Разрешение этого вопроса, на мой взгляд, требует следующих мероприятий.

Необходимо запретить коллегиям защитников принимать в свои ряды лиц, не обладающих соответствующей теоретической и практической подготовкой. С нового учебного года надо провести за счет специальных фондов коллегий организацию курсов подготовки защитников с минимум двухлетним сроком обучения, причем организацию таких курсов следует провести в централизованном порядке в городах, обеспеченных высококвалифицированным преподавательским персоналом.

Необходимо привлечь в коллегию защитников окончивших в последние годы молодых советских юристов и, наконец, наряду с очисткой наличного состава коллегий от классово чуждых и разложившихся элементов следует произвести проверку состава последних с точки зрения специальной, политической и общекультурной подготовки.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Автор Исаев А. С. 27/X 1934 г. предъявил иск в нарсуде 4-го участка Красно-Пресненского района г. Москвы о взыскании с издательства «Сельхозгиз» 12 500 руб. за четвертое издание книги «Уход за трактором».

В своем исковом заявлении истец указывает, что срок договора от 31/V 1927 г. на издание его книги истек еще в мае 1930 года и что «Сельхозгиз» в нарушение договора и прав автора напечатал в 1931 году его книгу в количестве 300 тыс. экземпляров, заплатив ему лишь примерную стоимость авторского гонорара за 100 тыс. экземпляров. Автор находит, что 200 тыс. экз. напечатаны были без его ведома и согласия и без уплаты ему авторского гонорара.

Исаев требует присуждения 12 500 руб. из расчета 50% договорной суммы гонорара — 125 руб. за печатный лист, что составляет 62 р. 50 коп., а за 10 печатных листов — объем книги — 625 руб. за тираж, всего за 20 тиражей — 12 500 руб. Тираж автор устанавливает в 10 000 экземпляров, согласно договору от 31/V 1927 г. (потерявшего силу, по утверждению автора).

В судебном заседании 5/VI 1934 г. истец уменьшил сумму иска до 6 125 руб., требуя гонорар за переиздание его книги в количестве лишних 100 тыс. экземпляров против договора, исходя из вышеуказанного расчета.

Нарсуд решением 5/VI 1934 г. в иске Исаеву отказал.

Кассколлегия Мосгорсуда 26/VI 1934 г. это решение оставила в силе. Президиум Мосгорсуда, рассмотрев дело по протесту прокурора Красно-Пресненского района, 15/XI 1934 г. отменил решение нарсуда и определение Мосгорсуда и направил дело в нарсуд Красно-Пресненского района на новое рассмотрение.

Перед вторичным рассмотрением дела истец Исаев увеличил иски требования до 7 646 р. 80 к. исходя из прежнего расчета и фактического объема книги в 12,235 печатного листа (62 р. 60 к. $\times$ 12,235 = 764 р. 68 коп. за один тираж в 10 тыс. экземпляров, а за 10 тиражей — или 10 000 экземпляров, 7 646 р. 80 к.).

Дело было затребовано из нарсуда Мосгорсудом и рассмотрено последним по существу 8/II 1935 г.

Мосгорсуд нашел требования Исаева правильными и, применив штрафной тариф за нарушение «Сельхозгизом» договора с автором, присудил 150% требуемого Исаевым гонорара, т. е. 11 470 р. 20 к. и 688 р. 20 к. судебных пошлин в доход государства.

Это решение Мосгорсуда было утверждено Кассколлегией Верхсуда РСФСР определением 12/III 1935 г.

«Сельхозгиз» обратился в Прокуратуру СССР с жалобой в порядке надзора, указывая, что решение Мосгорсуда и определение Кассколлегии Верхсуда неправильны, так как полный расчет с автором книги Исаевым учинен им

еще в январе 1931 года выплатой Исаеву в окончательный расчет 6 550 руб.

Просмотрев дело в порядке надзора, Прокуратура Союза ССР опротестовала решение Мосгорсуда и определение Кассколлегии Верхсуда РСФСР по следующим основаниям:

Решение Мосгорсуда 8/II 1935 г. вынесено в противоречии с фактическими обстоятельствами дела. В решении указано, что возражение ответчика о производстве полного расчета с автором на 300 тыс. экз. книги несостоятельно, так как из справки «Сельхозгиза» видно, что книга выпущена 4-м изданием в количестве 200 тыс. экземпляров, поэтому произвести расчет за 300 тыс. экз. ответчик не мог.

Между тем Суду представлен экземпляр книги Исаева «Уход за трактором» в переплете, вышедший в феврале 1931 года, с указанием тиража на обороте заглавной страницы в 300 тыс. экземпляров. «Сельхозгиз» указывает, что издательство рассчиталось полностью за 300 тыс. экземпляров и приступило к печатанию книги, но выпустило только 200 тыс., уже после расчета с автором.

Поэтому вывод суда в этой части решения противоречит представленным суду доказательствам.

Мосгорсуд указывает в решении, что истец 31/V 1927 г. заключил с Книгосоюзом договор на издание книги «Уход за трактором» объемом в 10 печатных листов и что «Сельхозгиз» уплатил истцу за 10 тиражей 6 550 руб. из расчета 62 р. 50 к. за лист, а за 10 листов 625 руб.

Это утверждение Мосгорсуда также расходится с материалами дела, так как из первого пункта договора следует, что автор Исаев передал Книгосоюзу исключительное право на издание и повторные издания его труда «Уход за трактором и его неисправности» и «Смазка тракторов» объемом в $2\frac{1}{2} + 1\frac{1}{2}$ печатных листа, т. е. $4\frac{1}{2}$ печатных листа, а не 10 листов, как указывает Мосгорсуд.

Кроме того из арифметического подсчета стоимости 10 печатных листов за 10 тиражей не получается сумма 6 550 руб., полученная автором Исаевым от издательства за 4-е издание книги в январе 1931 г.

Мосгорсуд допустил в подсчете ошибку, явно разделяя непроверенные им и не подкрепленные доказательствами соображения истца.

Между тем ответчик представил суду подробный расчет, из коего слагается выплаченная «Сельхозгизом» автору сумма в 6 550 руб. Суд не проанализировал этого расчета и неправильно удовлетворил иск Исаева.

Мосгорсуд утверждает, что истец не знал о выпуске 4-го издания его книги и, получив деньги, был убежден, что получает за 10 тиражей, ранее выпущенных.

Это положение суда находится в резком противоречии с представленным суду доказа-

тельством — экземпляром книги «Уход за трактором» А. Исаева — издание 4-е 1931 г.

Предисловие к 4-му изданию написано автором, следовательно, истец Исаев не мог не знать о выпуске «Сельхозгизом» 4-го издания его книги.

В этом предисловии автор указывает, что 4-е издание книги устраняет недостатки 3-го издания, что введены дополнения о новых типах тракторов, а также расширены некоторые главы.

Предисловие к 4-му изданию опровергает утверждение автора и Мосгорсуда о том, что истец не знал о 4-м издании книги и обнаружил его только в 1934 г.

В решении Мосгорсуда от 8/II 1935 г. содержится неустранимое внутреннее противоречие, колеблющее в самой основе расчеты присужденной Исаеву суммы.

Суд установил, что срок договора Исаева с издательством истек еще в мае 1930 года, что ответчик отпечатал книгу в 1931 г. в количестве 200 тыс. экземпляров без согласия на это автора. Поэтому Мосгорсуд за нарушение издательством авторского права применяет штрафную норму тарифа в 150% и присуждает Исаеву 11 470 р. 20 к.

Но при расчете этой суммы суд руководствуется нормой тарифа за один печатный лист и нормой тиража, определенными в несуществующем договоре. Иных оснований для расчета суд не указал.

Таким образом, отвергая существование между сторонами договора и применяя штрафной тариф, на основании постановления Наркомпроса РСФСР 8/VI 1930 года, за выпуск произведения Исаева без договора. Суд одновременно при обосновании размера присужденного базируется на этом договоре. При наличии столь существенного внутреннего противоречия решение не может получить силу закона.

Центральным пунктом спора является вопрос о тираже.

Мосгорсуд отвергает тираж в 25 тыс. экземпляров для 4-го издания книги, принятый за основу расчетов издательством «Сельхозгиз», согласно представленной суду справки бухгалтерии (лист дела 11 и 29).

При исчислении присужденной автору суммы Суд принял за основу тираж в 10 тыс. экземпляров, установленный договором 31/V 1927 г., потерявшим силу к моменту выпуска 4-го издания, согласно утверждению и автора и суда.

При отсутствии договора между сторонами суду надлежало для установления нормы тиража руководствоваться законом 20/XI 1928 г. (СУ 1928 г. № 140, стр. 922) и в случае надобности прибегнуть к экспертизе. Затем надлежало проверить правильность произведенного издательством расчета.

Во всяком случае по конкретным обстоятельствам дела суд должен был внимательно обсудить веские соображения ответчика о применении нормы тиража для массовых пособий технического содержания, на основе постановления Совнаркома 20/XI 1928 г., а также указание ответчика на заключение автором в 1932 году договора на эту же книгу с другим издательством, с оплатой 200 руб. за печатный лист при тираже 50 000 экземпляров.

При установлении нормы тиража суд допустил в решении неустранимое внутреннее про-

тиворечие: штрафной гонорар при бездоговорных отношениях и норму тиража по утерявшему силу договору.

Из всего содержания решения при сопоставлении его с имеющимися в деле материалами видно, что Мосгорсуд не обследовал с достаточной полнотой обстоятельства дела, не выяснил действительных прав и взаимоотношений сторон, допустил в решении ряд ошибок, противоречий фактическим обстоятельствам, присудил, истцу на 50% больше того, чего истец требовал, при наличии весьма шатких и непроверенных доказательств иска.

Суд не поставил перед собой вопроса о том, что поскольку 4-е издание книги выпущено по истечении срока договора, автор написал к нему предисловие, получил от издательства гонорар в 6 550 руб. в начале 1931 года, когда печаталась книга, сама книга, выпущенная 4-м изданием, в несколько раз превышала объем книги по договору 1927 г. (12,235 печатного листа против 4,25 печатного листа), — тр очевидно между сторонами состоялось новое соглашение о выпуске книги 4-м изданием. Это предположение подкрепляется наличием в деле справки к окончательному расчету с автором Исаевым, со ссылкой на договор 9/VI 1930 г. за № 509. Суд оставил это обстоятельство без всякого внимания. Между тем, по совокупности обстоятельств дела, очень вероятно, что в 1930 году сторонами были новированы прежние договорные отношения и что по новому договору издательство произвело с автором в начале 1931 года полный расчет, уплатив ему 6 550 руб.

Спор о гонораре и тираже суду надлежало разрешить тщательно проверив представленные обеими сторонами доказательства.

Суд этого не сделал и вынес необоснованное и неправильное решение.

Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Отменить определение 2-й Судебной коллегии Верховного Суда 13/III 1935 г. и дело передать для вторичного рассмотрения в Коллегию Верховного Суда по гражданским делам с вызовом сторон и с участием представителя Прокуратуры Союза».

* * *

Нарсуд 42-го участка Ухтомского района Московской области удовлетворил иск Ухтомского рика к Райкову Ивану Григорьевичу и его дочери Зайончиковой Клавдии Ивановне об аннулировании регистрационных удостоверений на дачевладении в поселке Михельсон по ул. Володарского за №№ 2 и 4.

Московский облсуд 29/VII 1932 г. решение нарсуда оставил в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР 19/XI 1934 г. отклонила протест Пом. прокурора Республики и оставила в силе решение нарсуда и определение Московского облсуда.

Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по протесту Прокурора Республики т. Антонова-Овсеенко, не нашел оснований к отмене определения Надзорной коллегии Верховного Суда РСФСР и протест отклонил.

Обстоятельства дела заключаются в следующем:

Гр. Райков Иван Григорьевич построил на трудовые сбережения в поселке Михельсон по ул. Володарского две небольшие дачи разме-

ром площади в 30,6 кв. метров одна и 41,8 кв. метров другая.

Меньшую дачу Райков, по его заявлению, продал по домашней сделке в 1920 году своей дочери Зайончовской. Последняя — трудящаяся, член союза с 1916 г., работает по найму с 1916 г. Никаких доказательств этой сделки в деле нет.

Согласно удостоверению Московского уездного совета 11/IV 1924 г. за № 13054 меньшая дача в 30 кв. метров зарегистрирована на имя Зайончовской.

Дача, размером площади 41 кв. метров, зарегистрирована была МУС за № 4198 на имя Райкова (удостоверение 16/IX 1922 г.).

2/VII 1926 г. президиум Моссовета предложил зарегистрировать эту дачу за Райковым.

7/V 1932 г. президиум Ухтомского рика предъявил иск о признании недействительными регистрационных актов на обе дачи. Рик ссылается на выписку из списка ГУКХ НКВД 14/VI 1923 г., в котором под №№ 43—44 две дачи Райкова считаются муниципализированными. Кроме того рик ссылается на бесхозяйственное содержание дач, согласно акту техника коммунального рика 19/IV 1932 г.

Райков возражал против иска, указав, что дача за ним зарегистрирована согласно постановлению президиума Моссовета 2/VII 1926 г., после подачи им жалобы на постановление комиссии по демунципализации, куда была направлена его жалоба из ГУКХ НКВД. Зайончовская тоже возражала против иска, ссылаясь на свой трудовой стаж, на регистрацию на ее имя дачи в 1922 г. О муниципализации дачи она узнала в 1924 г. В момент судебного решения на даче не проживала. В ветхое состояние по ее заявлению дача приведена жильцами.

Райков — пенсионер, инвалид 2-й группы, ему 68 лет, трудовой стаж 35 лет.

Из затребованного Прокуратурой СССР производства Моссовета по дачам Райкова и Зайончовской за 1926 г. видно, что в результате рассмотрения жалобы Райкова 9/IV 1925 г. на включение дач ГУКХ'ом НКВД в списки муниципализированных распоряжением президиума Моссовета дача размером площади 10 × 10 аршин оставлена во владении Райкова и Московскому уездному совету предложено было возвратить Райкову И. Г. отобранный ордер на эту дачу. Одновременно предложено Московскому уездному совету аннулировать документы, выданные Зайончовской на владение дачей размером площади 7 × 10 аршин, так как сделка Райкова с Зайончовской никаких прав для последней на дачу не создала.

Это распоряжение направлено было президиумом Моссовета в Московское управление недвижимыми имуществами и в Московский уездный совет 18/VI 1926 г. за № 346.

Все судебные инстанции, разрешившие дело, не обратили внимания на это постановление Моссовета, а может быть и не знали о нем вовсе, так как производство Моссовета не было затребовано судебными органами, хотя Райков в своих заявлениях на него ссылался.

Акт от 19/IV 1932 г. о бесхозяйственном содержании дач вызывает серьезные сомнения: ответчики его оспаривают, они об акте ничего не знали, Райков удостоверяет, что он произвел капитальный ремонт дач.

Акт составлен в отсутствии дачевладельцев. Процент изношенности дач не может быть решающим моментом для установления бесхозяйственного содержания, а между тем, акт делает выводы о бесхозяйственном состоянии дач в связи с процентом изношенности.

С другой стороны тот же акт удостоверяет, что обе дачи на 19/IV 1932 г. в муниципальный фонд зачислены не были.

Нарсуд Ухтомского района и все вышестоящие судебные инстанции при рассмотрении дела игнорировали распоряжение Моссовета 18/VI 1926 г. о возврате Райкову отобранного ордера на одну дачу размером 10 × 10 аршин в поселке Подосинки (Михельсон), между тем, как это распоряжение является решающим в споре о праве Райкова на эту дачу, поскольку оно последовало по жалобе Райкова на включение его дачи в списки муниципализированных именно ГУКХ'ом НКВД в 1923 г. и свидетельствует об исключении Моссоветом дачи Райкова из этого списка, на точном основании пост. ВЦИК 24/V 1922 г., инструкции НКВД за № 186 и постановления Моссовета 29/II 1924 г. (дача небарского типа, являющаяся жилым помещением владельца — трудящегося).

Поверенный истца Самойлюк очевидно скрыл от суда то обстоятельство, что по вопросу о дачах Райкова в делах Московского уездного совета имеется прямое распоряжение президиума Моссовета 18/VI 1926 г., устранившее спор о силе регистрационных удостоверений, выданных до 1926 г. на эти дачи. Это предположение очень вероятно в связи с указанием в протесте Прокурора РСФСР т. Уканова-Овсенко, что Самойлюк за злоупотребления и перегибы в делах муниципализации был снят с должности и осужден.

Таким образом судебное решение в части одной дачи, основанное исключительно на справке из утвержденного ГУКХ НКВД в 1932 г. списка муниципализированных строений в поселке Михельсон, не может остаться в силе, так как Моссовет в 1926 г. из этого списка одну дачу Райкова размером 10 × 10 арш. исключил, оставив в списке муниципализированных меньшую дачу, размером 7 × 10 арш., якобы проданную Райковым Зайончовской.

Бесхозяйственное содержание Райковым этой дачи ничем на суде не установлено, так как представленный поверенным рика Самойлюком акт от 19/IV 1932 г. категорически оспаривался ответчиком и действительно вызывает серьезные сомнения по указанным выше основаниям; других же доказательств в подтверждение бесхозяйственного содержания дачи суду не представлено.

Решение нарсуда в отношении второй дачи, размером площади 7 × 10 аршин, является правильным, поскольку оно не расходится с постановлением Моссовета 18/VI 1926 г. об оставлении этой дачи в списках муниципализированных; входит в обсуждение юридической силы сделки купли-продажи, якобы состоявшейся между отцом и дочерью в 1920 г., нет оснований, так как само существование этой сделки ничем не установлено.

Прокуратура СССР по этим основаниям опротестовала решение нарсуда Ухтомского района 15/VII 1932 г. и все последующие определения судебных инстанций в части аннулирования регистрационного удостоверения на владение Райковым И. Г. дачей размером

10 × 10 аршин в поселке Михельсон по ул. Володарского.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Решение нарсуда Ухтомского района и определение вышестоящих судебных инстанций в части изъятия от Райкова И. Г. дачи размером 41,8 кв. метров (10 × 10) в поселке Михельсон Ухтомского района отменить и дело в отношении этой дачи производством прекратить, за отсутствием у Ухтомского рика права на иск».

* * *

Нарсуд по охране труда и производства г. Сталинабада 21 апреля 1933 г. отказал Розановичу А. В. в иске о выплате ликвидкомом Дорстроя Таджикской ССР компенсации по закону 12/VIII 1930 г. Суд присудил Розановичу только зарплату за прослуженное время и компенсацию за неиспользованный отпуск. Об этих суммах спора в момент судебного решения не было.

Кассационная коллегия Верхсуда Таджикской ССР 28/IV 1933 г. решение нарсуда отменила и вынесла новое решение о присуждении Розановичу с ликвидкома Дорстроя компенсаций за отпуск по прослужении трех лет в отдаленных местностях, а в иске о полуторамесячном выходном пособии, компенсации за обратный проезд и в оплате 50% зарплаты за вынужденный прогул Розановичу отказала.

Пленум Верхсуда Таджикской ССР 25/VI 1933 г. решение нарсуда по охране труда и производства с изменением ГКК Верхсуда подтвердил.

Розанович по этому делу обращался с жалобами во все инстанции Таджикской ССР. Из бюро жалоб ЦКК РКИ жалоба Розановича была направлена в Прокуратуру СССР.

Из материала дела видно, что техник Розанович А. В. был приглашен Дорстроем на службу в Таджикскую ССР из Казакстана в 1930 г.

При поступлении на службу Розановичу Дорстроем был зачтен непрерывный стаж службы в отдаленной местности с 3/IV 1930 г.

13/III 1933 г. по Главтрансу был объявлен приказ за № 55 о ликвидации системы Дорстроя с 15/III 1933 г.

Оставшийся за штатом Розанович не был предупрежден о предстоящем увольнении и не был переведен на другую работу в связи с ликвидацией Дорстроя.

Предупреждение об увольнении Розановича последовало лишь 28/III 1933 г.

Приказ об этом № 46-а был проведен задним числом. Закон и п. 109 колдоговора предусматривает предупреждение ИТР за один месяц.

Если считать предупреждением об увольнении приказ о ликвидации Дорстроя за № 55, то днем увольнения надлежит признать 15/IV 1933 г.

После уведомления администрации о законных правах Розановича на компенсацию 2-го апреля был издан задним числом приказ якобы от 31 марта.

3 апреля Розановичу вручается Главдортрансом путевка в Трактороцентр. Ввиду перевода на работу в другую систему на низшую должность и после первоначального приказа о сокращении по ликвидации учреждения Роза-

нович от перевода на эту работу отказался, желая вообще уехать из Таджикской ССР. Так возник судебный спор о компенсациях.

Органы труда во всех своих заключениях признали право Розановича:

1) На компенсацию за льготный отпуск по выслуге полных трех лет в отдаленных местностях дополнительно к полученной компенсации за отпуск.

2) Единовременное выходное пособие в размере полного полуторамесячного оклада содержания.

3) На зарплату за дни задержки расчета по день фактической выплаты зарплаты, считая с 1/VI в размере 50% полного оклада на основании специального постановления НКТ СССР 25/II 1932 г. № 31 и постановления НК РКИ и НКТ Таджикской ССР 16/I 1933 г. за № 2/49.

Право Розановича на компенсацию за выслугу полных трех лет в отдаленных местностях на основании закона 12/VIII 1930 г. никем не оспаривалось и признано Пленумом Верхсуда Таджикской ССР, подтвердившим решение ГКК Верхсуда о присуждении Розановичу с ликвидкома Дорстроя компенсации за отпуск по прослужении трех лет в размере недополученной суммы — 455 р. 52 к.

Увольнение Розановича вследствие ликвидации Дорстроя установлено приказом № 55 по Главтрансу 13/III 1933 г. и приказом Дорстроя 28/III 1933 г. за № 46-а, предупредившим Розановича об увольнении вследствие ликвидации системы Дорстроя (см. приказ № 46-а). Приказ же 31/III 1933 г. за № 48 об откомандировании Розановича А. В. в распоряжение горотдела труда, изданный в изменение приказа № 46-а от 5/III, проведенный задним числом, не может быть признан закономерным, как изданный явно с целью избежания уплаты законных компенсаций Розановичу.

Даже в случае признания силы приказа № 48 31/III 1933 г. администрация ликвидкома Дорстроя не освобождалась от выплаты Розановичу законных компенсаций, так как Инструкция НК РКИ НКТ и Совпрофа Таджикской ССР 14/XII 1932 г. отменена в связи с отменой постановления НКТ СССР 25/XI 1932 г. за № 205.

Просрочка расчета с Розановичем даже в отношении основной зарплаты не оспаривалась; материалами дела установлено, что расчет по основной зарплате последовал не к 1/IV 1933 г., согласно приказа № 46-а, а лишь частями 9, 15 и 17 апреля 1933 г.

Отказ Верховного суда Таджикской ССР в присуждении Розановичу полуторамесячного выходного пособия по ликвидации учреждения и компенсации за вынужденный прогул, согласно постановлению НК РКИ и НКТ Таджикской ССР 17/I 1933 г. за № 2/49 является незаконным, противоречит материалам дела, а также самому постановлению ГКК Верхсуда Таджикской ССР 28/IV 1933 г., непосредственно присудившей Розановичу часть льготных компенсаций по закону 12/VIII 1930 г., а в другой части отказавшей.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала определение ГКК Верхсуда Таджикской ССР 28/IV 1933 г. в части отказа Розановичу в полуторамесячном выходном пособии и компенсации за вынужденный прогул, а также постановление Пленума Верхсуда Таджикской ССР в этой части иска.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Отменить определение ГКК Верховсуда Таджикской ССР и постановление Пленума Верховсуда Таджикской ССР в части отказа Розановичу в полуторамесячном выходном пособии и компенсации за вынужденный прогул и дело передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия».

* * *

18/V 1934 года выездная сессия линсуда Пермской ж. д. приговорила начальника станции Мишкино Пермской ж. д. Петухова Василия Васильевича и товарного кассира той же станции Петрова Александра Павловича по ст. 109 УК к трем годам лишения свободы.

Приговор определением Транспортной коллегии Верховсуда СССР 10/VI 1934 г. был оставлен в силе.

Обвинительный приговор линсудом мотивирован доказанностью следующих преступлений Петухова и Петрова:

Погрузка обвиняемыми при невыполнении ответственного государственного плана вне плана в период с 1/I 1933 г. по 1/III 1934 г. 1008 вагонов, в числе которых организации «Заготзерно» предоставлено и загружено 306 вагонов;

за предоставление вагонов вне плана Петухов и Петров незаконно получали разные продукты; в частности Петухов получил 16 кг муки, 2 мешка мучных отходов; Петров получил 64 кг муки, 3 центнера соли;

по тем же основаниям работники станции получили 200 кг муки — отходов и 8 центнеров мучной пыли;

Петухов незаконно представлял к оплате «Заготзерно» ведомости на оплату сверхурочных работ коммерческих агентов станции, по которым и было получено 2422 р. 14 к. и в частности из этой суммы лично Петровым — 586 р. 82 к.;

Петухов за счет «Заготзерно» содержал 4 весовщиков, причем один из них фактически работал в столовой поваром;

Петухов незаконно приобрел брюки и мануфактуру из вещей, переданных в орс для реализации как невостребованные грузы;

Петухов путем выписки лишних продкарточек и получения муки от «Заготзерно» создал фонд продовольствия, который расходовался по его усмотрению; незаконно расходовал штрафные суммы и систематически пьянствовал с клиентурой.

Материалами предварительного следствия и следствия судебного не подвергнуты проверке и ничем не опровержены заявления обвиняемых Петухова и Петрова, что все внеплановые отгрузки производились исключительно с ведома и санкции эксплуатационного района (Дедович, Сомов и другие), ни следствие, ни суд не проверили и не удовлетворили ходатайство Петухова о проверке диспетчерских приказов, а эта возможность имелась. Линсуд в приговоре прямо отмечает, что значительная часть вагонов вне плана была погружена с разрешения района, и следовательно заключение линсуда о виновности в этой части Петухова и Петрова совершенно неосновательно и необоснованно следственными материалами.

Расценивать как уголовное преступление приобретение в очень ограниченных количе-

ствах за наличный расчет через магазин орса продуктов питания, полученных от «Заготзерно», неосновательно, тем более, что продукты эти выдавались начальником станции Петуховым ряду рабочих станции по решению треугольника и с ведома управления эксплуатационного района.

Мучные отходы, мучная пыль, остатки сена из-под пресса распределялись без нарядов всем рабочим в том числе и работникам станции, и приобретение их не может рассматриваться как преступление.

Ни следствие, ни линсуд не проверили основательность ссылки Петухова на то, что весовщики оплачивались Заготзерно на основании особого договора управления дороги и Заготзерно и, следовательно, поскольку деньги внеслись в доход дороги, а не на личный счет начальника станции, обвинение в этой части необходимо отбросить и признать недоказанным.

Следствие и суд не проверили и не опровергнули документов о продаже невостребованных грузов с торгов, а не простой передаче их орсу, что приобретение в орсе Петуховым пары брюк и мануфактуры не может рассматриваться как преступление.

Кроме голословных заявлений некоторых свидетелей никакими данными факт незаконного штрафования пассажиров и расходования штрафных сумм не подтвержден, как равно не установлено ни время ни сумма разбазаренных, если это действительно имело место, средств.

Петухов работал на станции Мишкино с 1/IV 1933 г., и следовательно часть грузов, погруженных вне плана в 1933 г., должна быть отнесена на его предшественников.

Единственным доказанным злоупотреблением Петухова является выпивка и получение с организации «Заготзерно» сверхурочных для коммерческих агентов станции, занятых на оформлении документов «Заготзерно», единичные случаи самоуправной погрузки вне плана двух-трех вагонов и пьянство с клиентурой и за счет клиентуры.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение Транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Передать дело на новое рассмотрение в Транспортную коллегия Верховсуда».

* * *

11 июля 1933 года нарсуд 2-го участка Бауманского района г. Москвы приговорил Синко Д. А., ответственного исполнителя Бауманского райобкома, к 5 годам лишения свободы по 2-й части ст. 169 УК, Горбатенко Е. К., счетовода страхкасы, по ст. 19 и ст. 169 УК к 1 году исправ.-труд. работ, Соловьева М. Д., старшего мастера вафельного производства райобкома — по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы; Дожера Н. И., ответственного секретаря райобкома — по ст. 111 УК к 1 г. исправ.-труд работ, Черного, заведующего вафельным производством райобкома, по ст. 111 УК к трем годам лишения свободы.

Определением КК Мосгорсуда 8/VII 1933 года указанный приговор был оставлен в силе, а мера наказания осужденному Соловьеву снижена до трех лет лишения свободы.

27/XI 1933 года дело Сипко и др. было рассмотрено президиумом горсуда в порядке надзора, и мера наказания осужденному Черному вместо трех лет лишения свободы была определена в 1 год исправ.-труд. работ.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда и определение Кассколлегии в отношении осужденного Соловьева по следующим соображениям.

По приговору суда Соловьев признан виновным в незаконной покупке муки для нужд вафельного производства у частных лиц, оформлении этих покупок фиктивными счетами и в уменьшении нормы выпечки вафель с целью извлечения личной выгоды.

Материалами дела установлено, что осужденный Соловьев — кустарь, работал в вафельном производстве Бауманского райобкома по индивидуальному договору и являлся старшим мастером этого производства.

Согласно договору Соловьев был обязан материальной ответственностью за качество выпекаемых им вафель, а так как вафельное производство не снабжалось сырьем в организованном порядке, то закупка этого сырья, в частности муки, с разрешения райобкома, производилась Соловьевым на рынке. Естественно, что оформление покупок на рынке было сопряжено с значительными трудностями, так как по вполне понятным причинам продавцы муки могли сообщать неверные о себе сведения.

Поэтому никаких оснований делать выводы о том, что три счета на купленную муку у гр-н Кузнецовой, Пленкина и Тарасова являются фиктивными и составлены Соловьевым в корыстных целях, у суда не имелось.

Что касается уменьшения нормы выпечки вафель, то это обстоятельство ничем по делу не доказано, и суд признал Соловьева виновным по этому пункту обвинения лишь на основании показаний свидетеля Кулькова, работника Мособлкома, который утверждал, что из пуда муки должно выпекаться не 9—10 пачек, а 13—14 пачек.

Суд поверил этому утверждению свидетеля, не удостоверившись, компетентен ли он в вафельном производстве. Из акта же обследования деятельности райобкома, в каком-либо обследовании участвовал и упомянутый Кульков, видно, что в вафельном производстве райобкома вообще отсутствовали как нормы расхода сырья, так и нормы выпечки вафель. По показанию заведующего производством Черного, никаких злоупотреблений со стороны Соловьева при выпечке вафель установлено не было.

Таким образом достаточных оснований для признания Соловьева виновным по этому пункту обвинения у суда не имелось.

В вафельном производстве имели место такие недочеты (отсутствие норм расхода сырья и выпечки, неудовлетворительная постановка учета), за которые Соловьев как старший мастер этого производства должен был отвечать по ст. 111 УК, т. е. по той статье, по которой был осужден по настоящему делу и заведующий вафельным производством райобкома Черный.

По этому же делу не разрешен также вопрос в отношении обвиняемого по ст. 109 УК Ковшикова М. С., о смерти которого в деле имеется справка места заключения, в связи с чем

дело о нем на основании ст. 1 ст. 4 УПК подделано прекращению.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Действия Соловьева квалифицировать по ст. 111 УК, в соответствии с чем меру наказания определить в два года лишения свободы и за отбытием таковой из-под стражи освободить. Дело в отношении Ковшикова на основании ст. 4 УПК производством прекратить».

* * *

Махонин В. О. состоял кладовщиком колхоза имени «30-й Иркутской дивизии» с 9/IX 1932 г. по 28/XI 1932 г.

В правление колхоза от актива поступили сведения, что Махонин расхищает колхозное зерно.

При проверке работы Махонина и обыске у него в избе было обнаружено 16 пуд. 13 фун. зерна разных культур и муки. Установлено также, что Махонин держал амбары с хлебом незапертыми, что он принимал зерно от возчиков с молотилки без веса, что колхозники имели свободный доступ в амбары и что он в ночное время давал ключ от амбара с зерном сторожу.

На предварительном и судебном следствии факты эти подтвердились. Они установлены объяснениями обвиняемого, показаниями свидетелей Блинова, Мальцева и Самойленко и данными обыска. Свидетель Мальцев на предварительном следствии заявил, что в канцелярии колхоза учет хлеба ведется и что акт передачи кладовых новому кладовщику с учетом недостачи будет закончен к 27/XI 1932 г.

Актом проверки от 25 ноября, составленным Комиссией в составе инспектора милиции, зам. пред. сельсовета, в присутствии члена правления артели Мальцева и кладовщика Махонина, установлено со слов Махонина наличие хлеба в кладовых 161,38 центнеров, а по книгам колхоза 176,75 центнеров. Недостача 15,37 центнера.

В акте отмечено, что кладовщик Махонин точно количества хлеба в амбарах указать не мог и учета не вел.

Колхозники имели свободный доступ в кладовые с хлебом.

Махонин акт подписал без оговорки. Махонин — полуграмотный колхозник.

На суде Махонин признал себя виновным в халатности, хищении хлеба оспаривал. Он указал, что амбары не запирались, так как Правление не давало замков, хотя он неоднократно требовал замки, что колхозники имели доступ в амбары с хлебом, что обнаруженный у него хлеб при обыске частью получен им от урожая в огороде, частью получен за сдачу в наем катка для обмолота.

Амбары разбросаны по всему селу на расстоянии километра и больше, весы были только одни, поэтому он хлеб не взвешивал и принимал его на веру.

Акта ревизионной комиссии, который должен был быть составлен по показаниям свидетеля Мальцева, к 27/XI в деле нет. Приемка хлеба с весу не была произведена. Недостача установлена 25/XI без проверки наличия хлеба.

Основным вопросом для квалификации действий Махонина по закону от 7/VIII является доказательство фактов и размер хищений и

недостачи хлеба по проверке кладовых при сдаче их новому кладовщику, но этого акта в деле нет. Между тем, только при наличии акта с установлением точного количества хлеба в кладовых по его весу в натуре можно было установить наличие недостачи.

Доказательств хищений Махониным хлеба в деле нет. Нет также заявлений колхозного актива об имевших место хищениях зерна Махониным. Имеется только сыщика на такие заявления, поэтому приговор основан не на проверенных доказательствах хищений и их размере, а на предположениях и акте контрольной комиссии от 25/XI 1932 г., составленном со слов Махонина о наличии хлеба в амбарах, без его проверки в натуре.

Приговор устанавливает факт получения Махониным авансов в колхозе 2 центнеров хлеба, поэтому возможно предположить, что обнаруженный у него при обыске хлеб не является похищенным из кладовых. Во всяком случае само хищение хлеба из амбаров Махониным не имеет подтверждения в материалах дела, что колеблет силу приговора, с точки зрения требований ст. 320 УПК и соответствующих статей УПК УССР.

По совокупности установленных судом обстоятельств действия Махонина надлежало квалифицировать по ст. 99 УК УССР, особенно если иметь в виду малограмотность Махонина, то, что он был кладовщиком всего в течение трех мес., и его социальное положение— в прошлом бедняк, маломощный середняк и колхозник с 1930 г.

По этим соображениям Прокуратура СССР опротестовала приговор облсуда и определение Кассколлегии облсуда.

Пленум Верховного Суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Приговор Днепропетровского облсуда и определение УКК Коллегии Верховного Суда отменить, переqualифицировать действия Махонина по 33 и 170 п. «г» УК УССР и определить ему меру наказания в 2½ года лишения свободы и за отбытием срока освободить».

* * *

Нарсуд 5-го участка области Коми 14/III 1933 г. признал виновным и приговорил по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы Пылаевых Анну и Андрея (отец и дочь).

Пылаева Анна, 21 г., работала с 15/VII по 22/XII 1932 г. зав. почтовым агентством в с. Прокопьевске. При ревизии инструктор райотдела связи Кусчинов обнаружил у Пылаевой недостачу 4494 р. 39 к. Отец ее Пылаев Андрей, у которого она жила, был признан виновным как ее соучастник в хищении денег.

Областной суд утвердил приговор в отношении Анны Пылаевой и отменил его в отношении Андрея Пылаева, направив его к доследованию.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение облсуда по следующим основаниям.

Нарсуд в своем приговоре указывает, что Пылаев Андрей на протяжении 1932 г. произвел ряд затрат на покупку хлеба, на уплату повинностей и др. Израсходованную сумму на хлеб и повинности нарсуд определяет в 2180 руб., не считая ее окончательной, так как Пылаев закупил еще ряд вещей. Необходимые

средства Пылаев (утверждает приговор) получил от дочери.

Между тем облсуд в своем определении, отменяя приговор в отношении Пылаева Андрея, говорит, что «ни предварительным, ни судебным следствием не установлено участие Пылаева в преступлении».

При этих условиях основной мотив хищений Пылаевой денег: передача их отцу — отпадает, и необходимо установить конкретные преступления обвиняемой.

Приговор нарсуда приводит следующие факты.

Пылаева при выдаче перевода в 110 руб. выдала только 10 руб., остальные деньги присвоила себе, при выдаче перевода сельсовету присвоила 207 руб., Пылаева закупила время от времени мануфактуру, и были случаи, когда она привозила отцу водку.

Вся сумма недостачи за время работы Пылаевой определена ревизором в 4494 руб.

Если раньше львиная доля этих денег рассматривалась как переданная соучастнику-отцу, то после определения облсуда вся сумма растраты не находит себе оснований в фактах, сообщенных судом.

Если обратиться к отчетам движения сумм, то ежедневные операции сельского агентства никак не дают возможности на протяжении 5 месяцев присвоить около 5000 рублей, т. е. в среднем по 1000 рублей в месяц. Такого рода присвоение сразу обратило бы на себя внимание райотдела связи, вызвало бы жалобы заинтересованных лиц.

Между тем, из дела видно, что следствие установлено 3—4 жалобы, а райконтора только уже после увольнения Пылаевой в феврале 1933 г. выявила недостачу.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Приговор нарсуда и определение кассколлегии облсуда изменить, исключив закон от 7/VIII 1932 г., квалифицировать преступление Пылаевой по ст. 116, ч. II УК, понизив ей меру наказания до 5 лет лишения свободы».

* * *

Корнелюк И. И., зав. бакалейным отделением магазина № 2 ЗРК МСПО, и Кроль Р. Л., зам. зав. бакалейным отделением того же магазина, были преданы суду по обвинению их по ст. 109 УК, в связи с обнаружением у них в отделении недостачи товаров на 3541 руб. за время с 27/VII по 19/X 1933 г.

При рассмотрении 10/I 1934 г. нарсудом Сокольнического района г. Москвы дела Корнелюка и Кроль, суд вынес им оправдательный приговор.

1/1 1935 г. по протесту Прокуратуры РСФСР, указанное дело было рассмотрено Судебной коллегией Верховного Суда, которая признала, что Корнелюк и Кроль должны нести ответственность за недостачу у них товаров, и поэтому приговор Нарсуда от 10/I 1934 г. отменила, с передачей дела на новое рассмотрение.

27/1 1935 г. при вторичном рассмотрении дела Корнелюка и Кроль нарсуд Сокольнического района признал их виновными в преступлении, предусмотренном 1 ч. ст. 116 УК, и приговорил каждого к 1 году исправ.-труд. работ на общих основаниях.

Приговор этот кассколлегией горсуда был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК Мосгорсуда по следующим основаниям:

Если недостача товаров у Корнелюка и Кроль произошла действительно в результате совершенной ими растраты, то суд назначил им по 1 ч. ст. 116 УК явно нереальное наказание.

Однако сам суд в своем приговоре констатирует, что «хотя фактов злоупотребления с их (Корнелюка и Кроль) стороны не установлено, но и других доказательств они не представили как уважительные моменты, создавшие недостачу, поэтому все эти обстоятельства дают суду основание считать данную недостачу как растрату».

По материалам дела действительно никаких злоупотреблений со стороны Корнелюка и Кроль не установлено, и поэтому суд и не смог привести в приговоре ни одного факта в подтверждение того, почему он рассматривает недостачу у Корнелюка и Кроль как растрату.

На самом деле недостача у них образовалась в результате неудовлетворительно поставленного учета, в результате того, что Корнелюк и Кроль не осуществляли должного наблюдения за работой продавцов, которые занимались хищением товаров, т. е. в результате халатного отношения Корнелюка и Кроль к своим служебным обязанностям, и действия их следует квалифицировать по 111 ст. УК.

Судебная коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Переквалифицировать действия осужденных Корнелюк Ивана и Кроль Раисы по ст. 111 УК, заменив Кроль Р. Л. назначенную судом меру наказания исправ.-труд. работ по месту работы с удержанием 10%».

* * *

19 сентября 1933 г. нарсуд гор. Баку по ст. 151 УК Азербайджанской ССР (растрата) приговорил: Аванесова и Кеворкян к одному году исправ.-труд. работ каждому и Мартиросова к 3 годам лишения свободы. Приговор этот 5/Х 1933 г. Кассколлегией Верховсуда АзССР был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Мартиросова, считая, что осуждение его по ст. 151 УК является неправильным, так как в его действиях имеются лишь признаки халатного отношения к службе.

Мартиросов заведывал магазином № 4 Каспийского ТПО.

За время с 15/V по 15/VII 1932 г. у Мартиросова образовалась в магазине недостача товаров на 2811 р. 24 к., впоследствии сниженная до 2570 р. 15 к.

Эта недостача была начислена на Мартиросова потому, что в магазине № 4 ТПО, имеющем 8 отделений, не были выделены ответственные продавцы.

При таком положении Мартиросов как зав. магазином мог нести за недостачу товаров лишь формальную ответственность. Тем более, что при отсутствии в деле каких-либо указаний о наличии злоупотреблений со стороны Мартиросова никаких оснований для осуждения его по ст. 151 УК не имелось.

Из материалов дела видно, что продавец магазина № 4 Абрамов занимался хищением товаров и присваиванием денег, однако это с

необходимой тщательностью проверено не было.

Не было также проверено и то обстоятельство, что Абрамов, выполняя во время болезни Мартиросова обязанности завмага, 15/VII 1932 года расписался фамилией «Мартиросов» на документе о приемке в магазин вина на 2019 руб. 20 коп., что на следствии Абрамов признал, но затем при рассмотрении дела судом отрицал.

Возвращение дела на доследование для проверки указанных фактов, имея в виду, что недостача имела место в 1932 г., является нецелесообразным, так как в настоящее время едва ли представится возможным установить действительных виновников недостачи.

Что же касается осужденного Мартиросова, то его виновность выражается в том, что он не принял мер к установлению ответственности продавцов во вверенном ему магазине и несвоевременно реагировал на те сведения, которые он получал о злоупотреблениях продавца Абрамова, в результате чего и образовалась недостача товаров.

Президиум Верховсуда АССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Переквалифицировать деяния Мартиросова на 146 ст. УК и установить ему в виде меры соц. защиты один год исправ.-труд. работ».

* * *

Приговором Судебной коллегии Верховного суда Узбекской ССР 20/VI 1933 г. осужден был по закону 7/VIII 1932 г. к высшей мере наказания с конфискации имущества предправления ЗРК связи Клещев Иван Григорьевич.

Постановлением Президиума Верховного суда Узбекской ССР 16/VIII 1933 г. назначенная Клещеву высшая мера наказания была заменена лишением свободы на 10 лет.

Приговор нарсуда и постановление Президиума были опротестованы Прокуратурой Узбекской ССР в Пленум Верховсуда Узбекской ССР, которая не находила в действиях Клещева состава преступления, предусмотренного законом 7 августа.

Постановлением Пленума Верховного суда Узбекской ССР 17/VII 1934 г. протест Прокуратуры Узбекской ССР был отклонен.

Прокуратура Союза опротестовала постановление Пленума Верховсуда Узбекской ССР по следующим основаниям.

Клещеву Верховсуд Узбекской ССР вменил в вину непринятие мер к организации учета товаро-материальных ценностей в ЗРК связи и отсутствие с его стороны контроля за работой завмага и столовой, давшие возможность хищения товаров и приведшие в результате к материальному ущербу в ЗРК связи в сумме 14738 р. 56 к.

Никаких данных, устанавливающих совершение Клещевым корыстного преступления, ни на предварительном, ни на судебном следствии установлено не было.

Материалами дела совершенно не установлено, чтобы инкриминируемая Клещеву недостача товаров на базе на 8230 руб. явилась результатом произведенных им растрат или хищений.

Утверждение Клещева о том, что указанная недостача явилась результатом бухгалтерской

путаницы, не было судом надлежащим образом проверено.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: «Переквалифицировать преступление Клещева Ивана Григорьевича с закона 7/VIII 1932 г. на ст. 140 ч. 1 УК Узбекской ССР и меру наказания определить ему в 3 года лишения свободы».

* * *

25/II—1/III 1934 г. нарсуд Ганджинского района приговорил в числе других работников Ганджинского отделения Азторга Самедова Гассана по 145 ст. УК к трем годам лишения свободы.

Кассационная коллегия Верховного Суда Азербайджанской ССР приговор нарсуда в отношении Самедова Гассана оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда и определение КК Верховного Суда Азербайджанской ССР в отношении Самедова Гассана по следующим основаниям.

Самедов Гассан, бывший бухгалтер по торговой части Ганджинского отделения Азторга был признан виновным в том, что он принял для проводки по книгам бухгалтерии не заверенные счета и в отпуске для продажи мануфактуры без соответствующего % накидки, вследствие чего Ганджинское отделение Азторга понесло убыток в 1661 руб.

Из материалов дела видно, что распоряжение об оплате незаверенных счетов подготовлено лиц, поступило от администрации Ганджинского отделения Азторга и они были приняты к оплате главным бухгалтером расчетного отдела Хрущевым. Таким образом у суда не было никаких оснований технического работника Самедова считать ответственным за неправильные действия администрации.

Вопрос о продаже мануфактуры без соответствующего процента накидки, судом исследован с исчерпывающей полнотой не был. В частности, остался невыясненным вопрос, был ли в Ганджинском отделении Азторга калькулятор, в обязанности которого и входила эта работа. И наконец последнее обстоятельство: за неправильную калькуляцию товаров следователем, проводившим по этому делу следствие, была привлечена к уголовной ответственности бухгалтер Обухова.

Суд не добыв в судебном заседании никаких новых данных, неизвестно на основании чего признал виновным в неправильной калькуляции товаров не Обухову, а Самедова.

Из материалов дела видно также, что Самедов неоднократно писал докладные записки в правление Ганджинского отделения Азторга о ненормальной обстановке работы и о ряде неправильных действий со стороны отдельных работников указанного отделения.

Одновременно Прокуратура Союза ССР обратила внимание Президиума Верховного Суда Азербайджанской ССР на недопустимо небрежное составление протокола судебного заседания. Показания обвиняемых записаны не полностью, небрежно, отдельные фразы не окончены.

Президиум Верховного Суда АССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: «Приговор Кирово-Абазского нарсуда и определение КК Верховного Суда в отношении обвиняемого Самедова Гассана отменить и дело о нем производством прекратить».

* * *

5/XII 1934 г. нарсуд 1 уч. Отрадненского района Азово-Черноморского края приговорил по 1 ч. ст. 73 УК к 5 годам лишения свободы председателя пром. кооп. артели «Силикат» — Соколова А. Ф.

Кассколлегия краевого суда переквалифицировала действия Соколова на 2-ю часть ст. 73 УК и определила ему меру наказания в 6 мес. исправ.-труд. работ.

Обстоятельства дела Соколова таковы:

Между Соколовым и председателем райкома союза торговли и кооперации Киктенко установились нездоровые взаимоотношения. Произошло это потому, что Киктенко считал пром. кооперативные организации подчиненными ему по профсоюзной линии, а Соколов против такой точки зрения возражал. Возникшая на этой почве склока между Киктенко и Соколовым привела к возбуждению против Соколова уголовного дела за антисанитарное состояние конторы артели «Силикат», оказание противодействия мероприятиям профсоюзной организации, оскорбление Киктенко и т. п.

За эти действия Соколов и был осужден по 1 ч. ст. 73 УК к 5 годам лишения свободы.

Со своей стороны он представил ряд документов, опровергавших предъявленные ему обвинения, и в частности акт о нетактичном поведении самого Киктенко.

Не только нарсуд, но и Кассколлегия Крайнего суда не сумели разобраться в этом, казалось бы несложном, деле и по существу дали Киктенко возможность использовать суд для сведения личных счетов с Соколовым.

В результате спор Киктенко и Соколова о правах профорганизаций, который мог бы быть разрешен без участия судебных органов, явился предметом судебного рассмотрения и, больше того, привел к неосновательному осуждению Соколова.

По протесту Прокуратуры Союза дело Соколова постановлением президиума крайсуда 16/V 1935 г. производством прекращено.

Одновременно Прокуратурой Союза был поставлен вопрос о привлечении к ответственности следователя и прокурора, незаконно предавших суду Соколова, а также народного судью, вынесшего по этому делу явно незаконный приговор.

Решением уполномоченного КПК по Азово-Черноморскому краю бывш. прокурору Отрадненского района — Шкандину объявлен строгий выговор; нарсудья Кожушко с работы снят с запрещением ему работать в течение 2 лет в судебных органах; нарследователь Шипкин исключен из партии, так как помимо неправильного проведения следствия по делу Соколова с его стороны имели место пьянство, дискредитация судебных органов и т. п.

* * *

Врач ночной неотложной помощи Фрунзенского района г. Москвы Магницкая Елена Николаевна приговором нарсуда 6-го участка Фрунзенского района г. Москвы 19-го января 1935 года по ст. 157 была оправдана. Решением от 27/II 1935 года нарсуд 6-го участка того же района отказал в иске Магницкой к райздравотделу о восстановлении в должности и снятии выговора. Это решение определением Мосгорсуда от 19 марта 1935 года было оставлено в силе.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев дело в порядке надзора, постановлением 10/V 1935 г. отменил оправдательный приговор от 19 января 1935 года, решение от 27/II 1935 г. и определение Мосгорсуда 19/III и обратил дела Магницкой к новому рассмотрению, предложил нарсуду в первую очередь рассмотреть уголовное дело по обвинению Магницкой по ст. 157 УК.

Прокуратура СССР, просмотрев дело Магницкой, в порядке надзора, опротестовала постановление президиума Мосгорсуда о направлении дела Магницкой по обвинению ее по ст. 157 УК на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В материалах дела нет достаточных оснований для предания суду Магницкой по ст. 157 УК. Установлено, что врач Магницкая является квалифицированным специалистом, что она чутко и внимательно относилась к больным, являлась исполнительным и аккуратным врачом, никаких жалоб и заявлений на нее от больных не поступало.

При рассмотрении дела Магницкой местным комитетом Снегиревского объединения 11 февраля 1935 года профорганизация дала положительную характеристику Магницкой, признав ее добросовестным и опытным работником и отвергла обвинение Магницкой со стороны администрации в бюрократическом отношении к делу. Профорганизация решила добиваться отмены неправильного приказа администрации и возвращения Магницкой на работу как полезного и опытного врача.

Случай с ребенком Лашивера не может поколебать данной профорганизацией и зав. пунктом неотложной помощи врачом Карагодиной положительной характеристики Магницкой.

Врачебная помощь ребенку Лашивер во время дежурства Магницкой на пункте неотложной помощи была оказана посылкой врача через полчаса с момента первого вызова по телефону. Ребенок находился в течение продолжительной болезни корью, осложненной воспалением легких, под наблюдением профессора и детского врача, в день вызова врача неотложной помощи ребенка возили к профессору. При таких обстоятельствах, установленных опросом по телефону, Магницкая могла вполне добросовестно сделать вывод об отсутствии в данном случае внезапного заболевания или внезапного ухудшения состояния больного и о возможности ограничиться советом по телефону. Добросовестность действий Магницкой при указанных обстоятельствах подтверждается и тем, что на пункте неотложной помощи дежурило по правилам райздрави всего два врача на весь район, из них один должен был все время находиться на пункте для оказания неотложной помощи на месте и для переговоров по телефону. Отказ в выезде врача в отдельных случаях предусматривался и действовавшей в то время инструкцией Мосздрави.

Причинная связь между смертью ребенка гр. Лашивера и оказанием врачебной помощи посылкой врача неотложной помощи через полчаса после первого вызова абсолютно ничем по делу не установлена. Из дела видно, что доктор Жиц, посланный Магницкой к ребенку по требованию отца, явившегося лично на пункт, оказал необходимую помощь и не удостоверил безнадежного состояния ребенка.

Вскрытия трупа ребенка и установления врачебной экспертизой факта возможности спасения ребенка при оказании помощи на полчаса раньше произведено не было. Поэтому вывод президиума Мосгорсуда о виновности Магницкой и о необходимости предания ее суду по ст. 157 УК, после проверки нарсудом обстоятельств дела и вынесения оправдательного приговора, ни на чем не основан.

Между тем ясно, что при вторичном рассмотрении дела, с указаниями президиума Мосгорсуда, может последовать только обвинительный приговор.

Действия администрации в отношении Магницкой при указанной выше характеристике и по конкретным обстоятельствам дела исключительно суровы и неправильны. Не затребовав всех объяснений от Магницкой, администрация объявила Магницкой строгий выговор за бездушно-бюрократическое отношение к больному ребенку и подрыв авторитета советского здравоохранения, сняла Магницкую с работы и возбудила против нее уголовное преследование. После оправдательного приговора в отношении Магницкой согласованного решения РКК не состоялось, но рабочая часть месткома РКК и местком в целом решили всемерно защищать Магницкую и добиваться возвращения ее на службу.

Судебная Коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Постановление президиума Мосгорсуда от 10/IV 35 г. в части, касающейся отмены оправдательного приговора, отменить, оставив в силе приговор нарсуда от 19/I 1935 г. Постановление президиума МГС об отмене решения и определения КК по гражданскому делу оставить в силе.

Предложить нарсуду Фрунзенского района г. Москвы рассмотреть по существу гражданское дело по иску Магницкой к райздравотделу о восстановлении в должности».

* * *

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест прокурора г. Москвы в заседании 17/IV 1934 г., изменил приговор нарсуда Ленинградского участка г. Москвы 11/I 1934 г. в отношении Белова Ивана Михайловича и Иванова Александра Васильевича, переквалифицировав деяния осужденных со 2 части на 1 часть ст. 116 УК и заменив обоим лишение свободы исправительным трудом работами на один год каждому.

Белов и Иванов обвинялись в растрате 1774 р. 50 к.

Белов И. М. обжаловал постановление президиума Мосгорсуда городского прокурору и прокурору РСФСР. Жалобы оставлены без последствий. Белов обратился с жалобой в Прокуратуру СССР.

Белов — квалифицированный рабочий, ударник, с производственным стажем свыше 20 лет, член ВКП(б), был исключен в связи с настоящим делом.

Иванов — член ВКЛСМ, рабочий. Оба они ранее не судились.

Просмотрев дело в порядке надзора, Прокуратура Союза ССР нашла осуждение Белова и Иванова по ч. 1 ст. 116 УК неправильным и подлежащим отмене.

Из материалов дела видно, что Белов и Иванов, не будучи агентами по снабжению, направлены были администрацией первого уча-

стка Мострамвайтреста на заготовку фуража для лошадей участка.

Возложенное на них поручение они успешно выполнили и фураж доставили, отчитавшись в полученных авансах перед бухгалтерией участка.

Сено закупалось осужденными вполне законной, по разрешению Можайского райснаба.

Недоразумение при представлении отчетности получилось в связи с тем, что часть счетов не была заверена сельсоветом, так как последний вопреки предложению райснаба и райпрокуратуры отказался заверить счета.

Суд признал эти счета законными.

Против работников бухгалтерии первого участка службы пути Дружкова, Королевой и Ворошилова было возбуждено уголовное преследование, закончившееся осуждением этих лиц по ст. 111 УК за преступно-небрежное ведение учета и отчетности.

В процессе расследования этого дела, на основании оговора обвиняемой Королевой, Иванов привлечен был к следствию за непредставление отчета в израсходовании 1381 р. 61 к.

На основании заявления Королевой экспертиза отнесла эту сумму на счет Иванова и Белова, поскольку у них был один общий лицевой счет. Обвиняемая Королева выдвинула против Иванова обвинение в том, что он якобы получил от нее наличными деньгами 1381 р. 61 к., представив ей на эту сумму счета, которые Иванов ранее сдал главному бухгалтеру Дружкову при своем авансовом отчете, получив от Дружкова расписку в представлении отчета на эту сумму. Расписка эта приобщена к делу. Факт обратного получения Ивановым этих счетов по делу ничем не установлен.

Белова никто в получении этой суммы от Королевой не обвиняет.

Материалами дела устанавливается, что осужденные Белов и Иванов получили всего на заготовку фуража 7210 рублей. Авансовые отчеты по представленным суду и Прокуратуре СССР документам обвиняемые сдали на 7243 р. 01 к. Если принять во внимание, что 110 руб. Белов получил на проезд с места командировки и что он не получил от участка пути Мострамвайтреста расчета по командировке, то следует указать, что обвиняемые Белов и Иванов отчитались в полученных авансах полностью. Все суммы сданных в бухгалтерию отчетов подтверждены расписками бухгалтерии.

Сила оговора подсудимой Королевой, осужденной вместе с главным бухгалтером Дружковым по этому делу ст. 111 УК за небрежное ведение учета и хаотическое состояние бухгалтерии, теряет все свое значение в качестве судебного доказательства против осужденного Иванова, так как последующим приговором от 8/VII 1934 г. работники той же бухгалтерии осуждены за корыстные преступления по должности.

Отсюда следует, что при наличии у Белова и Иванова документальных доказательств — расписок бухгалтерии в представлении ими отчета на полную сумму полученных авансов — обвинительных материалов против Белова и Иванова у суда не было.

Самый факт открытия бухгалтерией одного общего лицевого счета на подотчетных лиц Белова и Иванова является грубым наруше-

нием бухгалтерией правил учета. Если бы даже и было установлено, что Иванов ухитрился вторично получить 1381 р. 61 к. по счетам, которые он однажды уже сдал бухгалтерии под расписку главного бухгалтера Дружкова, то и в этом случае не было никаких оснований для осуждения Белова за непредставление Ивановым отчета, на том только основании, что у них обоих по вине бухгалтерии был общий лицевой счет.

Материалами дела факт двукратного получения Ивановым 1381 руб. по одним и тем же документам не подтверждается.

Установлено, что сено заготовлено осужденными Ивановым и Беловым в среднем по 7 рублей за пуд, что говорит о выгодности для участка проведенной осужденными заготовки, что оправдательные документы в сдаче отчетов на полную сумму авансов выданы бухгалтерией на руки Белову и Иванову, что никаких других сумм они не получали и что единственным основанием обвинительного приговора является оговор Королевой Иванова. Экспертиза, проведенная по этому делу крайне неудовлетворительно, также делает вывод о недостатке у Иванова на основании заявления Королевой.

По этим основаниям Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда Краснопресненского района и постановление президиума Мосгорсуда от 17 апреля 1934 г. в отношении осужденных Белова и Иванова.

Судебная коллегия Верховного РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Приговор нарсуда и определение Кассколлегии и постановление президиума Мосгорсуда в отношении Иванова А. В. и Белова И. М. отменить и дело по обвинению их по 116 ст. УК производством прекратить».

Взыскание с них 1774 руб. в пользу 1 уч. службы пути Мострамвайтреста из приговора исключить.

* * *

29/IX 1933 г. нарсуд 8 уч. Карельской АССР приговорил работников Корбозерского сельпо: Конецкого Ф. А. по ст. 109 УК — к 10 годам лишения свободы; Еремина Е. Г. — по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы; Фомина И. А. по ст. 109 УК — к 3 годам лишения свободы; Павлова М. М. по ст. 109 УК — к 10 годам лишения свободы; Птицына Г. В. — по ст. 111 УК — к 1 году исправ.-труд. работ; Родионова Ф. А. по ст. 10 УК — к двум годам лишения свободы; и Горшкова П. Ф. по ст. 112 ч. 2 УК — к 1 месяцу исправ.-труд. работ.

Гражданский иск Корбозерского сельпо суд удовлетворил — с Конецкого в сумме 1097 руб., с Фомина — 158 р. 85 к., с Павлова — 42Х9 руб. и с Еремина в сумме 792 р. 55 коп.

4/XI 1933 г. Кассколлегии Главсуда в указанный приговор внесла следующие изменения: Конецкому, Павлову и Еремину мера наказания была снижена до 5 лет лишения свободы каждому; Фомина лишение свободы было заменено исправ.-труд. работами.

В отношении Горшкова и Родионова приговор был отменен и дело о них производством прекращено на основании п. 5 ст. 4 УПК.

Винодность осужденного Конецкого приговором была установлена в том, что он, будучи председателем сельпо, незаконно получил 105 руб. за выполненную канцелярскую работу, получил 40 руб. комиссии за продажу товаров

других организаций, незаконно выписал командировочные в сумме 546 р. 42 к.; допустил устройство обедов за счет сельпо, чем причинил сельпо ущерб в 73 руб., незаконно получил мануфактуру и сахара на 22 р. 50 к., необоснованно списал товаров на 431 руб., не принял мер к выяснению виновных в порче мяса на 150 руб., присвоил 25 руб., полученных от рыбаков, допустил недостачу по кассе 355 рублей.

Виновность осужденного Еремина была установлена в том, что он, будучи счетоводом сельпо, халатно относился к ведению учета и отчетности, а кроме того произвел ряд незаконных действий, чем причинил сельпо ущерб в размере 792 р. 55 к.

Виновность осужденного Павлова приговором установлена в том, что он, будучи продавцом Салозерского отделения сельпо, присвоил сделанную на грибы наценку в 751 руб. и 338 руб. из выручки, полученной от продажи товаров; присвоил ошибочно поступившие к нему товары на 2089 руб.; незаконно возвратил без соответствующего оформления авансы, «полученные от лайщиков», в сумме 1542 руб.; не произвел наценки на проданную рыбу и допустил порчу товаров, всего причинив этими действиями ущерб сельпо в размере 597 р. 08 к.

Осужденные Конецкий и Фомин виновными себя в указанных выше преступлениях не признали, осужденный же Еремин признал себя виновными лишь в неправильной постановке счетоводства.

Инкриминируемые осужденным Конецкому, Еремину и Павлову обвинения относились к периоду до 2 сентября 1932 г.

В конце марта месяца 1933 года в Корбозерское сельпо был командирован счетовод райпотребсоюза Корзин, которому было поручено наладить учет и отчетность в сельпо. К моменту приезда Корзина счетоводство сельпо ограничивалось одной главной книгой, в которой отражались и кассовые операции.

В процессе работы Корзин обнаружил ряд документов, главным образом 1931 года, которые оказались неоприходованными, и в связи с этим решил «заглянуть вглубь счетоводства».

Результатом этого «заглядывания вглубь» явилось обвинение ряда бывших работников сельпо в злоупотреблениях по службе.

Фактическое отсутствие счетоводства, проверка деятельности сельпо и подчетных ему торговых точек, спустя почти полгода после окончания отчетного периода, минуемо должны были поставить под сомнение выводы в части обвинения отдельных работников сельпо в злоупотреблениях по службе. При указанном выше состоянии счетоводства в сельпо могли иметь и имели место различного рода упущения (неоприходование товаров, оприходование товаров вместо одного отделения на другое и т. п.). Поэтому установить, в какой мере выводы новой ревизионной комиссии (председатель Фофанов) соответствовали действительному положению, не представляется возможным.

Ряд сумм, инкриминируемых осужденным Конецкому, Еремину и Павлову, не может быть

отнесен за счет их злоупотреблений, а ряд сумм начислен на них именно в результате дефектов счетоводства в сельпо.

Так, например, в сумме 1097 руб., начисленную на осужденного Конецкого, входят расходы на обеды в сумме 63 р. 78 к., неприкрытый акт на недостачу сахара и мануфактуры на сумму 22 р. 50 к., стоимость капусты и др. продуктов, списанных за непригодностью, на 432 р. 12 к.; стоимость сахара и печенья в размере 11 руб., выданного ревкомиссии; стоимость испорченного мяса в размере 150 руб.; недостача по кассе в сумме 355 р. 09 к. и др. суммы.

Из изложенного выше следует, что большая часть начисленных на Конецкого сумм не может быть отнесена за счет его злоупотреблений.

В общую сумму 792 р. 55 к., начисленную на счетовода Еремина, вошли 210 рублей, которые были признаны незаконно полученными им в качестве комиссионного вознаграждения за участие в продаже товаров других организаций; 62 р. 68 к., оказавшихся в недостатке по авансовым отчетам; 33 р. 75 к. — сумма принятого по командировке счета; 127 р. 62 к. — за отпуск товаров колхозу «Северная звезда» без наценки.

Таким образом и на Еремина значительная часть сумм были начислена не в связи с его злоупотреблениями.

Что касается продавца Салозерского отделения Павлова, то при его увольнении в сентябре месяце 1932 г. никаких недочетов обнаружено не было. И лишь при последующей проверке на него начислено 4239 р. 90 к., причем в эту сумму вошли — 1542 руб. — авансы, возвращенные Павловым лайщикам без достаточного оформления; 751 р. 31 к. — наценка на грибы, не проведенная по отчетам; 231 р. 15 к. за произведенную наценку на проданную рыбу.

Кроме того было выяснено, что товары на 2089 руб., отпущенные продавцу Родионову, были списаны с отчета Павлова. В то же время товар на сумму 338 рублей, поступивший Павлову, был оприходован сельпо на Родионова.

Установить при наличии этой путаницы, какие именно злоупотребления были совершены осужденным Павловым, не представляется возможным, однако не вызывает сомнения, что ряд сумм был начислен на Павлова не в связи с его злоупотреблениями.

При наличии указанных выше дефектов в обвинительном материале против осужденных Конецкого, Еремина и Павлова у суда не было достаточных оснований к осуждению их к чрезмерно строгому наказанию.

По этим соображениям Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК Главсуда в отношении осужденных Конецкого, Еремина и Павлова.

Судебная коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: «Понизить меру соц. защиты Конецкому, Еремину и Павлову и, ограничившись уже отбытым сроком наказания, из под стражи их освободить».

По союзным республикам

РСФСР

КАК В ЧЕЛЯБИНСКЕ ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ БОРЮТСЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ КРЕДИТНОЙ РЕФОРМЫ

Циркуляры прокурора Союза ССР 10 мая с. г. № 823 и 14 июня с. г. № 56/8 горпрокуратура г. Челябинска не выполняет.

Предоставим слово фактам:

В первом полугодии 1935 г. горсектор челябинской конторы Госбанка направил в горпрокуратуру 39 дел по обвинению работников хозорганов в нарушении кредитно-кассовой дисциплины (растрата неоплаченных грузов, несдача выручки и т. д.).

Из 39 направленных дел окончено только 3, и все три дела прекращены по мотивам нецелесообразности привлечения в уголовном порядке.

Судьба остальных 36 дел неизвестна, несмотря на неоднократные запросы и личные обращения конторы банка.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что ни одно из возбужденных Госбанком дел не получило своего должного назначения.

В чем дело? Чем объяснить, что из 39 дел ни одно дело не дало эффекта?

Можно подумать, что во всех случаях нарушение кредитно-кассовой дисциплины было настолько малозначительным, что привлечение виновных в этом лиц к уголовной ответственности являлось действительно нецелесообразным.

Чтобы не быть голословным, обратимся к материалам и попытаемся их проанализировать.

По «Челябторгу» возникло 7 дел о растратах неоплаченных грузов поставщиков, сданных на ответственное хранение.

Только по одному из 7 направленных дел горпрокурору еще 2 февраля с. г. было 5 случаев растраты грузов на общую сумму в 1½ млн. руб.

Последующие возникновения уголовных дел в растрате грузов по тому же «Челябторгу» и направление их горпрокурору, как-то: 19/II, 15/IV, 15/V, 25/VI—с. г., говорят о наличии систематического нарушения кредитной реформы, однако из работников «Челябторга» к ответственности никто не привлечен.

Причиной, послужившей к растрате грузов, является запущенность финансового хозяйства «Челябторга».

Растраты грузов имеют место и в других организациях, о которых банк также направлял материалы прокурору.

То, что возбужденные банком 39 дел не дали должного результата, объясняется отсутствием борьбы горпрокурора с нарушителями кредитно-кассовой дисциплины и невыполнением законов в этой части.

Вместо производства расследования по делам, направленным Госбанком, прокуратура направляет их хозоргану, допустившему нарушение кредитной реформы, с предложением дать объяснение по существу вопроса.

5 мая с. г. Госбанк направил прокуратуре дело по обвинению работников «Промснаббыта» в растрате неоплаченных грузов.

Горпрокурор наложил резолюцию своему помощнику т. Домбровской «Срочно для расследования». Пом. горпрокурора в свою очередь наложила резолюцию: «Нарследователю».

Нарследователь 23/VI с. г. написал отношение «Промснаббыту», препровождая материал с предложением дать объяснения о причинах растраты грузов.

3 июля с. г. курьер горпрокуратуры случайно попала в юрчасть Госбанка и обратилась с просьбой дать ей адрес конторы «Промснаббыта», которую она ищет несколько дней и никак не может найти.

В руках курьера была разносная книжка и лачка дел, направленных Госбанком горпрокурору еще больше месяца тому назад, в числе которых были дела работников «Промснаббыта», Кустпекарни и др.

Комментарии, как говорят, излишни.

С выполнением законов по кредитной реформе в Челябинске обстоит неблагоприятно. Нужны реальные, решительные меры.

И. ФЕДОРОВ

НЕПРАВИЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВКА

22 марта 1935 года в органы расследования поступил акт проверки состояния кассы взаимопомощи при ст. Лосиноостровская Сев. жел. дор., по которому была выявлена растрата кассиром Тихоновым 4744 р. 98 к.

Произведенное по делу расследование установило, что Тихонов, состоя казначеем кассы взаимопомощи с 1932 года по 1935 год, выдавал ссуды работникам станции и работникам других организаций, не обслуживаемых местом этой станции, по своему усмотрению. Отчетность по кассе Тихонов не вел. Выдачу ссуд он производил по квитанционным книжкам, на обороте которых лица, получавшие ссуды, и расписывались.

Удержания возвратных ссуд с работников станции производились через контору станции, а с работников других организаций, не получавших зарплат в указанной конторе, списков на удержания Тихонов не давал. В результате часть сумм осталась неистребованной.

Чтобы скрыть следы преступления и покрыть часть недостачи, Тихонов стал прибегать к мошенническим действиям, выразившимся в следующем:

Подделал 4 расчетных ордера на 690 руб. Из этой суммы 190 рублей он выдал, а 400 р. присвоил. Выдав стрелочнице Чудновой 50 руб., Тихонов на ордере написал 150 руб., стрелочнице Житиной выдал 40 рублей, написав в ордере 140 руб. и т. д.

Дважды произвел удержания с рабочих за полученные ими возвратные ссуды. Когда ра-

бочие узнали о двойном удержании, Тихонов, не допуская до скандала, вернул некоторым излишние удержанные суммы.

Тихонов не взыскивал деньги по ссудам, выданным им по своему усмотрению, чем причинил также ущерб кассе взаимопомощи ст. Лосиноостровская в сумме 4357 руб.

По этим основаниям Тихонов, после тщательной проверки и расследования всех обстоятельств дела, производства бухгалтерской экспертизы, на основе сознания самого обвиняемого в растрате 3476 руб. был предан суду по ст. 109 УК, и дело о нем было передано в линейный суд 1-го участка Сев жел. дорог.

В судебном заседании Тихонов вину свою в присвоении и растрате 3476 руб. признал, а в остальном сослался на ряд объективных причин, незаслуживающих какого либо доверия.

Линсуд, отметив в приговоре «учитывая тяжесть содеянного» и личность обвиняемого, а также и то, что в действиях Тихонова наличествуют признаки уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного ст. 109 УК и т. д., приговорил его к лишению свободы на 3 года.

Нельзя сказать, чтобы эта мера соцзащиты в соответствии с содеянным (при учете системы расхищения общественных денег, предназначенных для оказания временной материальной помощи железнодорожникам), была слишком суровой. Но все же в Транспортной коллегии Верхсуда Союза нашлись такие сердобольные, мягкие люди, которые и этот приговор признали суровым. Так, указав в своем определении, что «хотя преступления Тихонова являются тяжелыми и приговор линсуда соответствует содеянному, но учитывая, что на иждивении Тихонова находятся два сына инвалида и что Тихонов судится впервые», заменили ему лишение свободы одним годом и-т. работ с вычетом 10% из заработка.

Вот чем закончилось уголовное дело о систематическом расхищении общественных денег с причинением ущерба в сумме 9000.

Может ли удовлетворить такой исход дела нас, судебных работников, и общественность в лице железнодорожников, узнавших о такой «расправе» пролетарского суда с расхитителями общественной собственности, являющейся священной и неприкосновенной.

Наконец может ли такое определение транспортной коллегии Верхсуда правильно ориентировать линейный суд в части карательной политики по делам о злоупотреблениях с растратой общественных денег, особенно принадлежащих кассам взаимопомощи? Конечно нет. Это дело требует пересмотра судебно-надзорной коллегией Верхсуда Союза с внесением в него соответствующих поправок.

М. ЛЬВОВ

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЙ, ЗА РАЗВЕРТЫВАНИЕ ОРГМАССОВОЙ РАБОТЫ СОВЕТОВ

Бакалинский район является одним из экономически сильных районов Башкирии. По всем показателям он мог бы занимать одно из первых мест в республике. Но, к сожалению, в районе очень часто имеют место нарушения революционной законности, которые классовый враг использует в своих интересах.

Урол бывшего председателя рика Свитгазина, снятого за грубое искажение советской демо-

кратии и революционной законности, не был учтен руководителями ряда сельских советов.

За последнее время всплыли факты наглого нарушения революционной законности бывшим председателем Урметьевского и Исаметьевского сельсоветов Ардисламовым, бывшим председателем колхоза «Красный боец» Литвиновым, бывшим председателем Ахмановского сельсовета Каримовым и бывшим председателем Каванчинского сельсовета Будановым. Газета «Знамя Ударника» сообщала о их незаконных действиях. Нет надобности перечислять их снова. Нарушители революционной законности, ярые пособники классового врага с партбилетом в кармане получили и еще получат должное наказание. Их урок должен быть учтен всеми. Нужно развернуть широкую массово-политическую работу, развернуть подлинно-большевистскую критику и самокритику с тем, чтобы в корне изжить все имеющиеся недостатки и стать идейными проводниками мероприятий партии и правительства на селе.

Однако болезнь продолжается. Ее нужно лечить самым решительным образом.

Нагайбакский сельсовет и его председатель Смарагдов премированы риком за хорошую работу по мобилизации средств. Заслуживает ли этот сельсовет премий? Нет. Вместо развертывания организационно-массовой работы Смарагдов работает методами голого администрирования, грубо обращается с колхозниками, применяет незаконные штрафы.

За невыполнение хоз.-политкампаний он оштрафовал Ефремова на 50 руб., за неуплату штрафа отобрал у него молодую лошадь. За невывозку хлеба из глубинки оштрафовал Старостина и Кузнецова по 50 руб. и т. п.

Бузуровский сельсовет у середняка-единичника, инвалида Кутлина отобрал лошадь за то, что он не уплатил 84 р. 80 к. за заем, 10 руб. за лотерейные билеты ОСО, 6 р. 46 к. сельхозналога и 120 руб. культурналога. Спрашивается, кто дал право сельсовету штрафовать за неуплату добровольных платежей? Этот же сельсовет неправильно обложил с.-х. налогом кустаря Колесникова. Инспектор райфо Хромых вместо того, чтобы исправить это дело, при переписке протокола добавил от себя: «Закрепить правильность обложения». Колесникова выгнали из дома и отобрали все имущество.

Как положительный пример можно привести работу председателя Ново-Матинского сельсовета, члена БашЦИК Андрияновой. Андриянова вежливо обращается с посетителями. У нее неплохо работают секции и депутатские группы. В помещении сельсовета опрятно, чисто.

При условии оказания практической помощи этому сельсовету риком он может работать еще лучше и явится показательным для всех сельсоветов района.

Решительно искореняя из практики своей работы все плохое, используя положительный опыт, на основе соцсоревнования, сельсоветы должны широко развернуть оргмассовую работу, оживить работу секций и депутатских групп и, включившись в объявленный конкурс по животноводству, по оборонной и культурной работе, показать большевистские образцы в борьбе за успех хозяйственного и культурного роста района.

САГАДИЕВ

УССР

О БЮРО СПРАВОК НАРКОМЮСТА УССР

Комиссия Советского контроля установила, что организованное Наркомюстом УССР Центральное бюро по выдаче справок о судимости систематически вводило в заблуждение административные, судебные и другие государственные учреждения тем, что, имея только частичные данные об осужденных до 1930 г. и совершенно не имея этих сведений с 1930 по 1935 г., Бюро выдало в течение 1930—1935 гг. 445 тыс. справок о судимости и несудимости.

Установлены также факты выдачи заведующим Бюро справок о несудимости лицам осужденным, при наличии в Бюро данных о их судимости.

Наркомюст УССР не руководил работой Бюро и, переведя его и на самоокупаемость, фактически превратил Бюро по выдаче справок о судимости в доходное предприятие.

Комиссия Советского контроля постановила:

1. Заведующего Центральным бюро наркомюста УССР по выдаче справок о судимости Розенгауз Ф. Б. за систематическую выдачу неправильных справок о судимости и несудимости, вводивших в заблуждение государственные организации, — с работы снять с запрещением занимать ответственные должности в течение 2-х лет.

2. Бывшему заместителю народного комиссара юстиции УССР т. Карасику (теперь прокурору Ивановской области), знавшему о недопустимом состоянии работы Бюро справок и не принявшему немедленных решительных мер к устранению недостатков, — объявить выговор.

3. Заведующему Секретариатом Наркомюста УССР т. Брагину (работает в НКЮ с марта 1935 г.), не принявшему мер к прекращению извращений в работе бюро, — объявить выговор.

4. Предложить народному комиссару юстиции УССР т. Киселеву немедленно ликвидировать центральное бюро по выдаче справок о судимости.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ и ЧИТАТЕЛЕЙ

Журнал „За социалистическую законность“ со следующего номера будет называться „Социалистическая законность“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Траво-процесс-судоустройство в капиталистических странах

АНГЛИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС¹

Два порядка производства. Главным процессуальным моментом, которым отличаются друг от друга два существующих в Англии порядка производства уголовных дел, является обвинительный акт; различаются производство с обвинительным актом, с одной стороны, и суммарное производство — с другой.

В отношении места, которое занимали прежде и занимают теперь в деле отправления правосудия в Англии производство с обвинительным актом и суммарное производство, наблюдается определенная историческая тенденция: все более сокращается круг дел с обвинительным актом, все более расширяется число дел, рассматриваемых в порядке суммарного производства.

1.

Производство по делам с обвинительным актом

Возбуждение уголовного преследования. В Англии существует система так называемого «народного» или общегражданского обвинения: уголовное преследование может быть возбуждено каждым; органы полиции, фактически несравнимо чаще возбуждающие преследование, чем частные лица, формально делают это на тех же основаниях, что и частные лица. Долгое время в Англии не было даже подобия прокуратуре. Впервые организация, напоминающая континентальную прокуратуру, но с очень ограниченным полем действия, была создана законом 1879 г. о преследовании преступлений. Согласно названному закону, была создана должность директора уголовного преследования с помощниками в числе не более шести и с особым при нем департаментом.

Согласно правилам, установленным в 1886 г., на обязанности дирекции лежит уголовное преследование: а) по делам о преступлениях, караемых смертной казнью, б) во всех тех случаях, когда раньше преследование возлагалось на солиситора казначейства (напр., по делам о фальшивомонетничестве), в) далее, по требованию генерал-атторней или министра внутренних дел и, наконец, г) во всех тех случаях, когда, по мнению директора, преступление или обстоятельства его совершения таковы, что преследование его требуется государственными интересами, или когда вследствие трудности дела, или по каким либо иным обстоятельствам представляется необходимой деятельностью директора уголовного преследования для обеспечения надлежащего преследования преступника.

Уголовное преследование дирекцией может возбуждаться как по делам, требующим составления обвинительного акта, так и по делам, подлежащим рассмотрению в порядке суммарной юрисдикции.

При отсутствии в Англии такой организации должностного обвинения, которая распространялась бы на все вообще уголовные дела (хотя бы и с некоторыми исключениями), в Англии нет условий для постановки самого вопроса о принципах легальности или целесообразности возбуждения уголовного преследования. Возможность применения принципа легальности, требующего вмешательства должностных обвинителей всякий раз, как преступление им стало известным, исключается с самого начала отсутствием в Англии прокуратуры. Мало того, не только начало легальности уголовного преследования в континентальном смысле неизвестно Англии, но в прямую противоположность этому началу генерал-атторней располагает правом потребовать по любому основанию прекращения всякого уголовного дела, хотя бы по нему уже был утверждён обвинительный акт.

Предварительное расследование. Предварительное расследование дела распадается на а) внесудебное и б) судебное.

а) **Внесудебное расследование.** Внесудебное расследование производится частными лицами и полицией.

Частное лицо может с самого начала поручить ведение дела солиситору (поверенному) по своему выбору. Последний производит расследование дела при содействии полиции. Предполагается, что полиция оказывает в этом случае солиситору такое же содействие, как и в случаях возбуждения уголовного преследования по инициативе правительственных органов. Естественно, что качество расследования в этом случае зависит от того, какими средствами располагает лицо, желающее возбудить перед судом уголовное преследование, и как много денег оно желает истратить.

Само собой разумеется, что, когда расследование предпринимается какой нибудь корпорацией, банком, железной дорогой, торговым предприятием, они могут широко обставить расследование. Наоборот, несостоятельный потерпевший вынужден бывает вовсе отказаться от самостоятельного расследования дела и всецело положиться на полицию, как бы мало в том или другом конкретном случае он ни рассчитывал на энергию с ее стороны.

В огромном большинстве случаев расследование производится органами полиции.

б) **Предварительное судебное расследование** дела. Одно из главных отличий английской уголовно-судебной организации от континентальной заключается в отсутствии фигуры судебного следователя — органа, который сам разыскивает доказательства, а не ограничивается закреплением и проверкой доказательств, представляемых сторонами. Предварительное судебное расследование по делам, проходящим с обвинительным актом, производится одним или несколькими мировыми судьями,

¹ По материалам Института уголовной полиции.

полицейским магистратом в столице, «платными» магистратами в других городах — там, где они существуют. Задача предварительного расследования заключается в том, чтобы проверить, располагает ли обвинение доказательствами, достаточными для того, чтобы дело могло быть передано на рассмотрение суда, который должен будет постановить приговор. Технически это выражается словами: суд должен установить «*prima facie case*».

Обвиняемый присутствует при предварительном рассмотрении дела. В качестве обвинителя может выступать всякое частное лицо и полиция наравне с частными лицами, т. е. формально с теми же правами, что и частные лица. Обвиняемый и обвинитель могут иметь на суде поверенных, какими могут быть солиситоры или барристеры.

Дело начинается с того, что обвинитель (сам или его поверенный) излагает, какие факты он имеет ввиду установить при разбирательстве дела. После этого производится проверка представленных обвинением доказательств, которая заключается главным образом в допросе свидетелей.

Различаются три вида допроса свидетелей: **главный допрос**, т. е. допрос свидетеля той стороной, которую он вызван, **перекрестный допрос**, т. е. допрос противною стороною, и могущий последовать после этого **передопрос** свидетеля стороною, его вызвавшего.

Если по рассмотрении доказательств обвинения судья (или судьи) придет к заключению, что они не дают материала для «судебного дела» или, технически выражаясь, что ими не обосновывается «*prima facie case*», то он прекращает дело без проверки доказательств, которые могут быть представлены защитой. В противном случае клерк прочитывает обвиняемому, в чем именно он обвиняется, после чего судья обращается к обвиняемому приблизительно с такими словами: «Вы должны знать, что если кто-либо путем обещания выгод или угроз пытался склонить вас к признанию вами вашей вины, то вы не должны на что-либо надеяться или чего-либо бояться. Все, что вы скажете, может получить значение доказательства в вашем деле независимо от каких-либо обещаний или угроз. Хотите ли вы что нибудь сказать в ответ на предъявленное вам обвинение? Вы не обязаны что-либо говорить, если вы предпочитаете так поступать, но все, что вы скажете, будет записано и может получить значение доказательства при рассмотрении в суде вашего дела».

На континенте Европы при так называемом смешанном типе процесса допрос обвиняемого входит в число средств раскрытия преступления и преступника. От обвиняемого нельзя домогаться тех или других ответов, но уклоняться от допроса он не может. Иначе в Англии; там нет обязательного для обвиняемого допроса его по существу дела. Обвиняемый, если пожелает, дает показание, не подтверждая его присягою, или допрашивается как свидетель по собственному делу. В этом случае он приносит присягу и допрашивается как всякий другой свидетель.

Если обвиняемый не ссылается на других свидетелей, то после его показания защитник, если он имеется, обращается к суду с объяснениями в пользу обвиняемого. Если же в деле имеются свидетели защиты, то защитник,

прежде их допроса, излагает суду, что предполагается подтвердить их показаниями.

После выслушания обвиняемого и допроса свидетелей защиты суд снова взвешивает весь материал и снова решает вопрос, достаточен ли он для направления дела в суд. Не требуется, чтобы проверка всех доказательств была произведена в одном заседании. В случае надобности дело может быть отложено для проверки доказательств, которые не могли быть сразу все представлены. Отсрочка каждый раз не должна превышать 8 дней.

Если суд признает установленным «*prima facie case*», т. е. что предположенные доказательства делают вероятным предположение о виновности обвиняемого, то он делает постановление о направлении дела в суд для окончательного рассмотрения его.

В заключение характеристики производимого магистратом предварительного рассмотрения доказательств следует отметить, что кроме составительского типа его построения и допущения в нем защиты на равных правах с обвинением, оно отличается от континентального предварительного следствия тем, что по общему правилу производится публично.

Ближе к континентальному типу предварительного следствия то следствие, которое производит коронер при обнаружении мертвого тела. (Оно и по английски называется следствием — *inquest*, тогда как мировые судьи производят только предварительную проверку — *preliminary examination*). Коронер не только проверяет доказательства, он принимает меры к их розыску без ходатайства сторон и при отсутствии сторон.

В тех случаях, когда коронер рассматривает дело с присяжными заседателями¹, последние, по выслушании показаний, составляют свой вердикт и свою подписью скрепляют документ, излагающий (поскольку это будет признано ими установленным представленными доказательствами), кому принадлежит мертвое тело, когда, где и вследствие чего последовала смерть, и если причиной смерти было убийство, то кого присяжные считают виновным в убийстве. Если присяжные не придут к единогласному вердикту и меньшинство не будет превышать двух лиц, то вердикт подписывается большинством; если же меньшинство превышает двух лиц, то коронер должен распустить жюри и собрать новое.

Обвинительный акт. Проект обвинительного акта составляет обвинителем.

Когда то обвинительный акт был строго формальным документом, причем всякое отступление от установленных законом требований влекло за собой признание его недействительным. Закон 1915 г. чрезвычайно упростил составление его. Кроме того он установил, что ошибки обвинительного акта могут быть исправлены судьей. И тем не менее составление проекта обвинительного акта, требующее точных юридических сведений, может быть только делом опытного юриста. Комиссией по составлению судебного наказа выработана трафаретная форма обвинительного акта. Согласно этой форме обвинительный акт должен состоять из трех частей: 1) из вступительной

¹ См. очерк системы судоустройства в Англии. «За социалистическую законность» № 6.

части, в которой указывается, в какой суд он представляется (следовательно, определяется подсудность дела), 2) юридической квалификации преступления и 3) установления фактических обстоятельств, дающих состав преступления.

Проект обвинительного акта по закону 1933 г., как правило, представляется клерку суда, в котором дело должно рассматриваться. Клерк проверяет, соответствует ли он установленным законом требованиям. Убедившись, что требования закона соблюдены, клерк подписывает обвинительный акт. В случае отказа клерка в подписи проекта обвинительного акта, обвинитель может обратиться к председателствующему в суде (или его заместителю); последний, произведя такую же проверку, какую должен был произвести клерк, и признав отказ клерка в подписи неправильным, может распорядиться о том, чтобы клерк подписал проект обвинительного акта. Такое распоряжение для клерка обязательно.

Предъявление подсудимым обвинения и их ответы. Термином «арэймент» в Англии называется особая процедура, состоящая из предъявления подсудимым, вызванным в суд, обвинения, заслушивания и занесения в протоколы их ответов. Это — процедура, совершенно самостоятельная, отдельная от того, что мы применительно к нашей терминологии называли бы судебным следствием. Она производится до составления «скамьи присяжных» для рассмотрения дела по существу.

Если обвиняемый признает себя виновным, то необходимость в проверке доказательств отпадает. Суд постановляет приговор на основании «собственного сознания» обвиняемого.

Составление скамьи присяжных заседателей. Скамья присяжных (малое жюри в числе 12 человек) образуется не для каждого дела в отдельности, а для целого ряда дел, для какого именно количества, это зависит от клерка, на которого возлагается составление скамьи присяжных. Выбираются присяжные заседатели для рассмотрения конкретных дел обычно по жребию; однако, выбор по жребию составляет лишь «узус» — обычный порядок, не предписанный каким-либо законом и допускающий отступления от него (напр. присяжные заседатели вызываются по алфавиту, по одному на каждую букву).

По принесении присяги присяжные заседатели вводятся в особое предназначенное для них помещение (ложу), из которой они не могут выходить без разрешения судьи.

После этого подсудимому предлагается занять место перед судом, и произносится формула, которою дело передается на рассмотрение присяжных: «Члены жюри, стоящий перед вами подсудимый обвиняется в том, что... На предъявленное ему обвинение он ответил отрицанием своей виновности. На вас лежит обязанность, по рассмотрению доказательства, сказать, виновен он или нет».

Судебное следствие и прения сторон. На континенте судебное следствие и прения сторон составляют две самостоятельные стадии производства; в английском процессе они неотделимы друг от друга.

Первым выступает представитель обвинения. Он излагает присяжным сущность дела и указывает, какие доказательства он имеет представить. Затем он вызывает свидетелей, кото-

рые, после приведения их к присяге, допрашиваются им, подвергаются перекрестному допросу со стороны подсудимого или его защитника и, если понадобится, снова передпрашиваются обвинителем. Вызываются и допрашиваются свидетели, имена которых означены на обороте обвинительного акта; дополнительные свидетели допускаются только в том случае, если суду и подсудимому своевременно были сообщены их имена и предполагаемое содержание их показаний.

По проверке всех доказательств обвинения прочитываются заявления, сделанные обвиняемым в стадии предварительного производства.

После этого подсудимый или его защитник, если они считают, что представленных доказательств совершенно недостаточно для того, чтобы присяжные заседатели могли вынести обвинительный вердикт, могут изложить суду свои по этому поводу соображения. Судья, если сочтет необходимым, предоставляет обвинителю слово для реплики. Если судья согласится с подсудимым или его защитником, он без рассмотрения доказательств, которые могли бы быть представлены защитой, предлагает присяжным вынести оправдательный вердикт.

Судебное следствие может быть закончено и по инициативе присяжных заседателей без рассмотрения доказательств защиты, ввиду признания доказательств обвинения неубедительными, и без противопоставления им доказательств защиты.

Если судья придет к заключению, что доказательства, представленные обвинением, обосновывают «сильное или вероятное предположение виновности», то дальнейшее течение дела зависит от того, могут ли быть защитой (самим подсудимым или его защитником) представлены какие-либо доказательства, а если могут, то также от того, есть ли у подсудимого защитник или нет.

Если защитой могут быть представлены какие-либо доказательства, кроме показания самого подсудимого, то подсудимый или его защитник могут обратиться к присяжным заседателям с изложением тех обстоятельств, в подтверждение которых они имеют представить доказательства. Затем представляются самые доказательства, после чего подсудимый или его защитник излагают перед присяжными заседателями выводы, какие, по их мнению, вытекают из представленных доказательств. Представителю обвинения принадлежит право возражения (реплики).

Если, по рассмотрению доказательств обвинения, никаких доказательств в интересах подсудимого не представляется, то дальнейшее движение дела зависит от наличия или отсутствия у подсудимого защитника:

а) если у подсудимого есть защитник, то подсудимый, по желанию, делает те или другие заявления или дает показание, обвинитель произносит, если найдет нужным вторую речь, защитник отвечает;

б) если у подсудимого нет защитника, то после проверки доказательств обвинения вся процедура суда до заключительных объяснений председателя исчерпывается показанием подсудимого или теми или иными объяснениями его или его обращением к присяжным с просьбой об оправдании.

Таким образом английское право не знает обязательного во всех случаях предоставления подсудимому последнего слова: если после доказательств обвинения были представлены доказательства в интересах защиты, то последнее слово (в виде реплики защите) принадлежит представителю обвинения; если никаких доказательств в интересах защиты, кроме показания подсудимого, не представлено, то последним говорит защитник, и только в том случае, если в интересах подсудимого не было представлено никаких доказательств, и защитника нет у подсудимого, ему принадлежит право последнего слова.

Судья не только может задавать вопросы свидетелям, но имеет право вызвать свидетелей, не указанных ни обвинением, ни защитой, и даже без согласия той и другой стороны, если он найдет необходимым это сделать в интересах правосудия.

Заключительные объяснения председателяствующего судьи носят название «наставления». В нем он дает разъяснения законов и общих юридических положений, имеющих отношение к делу и нужных для правильного его решения, особо останавливается на вопросе, на ком лежит бремя доказывания того или другого обстоятельства в деле. В английском суде председательствующий судья не должен воздерживаться от высказывания своего мнения по делу; он может, в частности, подчеркнуть отсутствие доказательства, которого можно было бы ожидать с той или другой стороны.

Вердикт присяжных заседателей. Вердикт присяжных заседателей должен быть единогласным. Если присяжным заседателям не удастся прийти к единогласному решению, о чем они объявляют судье через своего старшину, скамья присяжных распускается, и дело ставится на рассмотрение нового состава присяжных заседателей.

Требование от присяжных заседателей единогласия Энгельс справедливо в свое время называл «противным всей человеческой природе» и «смешным». Указывая, к каким тяжким испытаниям для присяжных приводит это требование на практике, он оговаривал, что «иначе все и не может быть, если пожелать иметь математическую точность в вещах, не допускающих такой точности; в таких случаях непременно впадешь в нелепость или варварство».

Иногда присяжные заседатели постановляют только «специальный вердикт» — именно тогда, когда они разрешают только вопрос факта, оставляя на долю судьи решение вопроса о виновности.

Вердикт присяжных заседателей становится основанием для постановления по нему приговора судьей после того, как он принят судьей и занесен в протокол. Судья не обязан принять всякий вердикт, который вынесен присяжными заседателями.

В отличие от суда с присяжными заседателями французского типа судья, не согласный с вердиктом по существу, может предложить тем же присяжным заседателям пересмотреть свой вердикт. Это делается и в том случае, если вердикт страдает каким-либо недостатком (внутренне противоречив, двусмыслен). Если и новый вердикт будет признан судьей неприемлемым, судья может распустить присяжных. Прежде чем принять или не принять вер-

дикт, судья может задать присяжным заседателям тот или другой вопрос относительно того, каким образом они пришли к выводу, который выражен в вердикте (опять черта резкого отличия от континентального права).

Между обвинительным вердиктом и приговором судья предлагает подсудимому указать особые основания, если таковые имеются, по которым приговор о наказании не может быть постановлен. Часто подсудимые пользуются этим моментом для того, чтобы просить судью о снисхождении.

Приговор. Суд, в случае обвинительного вердикта, избирает наказание в пределах, установленных законом. Английское право в большинстве случаев ограничивает судью только максимумом допустимого наказания за каждое преступление, совершенно не стесняя его минимумом.

Апелляция. Апелляция по делам, рассматриваемым при участии присяжных заседателей, урегулирована законом 1907 г. Закон этот знаменовал собою отказ от двух начал английского уголовного процесса, которые веками считались непоколебимыми, а именно: 1) никто не может быть осужден за «преступление»¹ иначе, как по единогласному решению 12-ти своих сограждан и 2) присяжные являются высшими судьями по вопросам факта. Это последнее начало казалось непрекаемым и на континенте. Помимо веры в непрекаемый авторитет суда присяжных, оно обосновывалось еще тем соображением, что присяжные заседатели выносят свои вердикты по внутреннему убеждению, не мотивируя их, чем исключается возможность их проверки.

Апелляция по закону допускается только со стороны осужденного. По исключению (о нем сказано ниже) дело может быть передано на рассмотрение апелляционного суда министром внутренних дел, но также лишь в интересах осужденного.

Закон различает 1) апелляцию против осуждения (а следовательно и против приговора, так как отмена обвинительного вердикта присяжных, как само собой разумеется, влечет за собой и отмену приговора судьи) и 2) апелляцию против приговора судьи. С другой стороны, проводится различие между апелляцией по фактическим и юридическим основаниям.

Только в том случае, если осужденный находит осуждение его неправильным по правому основанию, он может жаловаться без особого на то разрешения. Если же осужденный находит состоявшийся против него вердикт неправильным по фактическому основанию. или по основанию фактическому и юридическому вместе, то апеллировать он может только с позволения апелляционного уголовного суда или по удостоверению судьи, решавшего дело, о том, что дело является «пригодным для апелляции».

Апелляционный суд или оставляет жалобу без последствий или постановляет свой приговор по делу. При этом при апелляции на осуждение он может или отменить обвинительный вердикт и постановить оправдательный приговор или утвердить вердикт в одной части, отвергнув его в другой. Апелляционный

¹ От «преступлений» давно отличаются проступки, подсудные судам суммарной юрисдикции.

суд может также признать подсудимого виновным по такому пункту обвинительного акта, который был отвергнут присяжными заседателями, но при этом он не может назначить наказание более строгое, чем то, которое уже было назначено в первой инстанции. Это значит, что при апелляции на осуждение приговор апелляционной инстанции никогда не может ухудшить положение осужденного (выражаясь техническим термином, *reformatio in pejus* в этом случае недопустимо).

Напротив, при апелляции на приговор судьи, апелляционный суд, если он отменит приговор первой инстанции, постановляет вместо него другой приговор — как говорит закон, «или более или менее строгий, какой найдет соответственным» (ст. 4 п. 3).

Вторая апелляция. Английское право не знает института кассации. Приговор апелляционного уголовного суда может быть также пересмотрен в апелляционном порядке, но в одном исключительном случае, а именно: «если в каком-либо деле директор уголовного преследования, обвинитель или обвиняемый получат удостоверение от генерального атторнея, о том, что решение уголовного апелляционного суда заключает в себе вопрос права чрезвычайной важности, и что, с точки зрения публичных интересов, представляется желательным, чтобы была принесена дальнейшая апелляция, то каждый из них может апеллировать на это решение в палату лордов».

Апелляционный пересмотр ввиду обнаружения новых обстоятельств. Английское процессуальное право не знает особого, отличного от апелляционного, порядка пересмотра уголовных дел ввиду открытия новых обстоятельств.

Однако министр внутренних дел, при рассмотрении прошения об осуществлении королевского помилования, может, если признает это целесообразным, направить дело вместо порядка помилования, к новому пересмотру его в апелляционном порядке. Сделать это он может в любое время.

Обратная сторона процессуальных гарантий в английском праве. В заключение рассмотрения порядка производства дел с обвинительным актом нельзя не отметить, что было бы ошибочно переоценивать реальное значение тех многочисленных процессуальных гарантий, которые в нем установлены в интересах обвиняемого. Англо-американская доктрина насчитывает девять основных прав-гарантий обвиняемого, а именно: 1) право быть поставленным в известность о предмете и основании обвинения, 2) право иметь защитника, 3) право на гласный и скорый суд, 4) право на добросовестное и беспристрастное жюри, 5) право давать показания в свое оправдание и не быть принуждаемым к показанию против самого себя, 6) презумпция невинности и право быть осужденным лишь при отсутствии разумного сомнения в виновности, 7) право очной ставки со свидетелем, показывающим против обвиняемого, 8) право не быть дважды подвергнутым опасности осуждения за одно и то же деяние, 9) право на вторую инстанцию.

Кроме этих основных гарантий, немало есть других, менее существенных. Но, как весьма справедливо замечает Франквилль, эти гарантии напоминают прекрасные советы врача (не утомляться, хорошо питаться, дышать свежим

воздухом), которые приносят существенную пользу богатым, но которые звучат насмешкой для бедных.

Стесненный процессуальными формами обвиняемый, если ему не обеспечена формальная (т. е. через особого представителя) защита, бессилён перед средствами юридической техники, которыми владеет обвинитель. Именно это наблюдение дало Энгельсу повод заметить, что формы, установленные для защиты подсудимого, обращаются против него, если он слишком беден.

2.

Производство в судах суммарной юрисдикции. О порядке производства по делам суммарной юрисдикции в первой инстанции здесь достаточно сказать, что в общем он такой же, какой бывает в «полицейских судах» при предварительном рассмотрении дела, с той разницей, что цель производства в данном случае — не решение вопроса о направлении дела в суд для постановления по нему приговора, а самое постановление приговора.

Апелляция по делам суммарной юрисдикции. Основным видом пересмотра решений судов суммарной юрисдикции является апелляционный пересмотр их судами четвертных сессий.

Апелляция на справедливые приговоры, если не считать некоторых особо предусмотренных статутами исключений, не допускается.

Апелляция на обвинительные приговоры поставлена в зависимость от наказания, к которому присужден обвиняемый.

До последнего времени только ничтожный процент осужденных подавали жалобы на приговоры судов суммарной юрисдикции. Это находило себе объяснение вовсе не в том, что огромное большинство осужденных оставались довольными приговорами, а в той денежной ответственности, которая падала на осужденного в случае оставления его жалобы без последствий, и в том имущественном обеспечении этой ответственности, которое требовалось от апеллятора. В среднем это обеспечение определялось в 50 ф. стерлингов. Апеллятор должен был или представить эту сумму в качестве залога, или гарантировать ее уплату, в случае оставления жалобы без последствий, представлением поручительства.

Адвокат Тэрнтон, выступавший в палате общин в качестве докладчика по проекту нового (1933 г.) закона об апелляции по делам суммарной юрисдикции, закончил свою речь словами: «Англия — великая демократия, но что касается апелляционного обжалования приговоров судов суммарной юрисдикции, то в этом отношении ею принята система, которая была бы осуждена при любой форме правления, кроме плутократии».

По проекту закона, предложенного Тэрнтонем, предполагалась отмена материальных условий, ставивших обжалование приговоров судов суммарной юрисдикции в зависимость от денежных средств осужденного. Однако, в дальнейшем движении проект претерпел изменения. В результате размер ответственности, падающей на апеллятора в случае оставления его жалобы без последствий, должен быть по новому закону значительно меньше, чем тот, который устанавливался судом при прежней редакции закона, но все же возможность обжа-

лования ставится в зависимость от того, может ли обвиняемый представить гарантию выполнения обязательства, принимаемого им на себя при подаче апелляционной жалобы. По прежнему закон сохранил свой плутократический характер.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ЯПОНИИ¹

I.

Япония является буржуазно-помещичьим государством. Японский суд есть часть бюрократического аппарата самодержавной монархии микадо, прикрытой лжеконституционными формами. Он играет крупную роль в деле подавления трудящихся масс японского народа. Общее количество осужденных японскими судами в 1930 г., по официальным данным, было 286 127 чел., в то время как в 1926 г. их было 213 084, т. е. почти на 35% меньше. Организация судебной власти Японии определяется конституцией 1889 г., положением о судоустройстве 1890 г., уголовно-процессуальным кодексом 1923 г. и законом о суде присяжных 1923 года.

В японской конституции судебной власти посвящена специально пятая глава.

Ст. 67 устанавливает, что «судебная власть осуществляется судами имени императора».

Несменяемость судей провозглашается ст. 58 конституции:

«Судьями могут быть назначены лишь те лица, которые удовлетворяют качествам, требуемым законом. Ни один судья не может быть отрешен от своей должности иначе, как за деяния, наказуемые по приговору уголовного или дисциплинарного суда. Правила дисциплинарного производства определяются законом».

Эта статья выражала одно из основных буржуазных требований в организации судебной власти. Ею создается и поддерживается фикция о «независимости» суда, которую неоднократно разоблачали и Маркс и Ленин. Политический смысл рассматриваемого «принципа» организации суда прекрасно вскрывает Ленин в следующих словах: «Несменяемость же судей, с которой так носятся либеральные буржуа вообще и наши, российские в частности, есть лишь раздел привилегий средневековья между Пуришкевичами и Милюковыми, между крепостниками и буржуазией»². Японская конституция лишь фиксировала в ст. 58 этот раздел «привилегий средневековья» между «крепостниками и буржуазией». Получив доступ на судебские кресла, японская буржуазия защищала себя «принципом несменяемости» от феодальной японской бюрократии. Впрочем и феодальная бюрократия, как мы увидим ниже, не забыла защитить себя в конституции от представителей буржуазии, допущенных к выполнению судебных функций.

Ст. 59 конституции провозглашает публичность судебного процесса, но сопровождает это такими оговорками, которые сводят на-нет эту «конституционную гарантию».

«Разбирательство дел в судах и объявление

Но этого мало. Палата лордов сочла необходимым воздвигнуть плотину против напыва апелляционных жалоб в виде предоставления судам четвертных сессий права изменения приговора по жалобе осужденного в любую сторону, т. е. в стороны как уменьшения, так и отягчения его ответственности.

приговоров должно быть публично. Но если есть основание опасаться, что гласность может повредить общественному спокойствию и порядку или оскорбить общественную нравственность, то гласность судебного разбирательства может быть устранена согласно предписанию закона или постановлению суда».

Суды используют это постановление конституции для того, чтобы свою расправу с японскими революционерами, попавшими в руки «правосудия», творить по возможности при закрытых дверях. В полной тайне был проведен в Японии в 1911 г. известный политический процесс о «заговоре Контoku»; той же политики держится и теперь нередко японский суд в процессах по обвинению в участии в коммунистическом движении.

Ст. 61 содержит крайне важное постановление об ограничении судебной компетенции общегражданских судов: «Суды не могут входить в рассмотрение исков, касающихся нарушения прав незаконными действиями административных властей и подлежащих ведению административных судов, учрежденных специальным законом».

Комментаторы японской конституции указывают, что этим постановлением стремились утвердить «независимость административной власти от судебной». Политически это означало провозглашение безнаказанности полицейского произвола больших и малых агентов самодержавной монархии. Японская бюрократия устанавливала этим для себя «конституционные гарантии»... безответственности за самые вопиющие злоупотребления властью.

Согласно конституции японскому императору принадлежит право амнистии, помилования и смягчения наказания (ст. 16).

II

Судебная система Японии состоит из следующих судов: районный суд, окружной суд, областной, апелляционный суд, верховный суд. При каждой судебной инстанции имеется соответствующая прокуратура. Главой всей судебной системы и прокуратуры является министр юстиции.

Низшая судебная ячейка в Японии — едиличный районный судья. Районный судья является одновременно судьей и по гражданским и по уголовным делам.

Компетенция районного суда в уголовных делах определяется ст. 16 «Положения о судоустройстве». Районный суд рассматривает следующие уголовные дела: 1) все преступления, за которые устанавливается наказание в виде ареста или штрафа до 20 иен; 2) все кражи, по которым не требуется проведения предварительного следствия; 3) приобретение вещей, добытых путем кражи, а также присвоение потерянных вещей; 4) преступления, предусмотренные в уголовном кодексе ст.ст. 130 (незаконное вторжение в чужое владение), 175

¹ По материалам Института уголовной политики.

² Ленин, т. XXX, стр. 195.

(распространение безнравственных сочинений или изображений), 185—187 (добывание денег путем азартных игр или незаконных лотерей), 209 (неосторожное причинение телесного повреждения) и покушение на незаконное вторжение в чужое владение; 5) все преступления, по которым установлено наказание не свыше одного года каторги или тюрьмы или не свыше 300 иен штрафа.

Министр юстиции имеет право те или иные уголовные дела полностью или частично изъять из компетенции одного районного суда и перенести их на рассмотрение другого районного суда того же округа.

При каждом районном суде находится районная прокуратура. Обязанности прокурора при районном суде могут выполнять полицейские чиновники, офицеры и унтер-офицеры жандармерии и лесные чиновники. Министр юстиции может уполномочить выступать в качестве прокурора при районном суде отдельных судей, судебных практикантов или представителей районной, городской или деревенской администрации. Приговоры районного суда могут быть обжалованы в окружной суд.

Окружной суд является коллегиальным коронным судом. Он имеет одно или несколько гражданских и уголовных отделений. Каждый окружной суд возглавляется его председателем. Во главе каждого судебного отделения стоит директор. Окружной суд действует в составе коллегии из трех лиц. Министр юстиции ежегодно возлагает в каждом окружном суде на одного или нескольких судей обязанности производства предварительного следствия по уголовным делам, входящим в компетенцию этого суда.

При разборе уголовных дел окружной суд действует в качестве первой или в качестве второй инстанции.

В качестве суда первой инстанции компетенция окружного суда по уголовным делам распространяется на все дела, которые не входят в компетенцию районного суда или в особую компетенцию высших судебных органов.

В качестве суда второй инстанции компетенция окружного суда по уголовным делам распространяется на рассмотрение апелляционных жалоб, принесенных на приговора районного суда, и на рассмотрение обжалований частных определений и распоряжений районного суда, поскольку такое обжалование допускается законом.

При каждом окружном суде существует окружная прокуратура. Она возглавляется первым прокурором, который руководит всей работой прокуратуры и осуществляет надзор за деятельностью отдельных прокуроров данного судебного округа.

Приговоры и решения окружного суда могут быть обжалованы в областные суды.

Областной суд является также коллегиальным коронным судом. В его состав входят одно или несколько гражданских и уголовных отделений — сенаты. Каждый областной суд и каждый сенат возглавляются специальными президентами. Сенаты областных судов работают в составе коллегии из пяти лиц.

В компетенцию областных судов входит рассмотрение апелляционных жалоб, принесенных на решения окружных судов, действовавших в качестве первой инстанции, рассмотрение кассационных жалоб, принесенных на решения

окружных судов, действовавших в качестве второй инстанции, а также рассмотрение жалоб на частные определения и распоряжения окружных судов, поскольку такие обжалование разрешается законом. На территории Японии действует семь областных апелляционных судов в Токио, Осаки, Нагасаки, Санноро, Нагоя, Хиросима и Сендай.

При каждом областном суде находится областная прокуратура. Ее возглавляет старший областной прокурор, который руководит всей работой прокуратуры и осуществляет надзор за деятельностью отдельных прокуроров.

Верховный суд является высшим судом страны. В состав верховного суда входят несколько отделений (сенат), по гражданским и уголовным делам. Верховный суд и его сенаты возглавляются специальными президентами. Верховный суд действует в составе коллегии из семи лиц. Верховный суд является окончательной судебной инстанцией для кассационного обжалования приговоров областных судов, действующих в качестве апелляционной инстанции, а также для жалоб, принесенных на частные определения областных судов.

Кроме того, верховный суд действует в качестве суда первой и последней инстанции по политическим преступлениям, предусмотренным ст.ст. 73, 75, 77—79 действующего уголовного кодекса¹, и по всем преступлениям, совершенным членами царствующего дома, если за эти преступления уголовный кодекс угрожает тюрьмой или более суровым наказанием.

Местонахождение верховного суда является г. Токио.

Толкование закона, высказанное верховным судом, при разрешении какого-либо конкретного дела, обязательно для нижестоящих судебных органов лишь при разборе данного дела. Когда при кассационном разбирательстве сенат верховного суда выносит решение, противоречащее его прежним решениям, то он обязан поставить об этом в известность президента верховного суда. Последний в зависимости от характера дела созывает пленум всех членов уголовного или гражданского сената, или того и другого вместе для общего обсуждения дела и вынесения по нему определенного решения.

При верховном суде имеется своя прокуратура. Она возглавляется генерал-прокурором, который вместе с тем является и главой всей японской прокуратуры. Генерал-прокурор непосредственно руководит работой прокуратуры при верховном суде.

III.

Допущение к занятию должности судьи или прокурора может последовать по общему правилу лишь после прохождения двух специальных конкурсных испытаний. Такие испытания не требуются для лиц, которые были в течение трех или больше лет адвокатами или же профессорами юридических факультетов одно-

¹ Ст. 73 УК предусматривает посягательство на императора, императрицу, наследника престола, мать и бабушку императора, ст. 75 УК предусматривает посягательство на членов царствующего дома, ст.ст. 77—79 УК предусматривают участие в восстании против существующего строя.

го из императорских университетов. Лица, окончившие в университетах курс юридического факультета, могут быть назначены без прохождения первого испытания на должность судебных практикантов.

Президент верховного суда назначается из числа высших судебных чинов непосредственно императором. Президент каждого областного суда и президент сенатов верховного суда назначаются императором по представлению министра юстиции из числа высших судебных чинов. Все остальные судьи непосредственно назначаются распоряжением министра юстиции.

Для того чтобы быть назначенными на должность судьи областного суда, необходимо пробыть не менее пяти лет судьей, прокурором, адвокатом или профессором юридического факультета одного из императорских университетов. Для того чтобы быть назначенным на должность судьи верховного суда, требуется десятилетний стаж работы судьей, прокурором, адвокатом или профессором юриспруденции.

Судьи в продолжении своей служебной деятельности не должны: 1) публично заниматься политикой, 2) быть членами политических партий, политического общества и членами представительных учреждений страны, провинции округа, города или сельской общины, 3) занимать какие-либо публичные платные должности, 4) заниматься торговлей или другими профессиями, которые специальными распоряжениями запрещены государственным чиновникам. Эти положения японского государства должны обеспечить «безпристрастие» японских судей. Впрочем, это несколько не мешает им с чрезвычайной мягкостью относиться к фашистским убийцам и со всей свирепостью обрушиваться на лиц, питающих хотя бы самые отдаленные симпатии к коммунистическим идеям.

В развитие японской конституции, провозглашенной «несменяемость» судей, положение о судостроительстве содержит ряд специальных постановлений. Назначение на должность судьи является пожизненным. Судья без его согласия не может быть переведен на другую государственную службу. Он не может быть ни снят со своей должности на определенное время, ни получить полную отставку со службы иначе как в результате возбужденного против него уголовного или дисциплинарного производства.

Назначение прокуратуры, так же как и назначение судей, находится в полном распоряжении министра юстиции. Генерал-прокурор при верховном суде и старшие прокуроры областных судов назначаются императором по представлению министра юстиции из числа высших членов прокуратуры. Все остальные прокуроры назначаются непосредственно распоряжением министра юстиции. Прокуроры не должны вмешиваться в деятельность судей и не могут выполнять никаких судебных обязанностей.

Увольнение прокурора от должности может быть произведено самим министром юстиции, так как чины прокуратуры не пользуются привилегией судебной несменяемости. Генерал-прокурор, старший областной прокурор и первый прокурор окружного суда могут, если найдут это необходимым, лично заниматься всеми вопросами, входящими в компетенцию прокуратуры соответствующего суда. Они имеют

также право передавать какие-либо обязанности одного прокурора другому прокурору. Судебная полиция обязана выполнять все распоряжения прокуратуры, изданные в пределах ее компетенции.

Министерство юстиции или прокуратуры, с одной стороны, и министерство внутренних дел или провинциальная администрация, с другой стороны, должны по взаимному соглашению выбрать тех политических чиновников, которые в округе каждого суда берут на себя исполнение обязанностей судебной полиции.

Министр юстиции назначает сам не только всех прокуроров и судей, но и судебных секретарей. Чтобы получить звание судебного секретаря, требуется сдать специальное испытание по программе, установленной министерством юстиции. Министром юстиции назначаются и судебные исполнители. Министр юстиции может передать президенту областного суда свое право назначать судебных исполнителей для всех судов данной области. На должность судебного исполнителя назначаются лица, прошедшие специальное испытание. Судебный исполнитель получает за каждое служебное действие специальное вознаграждение. Если общая сумма его сборов не доходит до определенных размеров, то ему доплачивается эта разница. Судебные исполнители выполняют предписания судебных секретарей.

IV

Заседание суда происходит публично. Публичность судебного процесса, как мы видели, гарантирована конституцией. Однако ею же гарантировано и исключение из этого правила. По положению о судостроительстве суд при закрытии дверей судебного заседания во время процесса должен об этом решении сообщить присутствующей в зале публике и указать основания закрытия дверей суда. Приговор суда должен быть объявлен всегда публично. Председательствующий имеет право допустить отдельных лиц для присутствия в зале судебного заседания тогда, когда судебный процесс проходит при закрытых дверях. При публичном судебном разбирательстве председательствующий может удалить из залы суда женщин, детей и лиц, одетых неподобающим образом. Причины удаления должны быть отмечены в судебном протоколе. Председательствующий может также удалить из заседания лиц, мешающих производству дела или ведущих себя непристойно. Он может этих лиц подвергнуть аресту до конца заседания и наложить на них после этого штраф или подвергнуть их аресту сроком на пять дней. Председательствующий может лишить адвоката, непристойно отзывающегося о суде, права продолжать свою дальнейшую защиту по делу.

Японский суд и прокуратура возглавляются министром юстиции. Министр юстиции осуществляет свое право по управлению судебными учреждениями через президентов всех коллегияльных судов, районных судей, генерал-прокурора, старшего прокурора областных судов и первых прокуроров окружных судов. Осуществление надзора за деятельностью судебных учреждений происходит по следующим правилам: 1) министр юстиции осуществляет надзор за всеми судами и всей прокуратурой; 2) президент верховного суда осуществляет надзор

за всей деятельностью верховного суда; 3) президент областного суда осуществляет надзор за деятельностью областного суда и всех нижестоящих судов данной области; 4) президент окружного суда осуществляет надзор за деятельностью окружного суда, его финансовых отделений в других местах и за всеми судами, находящимися в его округе; 5) районный судья осуществляет надзор за деятельностью судебного секретаря и судебного исполнителя; 6) генерал-прокурор верховного суда осуществляет надзор за деятельностью всей нижестоящей прокуратуры; 7) старший прокурор областного суда осуществляет надзор за деятельностью прокуратуры этого суда и за деятельностью прокуратуры всех судов, входящих в данную область; 8) первый прокурор окружного суда осуществляет надзор за деятельностью прокуратуры этого суда и за деятельностью всей прокуратуры, находящейся в данном округе.

В чем выражается право надзора за деятельностью суда и прокуратуры перечисленных выше лиц?

Оно состоит, во-первых, в праве делать нижестоящим судебным чинам указания на их неудовлетворительные или незаконные действия и давать директивы о правильной их деятельности. Надзор выражается, во-вторых, в праве делать нижестоящим судебным чинам внушения по поводу всего их служебного или неслужебного поведения, если оно не отвечает требованиям и достоинству занимаемой им должности. Перед тем как сделать такое внушение, от провинившегося чиновника, требуют объяснений по поводу предъявленных ему обвинений. В более серьезных случаях виновный подлежит дисциплинарной ответственности.

Японское положение о судеустройстве специально оговаривает, что надзор за судебной деятельностью не должен ограничивать права судьи по выполнению его судебных обязанностей, ни влиять на содержание его деятельности. Однако права по надзору министра юстиции за японскими судами противоречат этим добрым пожеланиям. Он является завершением общей бюрократической формы организации судебной власти в Японии. Способы подбора и назначения судей властью министра юстиции ясно показывают, что японские судьи—это судьи-чиновники, находящиеся в полном распоряжении правящей бюрократии. Само японское судеустройство красноречиво разоблачает провозглашенную японской конституцией фикцию «независимости» суда: министр юстиции открыто вмешивается своими циркулярами в деятельность японского суда. В качестве примера этого можно указать установление таким путем «административных гарантий» в отношении уголовного преследования японских бюрократов в тех многочисленных случаях, за которые они подлежат уголовной ответственности по уголовному кодексу. Циркуляр министерства юстиции еще в 1920 г. предложил, чтобы дела о предании суду всех более или менее крупных чиновников возбуждались лишь после предварительной санкции на то министра юстиции.

Японский судебный аппарат является послушным орудием в руках господствующих классов и правящей бюрократии. Он вспоминает о своей «независимости» лишь в редких слу-

чаях, когда дело непосредственно касается их кармана. В 1931 г. государственным служащим в Японии было произведено общее понижение жалования для сокращения государственных расходов. Японские судьи воспротивились своей «независимости» и, несмотря на «патриотические» мотивы производимого снижения зарплаты, потребовали для себя изъятия из общего правила. Это «движение» японских судей возглавили токийские судьи. Правительство в конце концов признало независимость жалования японских судей от судейской зарплаты всех других чиновников. Этим «принципиальные» споры о «независимости» японского суда полностью исчерпались.

V.

Судебный процесс в Японии строится на составительном начале. Обвиняемый в судебном заседании может пользоваться услугами защиты. Защитник должен быть избран из числа адвокатов, внесенных в специальный список, находящийся в прокуратуре окружного суда. От суда зависит допустить к защите вместо профессионального адвоката и всякое другое лицо. При отсутствии у обвиняемого защиты, она может быть назначена судом. В случае несовершеннолетия, глухонмоты, душевной болезни, а также во всех случаях, когда обвиняемой является женщина, участие защиты в судебном процессе является безусловно обязательным. По новому уголовно-процессуальному кодексу 1923 г. обвиняемый может выбрать себе защитника с момента решения прокуратуры о предании его суду. Однако это не значит, что защита допускается на предварительном следствии. Следственный судья может лишь допустить присутствие защиты при допросе тех свидетелей, которых он не считает возможным вызвать в суд, и разрешить защите ознакомиться с вещественными доказательствами на предварительном следствии. Осужденные, содержащиеся под стражей, не могут до передачи дела в суд видаться или переписываться между собой. По старому уголовно-процессуальному кодексу защита во время судебного заседания имела право задавать вопросы свидетелям и обвиняемому лишь через председателя. Новый уголовно-процессуальный кодекс предоставляет защите право самой задавать вопросы обвиняемому и свидетелям, но лишь с предварительного разрешения председателя. Практика показывает, что фактически новый уголовно-процессуальный кодекс не изменил сколько-нибудь заметно положение защиты на суде.

Новый японский уголовно-процессуальный кодекс значительно расширил власть японской прокуратуры. От прокуратуры ныне зависит передать начатое уголовное дело непосредственно в суд или предложить провести по нему предварительное расследование.

Согласно ст. 279 действующего уголовно-процессуального кодекса многие дела могут быть прекращены прокуратурой за нецелесообразностью их судебного разбирательства. При этом основания для прекращения могут быть весьма разнообразны — характер, возраст, окружение обвиняемого, обстоятельства дела и поведение обвиняемого после совершения преступления. Прекращение дела может последовать не только по решению прокурора,

но и путем непосредственного распоряжения министра юстиции. Обвиняемому вместо судебного преследования может быть предложено в некоторых случаях каким-либо путем заглаживать совершенное преступление. Эти широкие права японской прокуратуры создают возможность и для широкого злоупотребления властью.

Председатель в судебном заседании обязан установить все обстоятельства, неблагоприятные для подсудимого. Сознанию обвиняемого придается исключительное значение среди судебных доказательств.

После признания обвиняемого в районном суде может быть прекращено дальнейшее судебное следствие, если против этого не возражает обвинение.

Судебные приговоры районного и окружного судов могут быть обжалованы в апелляционном порядке в пятидневный срок. Обжаловать его может и прокуратура и защита или сам обвиняемый. Обжалование может касаться как всего приговора в целом, так и его части. Обжалование приговора прокурором может быть и в интересах самого обвиняемого.

Кассационное обжалование приносит на приговоры окружного и областного судов, действующих в качестве судов второй инстанции. Кассационное обжалование может быть произведено в трехдневный срок по вынесению приговора. Основанием для кассации могут быть лишь нарушение закона. Поводы кассации специально указаны в уголовно-процессуальном кодексе. Кассационное обжалование может быть принесено любой стороной уголовного процесса.

В ряде случаев, специально указанных в законе, на отдельные судебные определения могут быть принесены частные жалобы. Жалобы эти рассматриваются непосредственно вышестоящим судом. Их решения дальнейшему обжалованию не подлежат. Срок для частных жалоб установлен трехдневный. Решение судов, рассматривающих частные жалобы, выносятся после заслушания заключения представителя государственного обвинения.

VI.

Организация судебной власти в Японии до недавнего времени строилась исключительно на принципе корриного суда. Лишь в 1923 г. японское законодательство пытается внести в организацию судебной власти некоторые изменения: 18 апреля 1923 г. был издан специальный закон о введении суда присяжных. Он вошел в действие после больших проволочек лишь с 1 октября 1928 г. Издание этого закона находится в связи с той общей внутренней политикой господствующих классов Японии, которую они проводили в первое десятилетие после окончания мировой войны. Для борьбы с развитием революционного движения в стране правящие классы Японии принуждены были наряду с усилением репрессий против всех революционных элементов в городе и деревне маневрировать. Для этого они проводят ряд незначительных «либеральных» реформ в деле успокоения мелкой буржуазии. Таким путем они стремились расколоть, ослабить и разбить нарастающее массовое революционное движение. Таков политический смысл изданного в 1925 г. закона о «всеобщем» избиратель-

ном праве, введение в том же году принудительного арбитража по аграрным конфликтам и т. п. Одним из выражений этой политики в области организации судебной власти было издание закона о суде присяжных.

Но компетенция японского суда присяжных крайне ограничена. Участие суда присяжных в разборе дел, входящих в его компетенцию, носит при этом не обязательный, а факультативный характер. Суд присяжных допускается в силу закона по тем преступлениям, за которые установлена в законе смертная казнь, пожизненная каторга или пожизненная тюрьма (ст. 2) и лишь при условии, если против участия присяжных в разборе дела не возражает сам обвиняемый (ст.ст. 2 и 6).

По преступлениям, за которые закон грозит срочной каторгой или тюремным заключением на срок свыше трех лет, если эти дела входят в компетенцию окружного суда, допускается участие присяжных заседателей, но лишь по требованию самого обвиняемого.

Однако, и из этих общих правил закон тотчас делает ряд важных исключений. Из ведения суда присяжных исключаются все преступления, имеющие политический характер. Не подлежат рассмотрению суда присяжных все преступления, входящие в компетенцию верховного суда, когда он действует в качестве суда первой инстанции (см. выше). Не подлежат ведению суда присяжных дела по преступлениям, предусмотренным первым, вторым, третьим, четвертым и восьмым отделами особенной части уголовного кодекса, дела о посягательствах против императорской фамилии, бунт, измена, враждебные действия против иностранного государства, волнения. Не подлежат ведению суда присяжных дела, касающиеся нарушения военной тайны, какими бы законами они ни были предусмотрены. Не подлежат ведению суда присяжных дела о нарушении закона об избирательных правах.

Обвиняемый имеет право отказаться от рассмотрения дела с участием присяжных или взять обратно свое требование о привлечении присяжных заседателей к рассмотрению его дела. В этих случаях суд не имеет права допускать рассмотрение дела с участием присяжных заседателей.

Сознание обвиняемого в совершенном преступлении, данное до открытия судебного заседания, устраняет возможность рассмотрения дела с участием присяжных заседателей. При признании обвиняемого, данным во время судебного заседания, дальнейшего участия присяжных в судебном процессе может иметь место лишь в том случае, когда отсутствует сознание других обвиняемых по настоящему делу. Таким образом японский закон о суде присяжных придает факту сознания обвиняемого характер формального доказательства.

Вынесенный присяжными заседателями обвинительный или оправдательный приговор не является абсолютно обязательным для суда. Если суд находит ответ присяжных неправильным, то он может вынести решение о рассмотрении дела вновь с другим составом присяжных заседателей.

Этим система суда с присяжными заседателями в Японии существенно отличается от западно-европейского суда присяжных

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ, СНЯТИИ СУДИМОСТИ И ВСЕХ ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЖДЕНИЕМ РЯДА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ В СВОЕ ВРЕМЯ В СВЯЗИ С САБОТАЖЕМ, ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ВЫПУСКОМ ТРУДОВЫХ ЗАЙМОВ, БОН И ПРОЧИХ ДЕНЕЖНЫХ СУРРОГАТОВ

В период хлебозаготовок 1932—1933 гг. в некоторых районах СССР ряд должностных лиц не только не сумели организовать надлежащего отпора кулацкому саботажу по выполнению обязательств перед советским государством по хлебопоставкам, но и допустили ряд антигосударственных действий, выразившихся в нарушении служебного долга, бездействии, прямом попустительстве и даже злоупотреблениях своим должностным положением в ущерб интересам государства.

Подобного рода должностные преступления были совершены отдельными должностными лицами и в других областях государственного строительства и, в частности, в период 1933—1934 гг., в области коммунального и финансового хозяйств, путем незаконного выпуска различного рода трудовых займов, бон и других денежных суррогатов.

Виновные в указанном выше нарушении служебного долга, должностные лица были в свое время сняты с работы, отданы под суд и осуждены к различным мерам уголовного наказания. Это послужило серьезным уроком для служащих государственного советского аппарата и имело своим последствием значительное укрепление служебной дисциплины.

Имея в виду, что совершенные указанными выше должностными лицами преступления не были связаны с какими-либо корыстными мотивами и являлись в подавляющем большинстве случаев результатом неправильного понимания осужденными своих служебных обязанностей, — Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет:

1. Освободить от дальнейшего отбывания наказания должностных лиц, осужденных по ст. 58^а, 109, 111, 112, 128 и др. УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик за преступления, связанные с хлебозаготовительными и иными сельскохозяйственными кампаниями периода 1932—1933 гг., или подвергнутых уголовным наказаниям за те же преступления в административном порядке.

2. Прекратить дальнейшее производство уголовных дел, а в отношении уже осужденных освободить от отбывания дальнейшего наказания должностных лиц, осужденных или преданных суду за выпуск трудовых займов, бон и других денежных суррогатов.

3. Предложить прокурорам союзных республик и верховным судам союзных республик представить в месячный срок на рассмотрение ЦИК'ов союзных республик списки лиц, осужденных за аналогичные преступления и подлежащих в силу настоящего постановления освобождению от дальнейшего наказания и снятию судимости и всех связанных с их осуждением правоограничений.

Председатель Центрального Исполнительного комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Центрального Исполнительного комитета Союза ССР
И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль,

11 августа 1935 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР О РАБОТЕ СУДОВ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО КРАЯ

Проверив работу Александровского, Воронцово-Александровского, Архангельского, Пятигорского народных судов и Северокавказского краевого суда, а также учтя проверенные материалы о деятельности остальных нарсудов края (без автономных областей) — Комиссия советского контроля считает установленным:

Работа народных судов, и в особенности Александровского и Воронцово-Александровского, крайне неудовлетворительна: суды не имели в своей практической работе четкой политической установки, рассматривали поступившие к ним дела от случая к случаю, без учета важнейших на каждый период хозяйственно-политических задач; дела, связанные с весенним севом 1935 года и с госпоставками 1934 г. до сих пор не закончены; необеспечена необходимая гласность дел общественно-политического значения; при совершенно неудовлетворительном ходе мясо- и молокопоставок 1935 г. по Александровскому и Воронцово-Александровскому районам — никто из невыполнивших гособязательств не осужден.

Народные суды систематически месяцами задерживали рассмотрение большинства переданных им уголовных дел, чем снижали общественно-политическое значение выносимых ими решений. Александровский нарсуд задерживал 70 проц. законченных следствием уголовных дел по 2—5 месяцев; Воронцово-Александровский нарсуд затягивал разбор части дел до 6-ти месяцев; одновременно суды допустили массовое и без разбора прекращение уголовных дел; Александровский нарсуд прекратил за один только день 56 дел, в том числе на расчитителей колхозной собственности, кулаков, скрывавших оружие и злостных спекулянтов.

Суды не делали выводов из состояния преступности в районе и, извращая карательную политику, сплошь и рядом снижали установленное законом наказание за хищения, спекуляцию, хулиганство, обворовывание потребителя; при росте растрат и хищений в потребкооперации Александровского района (100 случаев за год) в 1935 г. осужден один человек; Воронцово-Александровский и другие нарсуды оставляли расхитителей и растратчиков безнаказанными или приговаривали к исправительным работам по месту службы.

В то же время имеет место безосновательное осуждение трудящихся за совершенно незначительные проступки (дело колхозницы Недодоровой, учителей Обозюк и Сазонова по Буденновскому району).

В ряде случаев суды, вопреки требованиям закона, не вручали обвинительных заключений, задерживали месяцами или вовсе не передавали приговоров на исполнение (Александровский, Питигорский, Воронцово-Александровский нарсуды). Этими вопросами судьи сами не занимались и возложили их на делопроизводителей.

Краевой суд не обеспечил руководства народными судами и вел свою работу также неудовлетворительно: ограничился циркулярами, не проверял работы народных судов, не давал выводов из их отчетов, сигнализировавших об искажениях и волоките, систематически отменял по ряду нарсудов (Шпаковский, Спицевский, Нагутский и др.) 40—50 проц. приговоров, но не исправлял их работы в целом, и, таким образом, вместо руководства нарсудами, регистрировал их нарушения.

Краевой суд не обеспечил подбора и повышения квалификации народных судей, не знал своих кадров настолько, что рекомендовал районам беспартийных судей, как членов партии, не учил малоопытных судей и допустил к судебной работе лиц, политически и юридически неграмотных, незнакомых с важнейшими решениями партии и правительства, не знающих законов, не читающих даже газет.

Крайсуд не устранил допущенных нарсудами извращений судебной политики, штамповал их ошибки: например, только в трех случаях Крайсуд отменил приговоры нарсудов, осудивших 312 растратчиков, вопреки закону, к исправительным работам по месту службы, не реагировал на искажения законов о борьбе с хулиганством, со спекуляцией, где нарсуды не направили репрессии прежде всего против торгашеских и кулацких элементов.

Краевой суд не только не боролся с волокитой в нарсудах, но и сам затягивал рассмотрение кассационных дел в среднем еще на месяц, а разбор подсудных ему дел до 3-х и более месяцев; переданные краевым судом на вторичное рассмотрение дела месяцами не пересматривались или сдавались в архив.

Районная и краевая прокуратуры не осуществляли надзора за работой судов, не протестовывали их незаконных действий, не проверяли выполнения приговоров, оставляли безнаказанными нарушителей революционной законности.

Комиссия советского контроля постановляет:

1. Председателя Северокавказского краевого суда Фиолетова С. И., не обеспечившего руководства народными судами и допустившего волокиту и искажения в работе краевого суда,—

снять с работы со смещением на низшую должность.

Учитывая непродолжительность работы краевого прокурора т. Гарина, ответственного за неудовлетворительное состояние судебного надзора в районных и краевой прокуратуре, — ограничиться в отношении его предупреждением.

Предложить народному комиссару юстиции РСФСР т. Крыленко пересмотреть состав членов Северокавказского краевого суда и в месячный срок укрепить его соответствующими кадрами.

2. Народного судью Александровского района Засыпкина М. А. за преступную волокиту, необоснованное механическое прекращение уголовных дел и допущенные извращения — с работы снять и передать суду. Вопрос о партийном положении Засыпкина передать Северокавказскому крайкому ВКП(б).

Прокурора Александровского района Бурмистрова И. П. за бездействие, неосуществление надзора, неопротестовывание неправильных действий суда и санкционирование необоснованного прекращения уголовных дел — с работы снять и передать суду. Вопрос о партийном положении Бурмистрова передать Северокавказскому крайкому ВКП(б).

3. Народного судью Воронцово-Александровского района Лебедева Г. К. за бездеятельность, допущенную им волокиту и нарушение советских законов — снять с работы с запрещением работать в судебно-следственных органах.

Райпрокурора Воронцово-Александровского района Семенова Г. И. за бездеятельность, неосуществление надзора и неопротестовывание неправильных действий суда — снять с работы с запрещением работать в судебно-следственных органах.

4. Отметить слабое руководство и отсутствие проверки работы Северокавказского крайсуда со стороны Верховного суда РСФСР (председатель т. Булат).

Предложить т. Булату: принять немедленные меры к устранению указанных в настоящем постановлении нарушений и искажений в судах Северокавказского края, изжитию судебной волокиты и повышению юридической и политической квалификации судей.

Председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР **Н. АНТИПОВ**

Секретарь бюро Комиссии советского контроля **МАНФРЕД**

О ВЫПУСКЕ ОБЕДЕННЫХ АБОНЕМЕНТОВ

Из поступающих с мест донесений видно, что органы прокуратуры возбуждают уголовное преследование во всех случаях выпуска предприятиями общественного питания (столовые, рестораны и пр.) обеденных абонементов и т. п., квалифицируя эти действия как выпуск денежных суррогатов.

Между тем, постановлением НКВнуторга СССР 3/VI 1935 года за № 435 установлен такой порядок, по которому в столовых закрытого и специального типа (школьные, дитячьи, ИТР и др.) допускается продажа именных месячных, полумесячных и декадных абонементов на завтраки, обеды и ужины. Од-

новременно НКВнторгом, по согласованию с НКФ СССР, изданы формы таких абонементов.

Помимо того, Главным управлением столовых НКВнторга СССР, также по согласованию с НКФ СССР, 4/VI № 23/03 всем начальникам объединений и директорам трестов столовых дано разъяснение, что в тех случаях, когда предприятия и учреждения выдают дотацию на питание отдельных категорий работников, оплата абонементов может производиться как путем взноса учреждением или предприятием полной стоимости абонементов с последующим расчетом за них с рабочими и служащими, так и путем взноса только доплаты, которая идет за счет учреждений или предприятий с тем, что остальная стоимость абонементов оплачивается непосредственно потребителями в кассы столовых.

Прокуратура Союза ССР предлагает принять к сведению указанное постановление НКВнторга СССР по вопросу о пределах возможного применения в столовых и ресторанах закрытого и специального типа системы обеденных абонементов и не возбуждать в указанных случаях уголовного преследования за отсутствием в них состава преступления.

Одновременно, Прокуратура Союза обращает ваш. внимание на необходимость борьбы с практикой расширительного толкования этого постановления и распространения системы абонементов на прочие предприятия общественного питания. Во всех этих случаях необходимо привлекать виновных к уголовной ответственности за выпуск денежных суррогатов по закону 31 мая 1935 года.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

13 июля 1935 г.
№ 69/8.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ОБЛАСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА

При проверке Прокуратурой Союза ССР работы Прокуратуры Западносибирского края по борьбе с преступностью в области животноводства и выполнения Прокуратурой Ленинградской области указаний о борьбе с фактами нарушения животноводческими хозяйствами ветеринарных мероприятий было установлено:

1) что в ряде мест не выполняется решение июльского пленума ЦК ВКП(б) о животноводстве, в части предоставления льгот по мясопоставкам колхозникам колхозов, животноводческие фермы которых одновременно выполняют свои обязательства по мясопоставкам;

2) что в отдельных животноводческих хозяйствах не ведется должной борьбы с фактами грубого нарушения ветеринарно-зоотехнических мероприятий.

В связи с этим Наркомзем СССР и «Союззаготскот» дали по линии подведомственных им органов указания, копии которых вам сообщаются.

Предлагаю обеспечить надзор органов прокуратуры за проведением в жизнь постановления июльского пленума ЦК ВКП(б) о предоставлении льгот колхозникам по мясопоставкам и за осуществлением ветеринарно-зоотех-

нических правил, привлекая к ответственности лиц, виновных в нарушении этих мероприятий.

В сентябре с. г. в Президиуме ЦИК Союза будет стоять вопрос о работе советов, их секций и депутатских групп по выполнению планов по животноводству и, в частности, по практическому применению ими льгот, установленных по животноводству. В связи с этим предлагаю представить мне не позднее 1 сентября с. г. материалы, характеризующие борьбу органов прокуратуры по этим вопросам.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

28 июля 1935 г.
№ 75/9.

О БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ В ОРГАНАХ СВЯЗИ

Циркуляром 21 июня 1934 г., изданным Прокуратурой Союза ССР совместно с народным комиссариатом связи, предлагалось «принимать к производству немедленно дела о хищениях и злоупотреблениях в органах связи с обязательным, как правило, расследованием не позже двухдекадного срока; обеспечить организацию внимания широкой советской и, в частности, связистской общественности к процессам, представляющим общественно-политический интерес».

До сих пор, однако, эти указания выполняются далеко недостаточно и далеко не всеми прокуратурами.

На последней радиоперекличке выяснились крайне неудовлетворительная работа прокуратуры Северокавказского края, где она по делам связи почти бездействует, а также крайняя медленность и безрукость в ведении следствия по этим делам в работе прокуратуры Воронежской области.

Вынужден также констатировать плохую работу в этой области прокуратуры Грузинской республики и особенно плохую работу прокуратуры Казакской республики.

Эти прокуратуры не только крайне затягивают расследование по преступлениям в органах связи, но и упорно отмачиваются по всем запросам Прокуратуры Союза.

За последние дни в Прокуратуру Союза поступила телеграмма от начальника Дальневосточного управления связи, который жалуется на полное бездействие прокуратуры этого края в борьбе с хищениями и растратами в органах связи.

Предлагаю:

1) Прокурору ДВК т. Чернину немедленно представить мне отчет о своей работе по борьбе с преступлениями в учреждениях связи.

2) Всем прокурорам союзных республик а) предлагаю обратить особенное внимание на ведение следствия по делам о хищениях и растратах в органах связи, проводя его в особенно ускоренном порядке, что однако ни в какой мере не должно отражаться на качестве следствия; б) обеспечить при рассмотрении дел в судах о хищениях и растратах в органах связи активное участие прокуратуры. Обеспечить своевременное осведомление о судебных процессах печати и профессиональной организации.

Предупреждаю, что впредь ко всем прокурорским работникам, невнимательно относя-

щимся к борьбе с преступностью в области связи, Прокуратурой Союза будут применены самые решительные меры дисциплинарного, а в необходимых случаях и судебного воздействия.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

28 июля 1935 г.

№ 76/21.

О ПЕРЕРАБОТКЕ ЧЕРСТВОВОГО ХЛЕБА

Постановлением 2/III 1935 г. Совет народных комиссаров СССР обязал хлебозаводы и пекарни принимать для переработки от торговых организаций остающийся черствый хлеб. Этим же постановлением Санитарной инспекции предложено выработать санитарные правила переработки этого хлеба и наблюдать за соблюдением их.

Проверка, поризведенная Комиссией сов. контроля (пост. бюро КСК при СНК СССР 9/VII 1935 г. № 325) показала, что постановление СНК СССР 2/III не выполняется.

Установлено, что санитарные правила переработки, хранения и перевозки черствого хлеба хлеботоргующими и хлебовыпекающими организациями систематически не выполняются. В частности вскрыты массовые случаи продажи черствого хлеба потребителям, антисанитарного хранения и порчи хлеба.

Органы прокуратуры и суда не уделяют должного внимания борьбе с нарушениями постановления СНК СССР 2/III, в частности затягивают расследование и рассмотрение дел о нарушениях санитарных правил.

В дополнение к телеграфному распоряжению 10 января 1935 года об усилении борьбы с антисанитарным состоянием хлебовыпекающих организаций — **предлагаю:**

1. Привлекать к уголовной ответственности злостных нарушителей пост. СНК СССР 2/III 1935 г., особенно руководителей хлебовыпекающих предприятий, нарушающих санитарные правила переработки хлеба, квалифицируя их действия по ст.ст. 111, 109 УК РСФСР, в зависимости от конкретных обстоятельств дел (и соот. ст.ст. УК других союзных республик).

2. Установить, что расследование и рассмотрение этих дел должно продолжаться не более 15 дней с момента возникновения их.

О В/мероприятиях по выполнению настоящего циркуляра сообщите к 20 августа.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

3 августа 1935 г.

№ 77/8.

ПРИКАЗ

Прокурора Союза ССР

9 августа 1935 г.

№ 428.

Москва

8 мая 1934 г. в военную прокуратуру Забайкальской ж. д. поступила из Главной военной прокуратуры жалоба осужденного в 1933 г. военным трибуналом Забайкальской ж. д. быв. дежурного по ст. Хилок Рыбакова. Рыбаков был осужден по признакам ч. 2 ст. 59^{3в} к расстрелу. Определением военной коллегии рас-

стрел заменен Рыбакову 10 годам лишения свободы.

Рыбаков в своей жалобе приводил ряд фактов, которые не были своевременно известны трибуналу и военной коллегии, помимо этого указал (приводя конкретные факты, которые просил расследовать), что все это дело возбуждено против него уполномоченным Транспортного отдела ОГПУ ст. Хилок на почве личных счетов.

Поскольку в жалобе сообщалось о ряде моментов, которые не были своевременно известны трибуналу и военной коллегии, Главная военная прокуратура предложила военному прокурору Забайкальской дороги расследовать эти моменты и в случае открытия новых обстоятельств направить дело в порядке ст. 378 УПК РСФСР.

Военный прокурор Забайкальской дороги т. Сапожников, получив предписание Главной военной прокуратуры и жалобу Рыбакова, истребовал дело Рыбакова из ВТ Забайкальской дороги и направил его 15 мая 1934 г. Нач. ДТО ОГПУ Забайкальской дороги вместе с жалобой Рыбакова для расследования сообщаемых Рыбаковым фактов.

8/VII 1934 г., почти через 2 месяца послесылки жалобы в ДТО, военный прокурор дороги просит ДТО ускорить расследование.

3/VIII (еще через месяц) и. о. прокурора Цыганков вновь просит нач. ДТО (согласно личных с ним переговоров) ускорить расследование по жалобе Рыбакова.

1/IX. Секретарь прокуратуры Качанов, видя исключительную волокиту с разрешением этого дела, нишет в адрес прокурора дороги рапорт: «Прошу принять меры к выполнению ДТО наших предложений, в числе этих предложений и расследование по жалобе Рыбакова».

2/IX. На этом рапорте резолюция зам. В. П. Цыганкова: «Говорил с Артигиным и Калачиновым (работники ДТО), обещали все, что у них есть, вышлют сегодня. Остальное по мере поступления».

14/IX. Опять донесение Казачкова: «На сегодня ни по одной бумаге так и нет ответов».

16/IX. На этом донесении новая резолюция Цыганкова (а с момента получения жалобы Рыбакова прошло уже 4 месяца) «Напомнить еще раз... Просить воздействовать» и т. д.

19/IX. (Прошел еще месяц). Записка секретаря Казачкова: «Нельзя ли поручить т. Федорову (пом. В. П. дороги) заняться этим, так как есть поручение ГВП, о Рыбакове».

На этой записке резолюция Д. Т. Сапожникова: «Поручить Федорову. Т. Цыганков, прошу этот вопрос быстро разрешить. Сапожников».

22/X. На этом же надпись зам. прокурора Цыганкова: «Получил 22/X».

Сегодня же выезжаю на линию, разрешить вопрос не могу».

Так месяцами тянулась эта позорная бумажная канитель, спокойно переписывались находящиеся в одном городе воен. прокуратура Забайкальской дороги и ДТО ОГПУ этой дороги; секретарь прокуратуры, отчаявшись добиться толку от работы своих начальников, писал им рапорта, прокурор Сапожников и его б. заместитель Цыганков «накладывали» на этих рапортах всякого рода резолюции, но

для того, чтобы добиться расследования очень серьезной жалобы живого человека, ни Сапожников, ни Цыганков решительно ничего не сделали.

Но если до октября месяца по этому поводу хоть шла какая то «переписка», то с октября 1934 г. по май 1935 года, несмотря на ряд запросов Главной военной прокуратуры, прокуратура Забайкальской дороги совсем ничего не делала. По свидетельству секретаря прокуратуры Казачкова, в январе 1935 года Цыганков, в присутствии прокурора Сапожникова, указал ему, что все претензии к ДТО за 1934 год (значит и невыполнение ДТО предложения о расследовании жалобы Рыбакова) как безнадёжные, нужно похоронить, а в 1935 году Нач. ДТО обещал на запросы прокуратуры отвечать немедленно.

И только после новых запросов Главной военной прокуратуры в мае 1935 года (когда с момента получения прокурором дороги жалобы Рыбакова прошел уже целый год) прокурор дороги решил наконец... еще раз написать нач. ДТО, что положение с расследованием жалобы явно ненормальное и т. д. и т. д. Но в это время Трансп. отд. НКВД сообщил прокурору, что дело Рыбакова вместе с расследованием, якобы, еще в сентябре мес. 1934 года было сдано в Военную прокуратуру.

Ни в ДТО (по заявлению работников ДТО), ни в прокуратуре дела военного трибунала о Рыбакове и материалов расследования по его жалобе сейчас нет; все это утеряно. Прокуратура утверждает, что аппарат Дор.-трансп. отдела дела этого и расследования в прокуратуру не сдавал, и сообщения об этом и соответствующие записи в разносной книге неправильны.

Имеющиеся по этому вопросу в Прокуратуре Союза материалы говорят о том, что вопрос этот нуждается в проверке.

Однако независимо от всего этого всю работу военной прокуратуры Забайкальской дороги и прокурора дороги Сапожникова и его б. заместителя Цыганкова по данному делу не могу оценить иначе, как резко неудовлетворительной; налицо полнейшая безрукость, безвольность по отношению к Транспортному отделу НКВД; исключительный формализм, гнуснейшее канцелярско-бюрократическое отношение к живому человеку, к расследованию его жалобы, Рыбаков старый кадровый транспортник (работал на транспорте с 1914 года), прежде не судился, — и если так относятся в прокуратуре Забайкальской дороги к жалобам старых кадровых работников (хоть и осужденных), как же относятся к жалобам остальных граждан?

По распоряжению Главной военной прокуратуры сейчас жалоба Рыбакова восстановлена, он сам допрошен, и даже те документы, которые по делу Рыбакова имеются, дают Прокуратуре Союза основание войти в Надзорно-судебную коллегия Верховного Суда СССР с предложением о переквалификации его преступления с ч. 2 ст. 59^{3а} на ч. 1 ст. 59^{3в} и о резком снижении назначенной ему судом меры наказания.

Работу гг. Сапожникова и Цыганкова в связи с делом Рыбакова признаю настолько безобразной, что оба они подлежали бы немедленному увольнению из рядов Прокуратуры и только, учитывая их долговременную службу в прокурорских органах, признаю воз-

можным на первый раз ограничиться в отношении обоих дисциплинарными мерами.

Приказываю:

1. Военному прокурору Забайкальской дороги объявить строгий выговор с предупреждением, что если он немедленно не организует работу по расследованию жалоб так, как это требуется моими указаниями, и впредь допустит такие «методы» расследования жалоб, как это имело место по жалобе Рыбакова, он будет немедленно уволен из рядов прокуратуры и отдан под суд;

2. Б. зам. прокурора Забайкальской дороги Цыганкову, ныне пом. военного прокурора Харьковского военного округа, объявить строгий выговор с предупреждением.

3. Поскольку военный прокурор Забайкальской дороги Сапожников не справился ни с расследованием жалобы Рыбакова по существу, ни с расследованием дела о том, кто виновен в пропаже дела Рыбакова и материалов расследования по его жалобе, поручаю расследование этих вопросов произвести военному прокурору Забайкальского военного округа т. Суслову, которому ГВП направить весь имеющийся по этим вопросам материал.

Тов. Суслову закончить это расследование в месячный срок с момента получения этого приказа и соответствующих материалов и предоставить мне материалы расследования со своим заключением через главного военного прокурора.

4. Всем прокурорским работникам сделать надлежащие выводы из этого дела. Произвести тщательную самопроверку своей работы по расследованию жалоб.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

21 июля 1935 г. № 36/71.

О МЕРАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ознакомление с материалами расследования и судебной практикой по делам о несовершеннолетних показало, что как в процессе предварительного следствия, так и при рассмотрении этих дел в судах, допускаются серьезные нарушения, к изжитию которых необходимо принять немедленные меры.

Одним из существенных недочетов является тенденция судебно-следственных работников к расширительному толкованию постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», выражающаяся в привлечении к уголовной ответственности детей, не достигших 12-ти летнего возраста, привлечении за преступления, совершенные до издания этого закона, а также за преступления, им не предусмотренные.

Из главнейших недочетов судебно-следственной работы необходимо отметить следующие:

1. По линии работы органов дознания, следствия и прокуратуры

а) Имеет место необоснованное привлечение несовершеннолетних на основании голословного заявления отдельных лиц и иногда даже и подателей;

б) как правило, возраст привлеченных к ответственности устанавливается «на глаз» или

«со слов», а не на основании документальных данных (метрическая выписка или акт медицинской экспертизы);

в) лица, производящие расследование, допрашивают несовершеннолетних свидетелей, как взрослых и некритически относятся к их показаниям;

г) ограничиваясь установлением факта преступления, органы расследования не доискиваются причин, его породивших (влияние родителей, семейная обстановка, материальные условия, отсутствие надзора, подстрекатели, преступная среда и проч.);

д) основное требование закона 7 апреля 1935 г. — привлечение к ответственности взрослых, разлагающих и толкающих ребенка на преступление — почти не выполняется;

е) не допрашиваются родители, опекуны и др. лица, обязанные следить за детьми (педагоги школ и пр.);

ж) наблюдаются частые случаи необоснованного задержания детей милицией, производимые при этом в грубой форме;

з) не соблюдаются процессуальные нормы, гарантирующие правильное расследование, а в дальнейшем правильное рассмотрение дела судом;

и) недостаточно участие прокуратуры в подготовительных и судебных заседаниях;

к) слабо осуществляется прокуратурой надзор за местами лишения свободы несовершеннолетних.

2. По линии судебной работы

а) Имеют место случаи рассмотрения дел о несовершеннолетних в дежурных камерах суда;

б) не все дела о несовершеннолетних проводятся через подготовительные заседания, причем качество работы последних также не является удовлетворительным. Подготовительные заседания недостаточно тщательно проверяют обвинительные материалы, зачастую формально утверждают обвинительные заключения, принимают к рассмотрению дела, не предусмотренные законом 7 апреля 1935 г. не отмечают недочетов дознания и следствия как по существу дела, так и в смысле нарушения процессуальных норм, не всегда возвращают явно недоброкачественный материал на дополнительное расследование, не ставят вопросов о вызове в судебные заседания медико-педагогической экспертизы, не вызывают родителей или других ответственных за воспитание ребенка лиц.

В результате неудовлетворительной работы следствия и подготовительных заседаний в судебные заседания ставятся дела, по которым затем выносятся оправдательные приговоры;

в) В судебных заседаниях недостаточно учитываются специфичность дел, не создается нужная обстановка, отсутствует достаточно ясное разъяснение подсудимых их прав (в частности прав обжалования); само судебное разбирательство зачастую ведется не чутко и грубо.

В судах отмечается стремление к упрощенству процессуальных норм;

г) как и следственные органы, суды в совершенно недостаточной степени выясняют организаторскую и подстрекательскую роль взрослых, в том числе классовых врагов и пре-

ступников рецидивистов, а также не выявляют влияния родителей, семейно-бытовых и материальных условий среды и других причин, повлекших за собой преступления несовершеннолетних;

д) неорганизована защита, а там, где она принимает участие в судебном разбирательстве, она недостаточно инструктирована, характер выступлений отдельных защитников показывает, что защита недостаточно учитывает, что она совместно с судом выполняет единую воспитательную роль, и вместе с судом должна бороться с лицами, виновными в создании обстоятельств, толкающих детей на преступный путь;

е) отсутствует подбор специальных нарзаседателей по делам о несовершеннолетних, в судебных заседаниях участвуют очередные заседатели по общему списку.

В силу изложенного Верховный суд и прокуратура Союза ССР, в дополнение к уже изданным директивам, предлагают всем судебно-следственным и прокурорским органам:

1. Не допускать привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в порядке расширительного толкования закона 7 апреля 1935 года.

Привлечение несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет может иметь место лишь в делах о нарушениях, предусмотренных постановлением ЦИК и СНК 7 апреля 1935 года; все остальные случаи нарушений со стороны детей в возрасте от 12 до 16 лет в уголовном порядке не наказуются и за них ответственность несут родители, опекуны, а также подстрекатели и организаторы преступлений несовершеннолетних — согласно законов от 7 апреля и 31 мая 1935 года,

2. Установить специальное наблюдение за проведением в жизнь постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 года в части усиления органами милиции борьбы с хулиганством на улицах детей и подростков, а также за наложением теми же органами штрафов на родителей в точном соответствии с п. 18 указанного постановления.

3. В целях повышения качества расследования ведущих эти дела и в случае их нежить краевым и областным прокурорам во всех крупных городах и фабрично-заводских центрах:

а) выделить специальных следователей;

б) проверить деятельность работников (милиция) ведущих эти дела и в случае их несоответствия добиться выделения специальных, более подготовленных лиц, для ведения дознания по этим делам;

в) установить такой порядок, согласно которому ни одно дело о прелании несовершеннолетнего суду не может быть направлено в соответствующую камеру нарсуда без санкции прокурора.

4. В процессе предварительного и судебного следствия документально проверить возраст обвиняемых, обязательно устанавливая не только факт совершения конкретного преступления, но и среду, семейно-бытовые и материальные условия, а также лиц, подстрекавших несовершеннолетних к совершению преступлений или создавших условия для них, привлекая их к ответственности в соответствии со ст. 2 постановления ЦИК и СНК СССР 7 ап-

реля 1935 года и постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 года.

5. Привлекать к материальной ответственности родителей и опекунов за действия детей, причинившие материальный ущерб безотносительно к возрасту несовершеннолетнего, причинившего вред, и независимо от ответственности самого несовершеннолетнего в соответствии со ст. 9 ГК РСФСР и соответствующей статьей УК других союзных республик.

6. Впредь до издания специального закона, опекунов, использующих опеку в корыстных целях и оставляющих опекаемых детей без надзора и необходимой материальной помощи, привлекать к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

7. Строжайше следить за тем, чтобы несовершеннолетние правонарушители, подвергнутые аресту или изъятию с улицы, изолировались от взрослых в специально приспособленных для этого помещениях; не допускать пребывания несовершеннолетних в приемниках-распределителях более одного месяца, следить за тем, чтобы в изоляторах и приемниках-распределителях несовершеннолетние правонарушители помещались изолированно от несовершеннолетних рецидивистов.

8. Все дела о несовершеннолетних должны вноситься на рассмотрение подготовительных заседаний.

9. Показательные процессы по отдельным типичным делам, имеющим особо воспитательное значение, допускать лишь с разрешения председателей край(обл)- или главсудов и председателей верховсудов в республиках без областного деления по согласованию с соответствующим прокурором и с ведома отделов народного образования.

10. Предложить судебным органам выделить специальных защитников по делам о несовершеннолетних, причем установить, что защита участвует в процессах о несовершеннолетних независимо от того, есть ли у обвиняемых родители или нет.

Предложить подлежащим судам провести специальные совещания с защитой по вопросу о методах ее работы.

11. При выборе мер наказания суды должны руководствоваться нижеследующим:

а) не применять ст. 50 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик;

б) сроки лишения свободы определять в пределах соответствующих статей УК, причем к рецидивистам, беспризорным, неоднократно бежавшим из детских учреждений, применять более длительные сроки лишения свободы;

в) к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет применять принудительные работы в случаях нецелесообразности применения других мер и притом, если исполнение этих работ специально организовано;

г) в подлежащих случаях применять помещение детей в соответствующие дома Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса, отдачу на поруки родителям, опекунам, а также практиковать меры общественно-воспитательного характера; порицание, предостережение и пр.;

д) в тех случаях, когда суд найдет ненужным применение меры уголовного наказания, но установит безнадзорность детей, он дол-

жен в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. при наличии родителей ставить вопрос об изъятии этих детей от их родителей и направления в детские учреждения за счет родителей (ст. 22); при отсутствии у детей родителей и родственников, в соответствии со ст. 11 постановления от 31 мая 1935 г., обязывать специальным определением местные органы власти об устройстве этих детей (назначение опекунов, направление в детские дома).

12. При возбуждении органами Наркомпроса вопроса об изъятии ребенка от родителей и помещении его в детский дом с оплатой стоимости его содержания за счет родителей, этот вопрос, согласно ст. 22 постановления 31 мая 1935 г., подлежит рассмотрению нарсуда с обязательным участием прокурора.

13. Предложить судам, в случаях вынесения приговоров с условными мерами наказания, а также отдачи на поруки, с мерами общественно-воспитательного характера (порицания, предостережения), обязательно периодически проверять результаты через общественный актив.

14. В соответствии с п. 7 постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г., лиц, виновных в расхищении материальных ресурсов детских учреждений, привлекать к уголовной ответственности по закону 7 августа 1932 года.

Работников административно-хозяйственного персонала тех же учреждений за побегі воспитанников и сокрытие побегов привлекать к уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

15. Предложить судам широко развернуть массово-профилактическую работу и конкретные приговоры прорабатывать в школах, пионеротрядах, жактах и т. п.

16. Предложить верховным судам союзных республик, а также краевым и областным для рассмотрения дел о несовершеннолетних выделить специальные составы кассколлегии.

17. Предложить край(обл), главсудам и прокурорам взять на учет все дела о несовершеннолетних, а верховным судам и прокурорам союзных республик систематически производить проверку этих дел в порядке надзора.

18. Предложить верховным судам и прокурорам союзных республик ежемесячно представлять Верховному суду и Прокуратуре СССР докладные записки о движении дел о несовершеннолетних, основанные не только на статистических материалах, но и на практическом изучении конкретных дел.

Прокурор СССР
А. Вышинский

Председатель
Верхсуда СССР
А. Винокуров

21 июля 1935 г.
№ 36/71

О ЗЛУОПТРЕБЛЕНИЯХ В КОМИССИОННЫХ МАГАЗИНАХ

Комиссиями партийного и советского контроля установлено, что в комиссионных магазинах ряда городов имеют место крупные злоупотребления и грубые нарушения правил государственной торговли.

Установлено, что отдельные работники комиссионных магазинов вступают в связь со спекулянтами, принимая активное участие во всякого рода мошеннических проделках, связанных со сдачей на комиссию различных товаров и предметов.

Вопреки действующим правилам о работе комиссионных магазинов работники их допускают прием на комиссию товаров от кустарей и артелей. Для сокрытия всех этих фактов комиссионные магазины не указывают фамилий сдатчиков в книгах приема вещей и выдают на каждую из сдаваемых вещей — отдельную квитанцию, хотя бы эти вещи сдавались целыми партиями. В целях личного обогащения работники комиссионных магазинов практикуют фиктивный возврат вещей клиентам, удерживая в свою пользу полагающиеся магазину денежные начисления (так называемые «наложения»). Установлено также много случаев приема на комиссию вещей без выдачи квитанций и проведения этих операций по книгам, что давало возможность работникам магазинов присваивать причитающиеся магазину денежные начисления.

Со всеми этими и подобными им злоупотреблениями и грубейшими извращениями принципов советской торговли органы Прокуратуры обязаны вести решительную борьбу. Однако, по имеющимся в Прокуратуре Союза данным, эта борьба органами Прокуратуры ведется совершенно недостаточно, а в ряде мест вовсе отсутствует.

П р и к а з ы в а ю:

Всем прокурорам союзных республик принять срочные меры, обеспечивающие систематическое выявление всякого рода преступлений и извращений в деятельности работников комиссионных магазинов, неуклонно привлекая к ответственности виновных, руководствуясь при этом следующими указаниями:

1. За принятие для продажи через комиссионные магазины от спекулянтов скупленных этими последними товаров привлекать должностных лиц этих магазинов к ответственности по ст.ст. 17—107 и 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. За фиктивный возврат товаров покупателям, прием на комиссию вещей без проведения по книгам, превышение при продаже установленной комитетами цены вещи, с присвоением разницы в цене — привлекать к ответственности по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

3. За принятие работниками комиссионных магазинов товаров от кустарей и приобретение для перепродажи товаров в государственной торговой сети, а также в других комиссионных магазинах — привлекать к ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

4. Наряду с непосредственными виновниками перечисленных выше преступлений должны привлекаться к уголовной ответственности также бездействующие или попустительствующие этим преступлениям руководители организаций и вelenии которых состоят эти комиссионные магазины, с квалификацией их преступлений, в зависимости от обстоятельств дела, по ст.ст. 111 или 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

5. Развернув решительную борьбу с злоупотреблениями должностных лиц комиссионных магазинов в соответствии с данными, выше указанными, органы прокуратуры обязаны со всей энергией и беспощадностью вести борьбу и с самими спекулянтами, неуклонно привлекая их к ответственности по ст. 107 УК РСФСР и соответствующим статьям других союзных республик, добиваясь от судов применения к ним жестких мер уголовного наказания.

6. Предлагаю прокурорам союзных республик принять меры к установлению органами Прокуратуры особого наблюдения за своевременным движением дел указанных категорий в судах и осуществлением строгого и систематического надзора как за сроками прохождения этих дел, так и за правильным применением к виновным установленных законом мер наказания.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

28 июля 1935 г.

№ 74/8.

О ПРОКУРОРСКОЙ РАБОТЕ В КАССКОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР

1. Подтвердить к неуклонному исполнению обязательность дачи заключения и участия прокуроров в кассационных заседаниях по всем, без исключения, делам рассматриваемым Военной, Транспортной и Воднотранспортной коллегиями Верховного суда СССР.

2. Установить, что при рассмотрении кассационных дел прокуроры обязаны представлять кассационной коллегии свои заключения в письменной форме, причем заключения по делам, по которым прокуратура считает необходимым отменить или изменить приговор, а также по всем делам с высшей мерой наказания — должны быть подробно мотивированы.

Предложить т. Янскому внести в практику прокуратуры по делам водного транспорта наряду с дачей письменных заключений заполнение прокурорами карточек по кассационным делам, как это имеет место во всех других отделах и управлениях Прокуратуры Союза.

3. Просить председателя Верховного суда Союза обязать Военную и Воднотранспортную коллегии направлять в соответствующие главные прокуратуры копии определений по всем делам, рассмотренным в кассационном и надзорном порядке.

Обязать прокуроров, дающих заключения по делам, знакомиться с этими определениями, делая об этом соответствующие отметки на копиях определений.

4. Обязать прокуроров, дающих заключения, докладывать главным прокурорам — военному, ж.-д. и водного транспорта о всех случаях:

а) существенных расхождений между заключением прокурора и определением кассационной коллегии;

б) о всех определениях, в которых кассационными коллегиями допущены неправильные мотивировки.

5. Предложить главным прокурорам военному, по ж.-д. транспорту и водному транспорту установить категории дел, которые дол-

жны в обязательном порядке докладываться прокурорам до дачи ими заключений в кассационную коллегиям соответствующим главным прокурорам.

В частности считать обязательным доклад главному прокурору всех дел, по которым вынесена высшая мера наказания, а также всех дел, которые поступают в кассационную коллегиям с протестами местного прокурора.

6. Обязать всех прокуроров, дающих заключения по делам, в случаях обнаружения допущения местными прокурорами существенных недочетов в расследовании дел и в составлении и утверждении обвинительных заключений, а также неопротестования местными прокурорами неправильных приговоров суда, — направлять за подписями руководителей соответствующих отделов или групп указания на места по каждому конкретному делу.

7. Обязать главного военного прокурора, ж.-д.-транспортного прокурора и главного прокурора по водному транспорту не реже раза в квартал обобщать материал кассационной практики, давая на места соответствующие инструктивные письма с освещением наиболее важных вопросов, характеризующих работу следователей и прокуроров.

8. Предложить всем прокурорам главных прокуратур, выступающим в кассационных коллегиях, строго соблюдать требование Уголовно-процессуального кодекса о порядке рассмотрения дел в кассационных инстанциях, не допуская никаких отступлений от этих правил.

9. На главных прокуроров возлагаю персональную ответственность за систематический

контроль в деле соблюдения подведомственными им прокурорами настоящего приказа.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ
31 июля 1935 г.

№ 421.

ПРОКУРОРАМ И ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ СУДОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Научно-исследовательский институт уголовной политики при Прокуратуре и Верхсуде Союза ССР и НКЮ РСФСР собирают материалы для организации криминологического музея.

В целях оказания содействия организации такого музея, предлагаю Вам принять меры к направлению в адрес этого Института (Москва, Б. Дмитровка 15-а) таких предметов из числа вещественных доказательств, фотографий и документов, которые имеют музейный интерес, представляют более или менее крупное значение для истории советского суда и борьбы с преступностью, по минувании надобности в хранении этих предметов, документов и дел.

Из предметов преступной деятельности представляют интерес разнообразные формы подделок, подделок (в частности денежных знаков — незаконно выпущенные дензнаки, выгрышные займы).

Дайте соответствующие указания по периферии.

Прокурор СССР
А. Вышинский

Председатель
Верхсуда СССР
А. Винокуров

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР Июнь 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Просвещение

1. Об обеспечении школьного строительства в городах в 1935 г.—пост. СНК СССР от 19/III 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 240).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

2. О проведении учета хозяйств и скота в июне—июле 1935 г.—пост. СНК СССР от 17/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 29, ст. 231).

2. Промышленность

3. О дополнении постановления СНК Союза ССР от 3 сентября 1934 г. «О прекращении беспроектного и бесметного строительства» — пост. СНК СССР от 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 239).

3. Земля и сельское хозяйство

4. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Азово-Черноморскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 215).

5. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Крымской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 216).

6. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Саратовскому краю — пост. СНК СССР от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 217).

7. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Московской обл. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 27, ст. 218).

8. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Калининской обл. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 219).

9. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Украинской ССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 29, ст. 229).

10. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Курской обл. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 29, ст. 230).

III. ФИНАНСЫ

11. О снижении ставок налога с оборота на продукцию подсобных хозяйств государственных, кооперативных и общественных организаций — пост. СНК СССР от 9/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 226).

12. О сельскохозяйственном налоге на 1935 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 232).

13. О самообложении на 1935 г.—пост. ЦИК и СНК СССР от 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 233).

14. Об изменениях в «Положении о сельскохозяйственном налоге на 1934 г.» в связи с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР «О сельскохозяйственном налоге на 1935 г.» (СЗ 1935 г. № 30, ст. 237).

15. Об изменениях в законе «О самообложении сельского населения на 1934 г.» в связи с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР «О самообложении на 1935 г.» (СЗ 1935 г. № 30, ст. 238).

IV. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

16. О передаче государственных предприятий, зданий и сооружений—пост. ЦИК и СНК СССР от 29/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 221).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

17. Об утверждении инструкции Народного комиссариата здравоохранения РСФСР о повышении заработной платы медицинским работникам—пост. СНК СССР от 28/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 224).

18. О пособиях по временной нетрудоспособности для рабочих и служащих коммунальных предприятий (электростанций, гидростанций, водопровода, канализации)—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 236).

VI. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

19. О предоставлении органам Главного управления пожарной охраны НКВД Союза ССР права производства расследования по делам о пожарах и нарушениях противопожарных правил—пост. ЦИК и СНК СССР от 17/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 28, ст. 222).

20. О принудительном исполнении решений ведомственного арбитража—пост. СНК СССР от 14/IV 1935 г. (СЗ 1935 № 28, ст. 228).

21. Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов—пост. ЦИК и СНК СССР от 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 234).

22. О дополнении ст. 19 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»—пост. ЦИК и СНК СССР от 28/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 30, ст. 235).

Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского

Сталиногорск

Слет работников юстиции совместно с ответственностью в лице членов групп содействия прокуратуре, производственных и сельских судов в количестве 800 чел. г. Сталиногорска шлет тебе, лучшему проводнику революционной законности, пламенный большевистский привет.

Собравшись на слет для обсуждения задач органов юстиции, в борьбе за выполнение решений июньского пленума ЦК нашей партии, мы выражаем полную уверенность в том, что под руководством нашей партии, во главе с т. Сталиным, сумеем доказать на деле нашу преданность делу социализма, в борьбе с остатками классово враждебных элементов как в городе, так и в деревне.

Особо уделим внимание выполнению важнейших задач, стоящих перед нами в данный момент, в деле успешного проведения уборочной, заготовительной и осенне-посевной кампаний.

Мы берем на себя обязательство конкретно и неуклонно выполнять поставленные перед нами задачи, каждый на своем участке, на стройке, в цеху, колхозе, совхозе и в бригаде, выявлять классово враждебные и хулиганствующие

элементы и вести с ними решительную борьбу.

Все, как один, мы обязуемся всемерно содействовать правильной организации и максимальному укреплению советской судебно-прокурорской системы, как одного из важнейших рычагов пролетарского государства.

Заверяем тебя в том, т. Вышинский, что мы оправдаем оказываемые нам партией и советской властью доверие и свой долг исполним до конца.

Президиум слета

Карелия

Всекарельское совещание работников юстиции шлет вам свой пламенный привет.

Мы, работники юстиции Карелии, заверяем вас, своего испытанного руководителя на правовом фронте по борьбе со всеми врагами трудящихся Советского союза, что поставленные перед нами партией и правительством задачи по охране социалистической собственности и всемерном укреплении ревзаконности будут выполнены полностью.

За здравствует ЦК ВКП(б) и ее железный вождь т. Сталин.

Президиум совещания

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий номер журнала „ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ“ выходит в увеличенном объеме (72 стр.)
Объем следующего номера будет соответственно сокращен.

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство Советское законодательство

Отв. редактор А. Я. Вышинский
Редколлегия: Г. М. Леплевский, А. А. Сольц
В. В. Сорokin, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников

Адрес изд-ва: Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28.

Рукопись поступила в изд-во 26/VIII. Слано в производ. 27/VIII; подпис. к печати 23/IX; форм. бум. 72×110/16; 4,5 п. л.; 10,65 авт. л. С.-04 п; № 190; в одном бум. лис. 225.600 зн. Техн. ред. В. Холмогорова.

Уполн. Главлита Б 12458.

Заказ 1099

Тираж 10.000 экз.

15-я тип. ОГИЗ треста „Полиграфвига“, М. Дмитровка, 18.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на IV квартал 1935 г.
НА ЖУРНАЛЫ:

„ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ“

Ежемесячный орган Прокуратуры СССР

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на 3 мес. . . . . 3 руб.

„СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ“

Ежедекадный орган НКЮ РСФСР

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на 3 мес. . . . . 2 руб. 95 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ

в Главную контору подписных и
периодических изданий КОГИЗа —
Москва, Маросейка, 7

КО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

Государственное издательство „Советское законодательство“ приступило к составлению тематического плана на 1936 г.

В целях охвата планом наиболее актуальных тем по советскому строительству и праву, издания полноценных, марксистски выдержанных учебников для правовых вузов, юридических курсов и самообразования, а также выпуска книг по вопросам текущей практики судебно-прокурорских и следственных органов Издательство просит вас ответить на следующие вопросы, выяснение которых поможет полнее учесть потребность читательских масс:

1. Какие темы и в каком изложении вы считаете необходимым включить в план 1936 г.?
2. Какие книги помогли вам в вашей практической или научно-исследовательской работе?
3. Какие из прочитанных книг, выпущенных Издательством, вы считаете лучшими и что именно вы находите в них ценного?
4. Какие книги вы считаете неудачными и почему (сухость изложения, недостаточная конкретность, ошибочные положения, плохое оформление и т. д.)?
5. Что из ранее изданных книг нужно по вашему мнению переиздать?
6. Какие темы необходимо включить в план издания национальной литературы?

Издательство надеется на вашу активную помощь и ожидает от вас письменного ответа с указанием вашей профессии и стажа.

Ответы направляйте по адресу Издательства:

Москва, Красная площ., здание ЦИК СССР (б. ГУМ), помещ. 28.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО“